Поэтически-прозаический сборник

Жемчужины Викписали

PISALIUS.FANDOM.COM/RU/ — 2020

О нас

Мы — ***коллектив молодых авторов***, пишущих прозу и поэзию на всевозможные тематики. Наше «место обитания» — Википисалия, эдакий сайт-***самиздат***, энциклопедия творчества, где размещаем не только сами произведения, но и статьи про то, что в них встречается.

Писательство для нас — это способ ***самовыражения***, ответа на различные вопросы, встречающиеся на жизненном пути. Едва ли кто-то из нас смотрит на книгу как на способ заработка — и именно это добавляет ценности работам: пишем ***от души, а не ради денег***; пишем для себя и для общества, а не для кошелька и издательств.

В данный сборник вошли лучшие произведения, опубликованные на Википисалии с момента основания и до конца 2019 года. ***Авторы — молодёжь и подростки***, так что с этих страниц вы можете узнать свежий, юный взгляд на мир, в некоторых случаях даже не уступающий тем, кто смотрит с высоты годов.

Википисалия многонациональна, поэтому и пишем мы на ***нескольких языках***. Хотя основным языком является русский, на страницах «Жемчужин» вам встретится пара работ на украинском и белорусском.

Если хотите больше узнать об авторах, проследуйте в конец книги, раздел «Авторы».

Сборник приурочен к «юбилею» Википисалии — достижению пятисот страниц, включая рассказы, стихотворения, статьи, обзоры и прочее. Каждое произведение по отдельности вы можете также прочитать онлайн на сайте: https://pisalius.fandom.com/ru — а здесь всё собрано вместе, распределено по темам и приготовлено к печати.

Материалы распространяем под **лицензией CC-BY-SA 3.0**, то есть вы можете копировать тексты, но с обязательным *указанием первоисточника* (сайта «Википисалия» и авторов конкретного произведения).

Редактор сборника — Евстигнеев Борис.

Гимн Викописалии *(Бахриддинов Назар)*

Идут-маршируют и топчут враги,
Но волю им нашу сломить не дано.
Стой крепко и голову ввысь подними,
Коль с нами стоишь ты в рядах заодно.

Мы братом, сестрою тебя назовём,
Кричи во весь голос, кричи в небеса!
И в крике покажется шёпотом гром,
И лепетом детским вдруг станет гроза.

Так кто мы такие? О чём мы кричим?
Мы рыцари слова и войны пера.
Для крика писателя много причин:
Настала тяжёлая ныне пора.

Кричим о свободе, о братстве и силе.
О людях, животных… И много о чём.
Кричим вообще обо всём, что есть мире,
О будущем, прошлом, о добром и злом.

Коль сможешь подняться, отбросив сомненья,
Стесненье отбросив, подняв вверх кулак,
Твой дух не увидит бездействий гниенье.
Запомни, что глупость — писателя враг.

Однажды зажжётся в глазах твоих пламя,
Ты в марше писателей душу найдёшь.
Родишься ты снова, возьмёшь наше знамя
И правду узреешь, отвергнувши ложь.

Узнаешь, что выше читающий книги
Над тем, кто уставился в ящик с людьми.
Так вступишь в ряды просвещения лиги,
В попытке очистить от глупости мир?

Философские суждения

В данном разделе собраны произведения, поднимающие важные вопросы бытия: философская лирика, посвящённая как общечеловеческим проблемам, так и личным заботам, а также рассуждения в прозе, порою с элементами психологии.

Человеку *(Эйльхарт Филипп)*

Для кого-то смысл преобладает над формой,
Для кого-то строка — как калёный булат.
Брось навязывать то, что считаешь ты нормой:
Это глупость. Вранье. Как и все, ты не свят.

Ты такой не один, ты такой не последний,
Оплевавший прошедшее через века.
Но лишь миг — и твой крик, молодой и надменный,
Станет шёпотом брошенного старика.

Поиски *(Дымченко Денис)*

Ищу я то, чего ещё не знаю.
Зачем — хотелось бы понять.
Оно вдали, но подбираться к краю
Души, молящей разорвать
Круги, что путь загородили к раю,
Боюсь, не зная, как их драть.

В Аду сознания живут и гаснут
Мечты узнать, мечты не стать
Никем, подобно тем, кто понапрасну
Прожил, желая не вставать
С колен. В бессилье, как и все, я вязну,
Поняв, что суждено страдать.

Когда живут, без стен и без опоры,
Паря в душевной пустоте,
Ловя уничижающие взоры,
Они, в своей неправоте
Идут ко дну, пытаясь влезть на горы.
Летят со скал к пустой мечте.

А я стою, разбередивши раны,
Свои, чужие, чьи-нибудь.
Пустой мирок мой оглядевши странный
Сажусь, понять пытаясь суть
Людской души. Но, заливаясь бранью,
Чешу виски, глотаю ртуть.

Нельзя понять того, что знать не можешь.
Круши, громи, — ответа нет.
Живёшь — люби. Но нет, ты зубы точишь.
Понять невмочь: реальность — бред.
«Живи, не думая! Живи, как хочешь!
Бросай и в путь!» — вот мой ответ.

Всегда радуйтесь *(Евстигнеев Борис)*

Что печален, человече?
И почто твой мрачен лик?
Сослан ли в страну далече,
Труд ли предстоит велик?
Одинок ли в этом мире?
Огорчен от непобед?
Что ж даешь ты духа силе
Скоро так сходить на нет?

Вся земля — творенье Божье,
Хороша она зело[1] —
Убедиться в этом можешь,
Выйдя в город иль в село —
На природу! Передышка
В деле всяком нам нужна.
Труд окупится с излишком
Там, где леность не сильна.
Дел великих тьма на свете,
Нерешаемых — отнюдь.
По частям хлопоты эти
Раздели — и страх забудь.

Коли не к кому глаголать,
Разделить и радость, грусть,
Утоляй душевный голод
Словом из великих уст.
Книг, испытанных веками,
Ты найдёшь немалый ряд,
А слова над всех словами
В Благовестии звучат.

Да, не всякую минуту
Превозможешь над собой —
Неужели мыслишь, будто
По зубам и внешний бой?
Ты исправь себя вначале
И сразу любой порок.
Лишь кто побеждает вмале,
Большее б осилить смог.
Сознавая слабость ныне,
Ты куешь победу впредь.
Как взобраться по драбине[2],
Не миная низ, ответь?

Что ж печалишься напрасно?
Возликуй, живи, чудись!
Аще[3] ты не будешь праздный,
Даст плоды такая жизнь!

---

[1] Очень
[2] Драбина — приставная лестница, стремянка (укр.)
[3] Если

Дзверы без уваходнай ручкі *(Савенок Тимофей)*

«Двери без входной ручки». На белорусском.

Сярод поля стаяў стары дом. На ўзмежку раслі дрэвы — цэлы шэраг елак, які адгароджваў поле ад дарогі. Затым пачыналася высокая, ледзь не па пояс чалавеку, трава. У ёй згубіўся стары драўляны плот са штыкетніку. А за плотам стаяў той самы дом. Калі б не ён, нельга было б сказаць, што тут ёсць нейкі вылучаны ўчастак.

Цагляныя сцены дома былі пакрытыя сеткай расколін, некаторыя сегменты зацягнула расліна. Дах у некаторых месцах прапускаў ваду, у вокны нельга было заглянуць. Невялічкі ганак з бетону крышыўся, злятаючы маленькімі каменьчыкамі ўніз, у траву. А яшчэ ва ўваходных дзвярах звонку не было ручкі.

У доме было цёмна. Праз бруднае шкло вакон ледзь прабіваўся свет, і ад гэтага пакоі выглядалі троху жахлівымі. На падлозе было смецце. Частка яго была смеценая пад сцены і ўтварыла там невялікія ланцугі пагоркаў. Паркет пакрывалі розныя кляксы, падпаліны ад паліва для лямпы, драпіны. На мэблі вісела павуцінне; гронкі абарваных сетак звешваліся ўніз, але на іх месцы ўжо былі новыя.

Віталь, апрануты ў вялікае яму, даўно нячышчанае адзенне, сядзеў, скрыжаваўшы ногі, у аблезлым крэслы з гронкамі абарванай павуціны. Каля крэсла стаяў нізенькі стол з наваленымі на яго часопісамі і кнігамі; паміж імі свяціла газавая лямпа. Паліва ў ёй заканчвалася, і ўжо не было відаць амаль нічога. На каленях Віталя ляжала зачыненая кніга з пабляклым пераплетам; сам жа ён проста глядзеў у цемру і слухаў. Слухаў рэдкія рыпанні дома, шапаценне ветру звонку, слухаў ціканне вялікага гадзінніка. Слухаў «грукат» свайго сэрца.

Раптам скрозь ўвесь гэты гам цішыні прадраўся нейкі новы гук, які Віталь ніколі не чуў. Гэта нехта стукаўся у дзверы… Хлапец першыя секунды не мог зразумець, што ж гэта; потым рэзка падхапіўся, абраніўшы кнігу. Узяўся за лямпу, асцярожна пайшоў: кніжная шафа, лесвіца, потым — па брудным дыване да дзвярэй.

Віталь спыніўся перад дзвярыма, пастаяў, прыслухоўваючыся. Стук паўтарыўся. Хлапец паставіў лямпу на столік каля дзвярэй; паспрабаваў працерці рукавом бруд са шкла, каб выглянуць надвор, але разгледзеў толькі светла-шэрае, а можа, нават і белае адзенне. Пахлопаў сябе па кішэнях, шукаючы ключы, палез у шуфлядку століка. З цяжкасцямі здабыў ключ з-пад стосу нейкіх папер, паднес лямпу да шчыліны, уставіў ключ. Пракруціў. Ухваціўся за ручку, адчыніў.

На парозе стаяў і усміхаўся чалавек. Ён быў апрануты у белую кашулю і трохі цямнейшыя нагавіцы . На баку ў яго вісела на перакінутым цераз плячо рамяні сумка з тканіны. Убачыўшы гаспадара, ён усміхнуўся яшчэ шчырэй. А потым спытаў:

— Прымеце?

— А вы хто? — спытаў у адказ Віталь.

— Я пілігрым на гэтай зямлі. Стукаю у дзверы; калі пускаюць, уваходжу. Хацеў трохі адпачыць…

— У мяне ў хаце адпачнуць не атрымаецца, — з невясёлай грымасай адказаў гаспадар.

— А мяне не хвалююць умовы. Дык можна? — з усё той жа добрай усмешкай зноў спытаў пілігрым.

Віталь акінуў яго позіркам. Нічога асаблівага не скажаш, але ж ёсць нешта… Загадкавае. Як бы недагаворвае нешта.

— Адкуль вы? — Віталю не хацелася пускаць яго.

— З тых мясцін, пра якія ты чуў ад сваіх бацькоў, але якіх не можаш зразумець. Я прайшоў доўгі шлях… Падай, калі ласка, хаця б шклянку вады.

Віталь моўчкі кіўнуў і адышоў у глыбіню дома, даючы госцю месца прайсці. Той спакойна зайшоў, акінуў позіркам пакоі. Віталь тым часам прайшоў міма лесвіцы і шафы на кухню. Паставіў на стол лямпу, у яе свеце паспрабаваў выбраць найменш брудныя талеркі і шклянкі; астатнія ссунуў на процілеглы край. Падцягнуў адзін зэдлік, прапануючы прысесці, сам павярнуўся да пліты; уключыў газ, паставіў на яго чайнік. Адчыніў халадзільнік, знайшоў нейкі засохлы кавалак каўбасы, развярнуўся — і ўбачыў пасярод стала вялікую талерку з садавінай, агароднінай. Усё было свежым, ледзь не сачылася сокам. А побач стаяла поўная паліва лямпа. Пілігрым закрыў сваю сумку і сеў, абапершыся лакцямі на стол.

Віталь павольна падышоў да зэдліка, асцярожна сеў на яго. Баяўся, што зваліцца ад здзіўлення. Пілігрым жа пададвінуў бліжэй да гаспадара стравы — і глянуў яму ў вочы. Віталь адразу адвёў свае. Бо ўбачыў у гэтых вачах няпэўнага колеру нешта дзіўнае і незразумелае для яго. Ён сам не зразумеў, чаму, але гэты позірк крануў яго аж да сэрца, якое на момант затрымалася.

Але пілігрым не адводзіў позірк, назіраў за хлопцам. Нарэшце той не вытрымаў.

— Хто, наогул, вы такі? Чаму вы прапануеце мне сваю ежу? Адкуль яна у вас? І, нарэшце, адвядзіце ад мяне свой позірк!

Пілігрым па-добраму усміхнуўся, але вочы яго ўсё роўна глядзелі Віталю ў душу.

— Я бачу, як ты жывеш. Табе патрэбна дапамога. І я прапаную яе табе. Я магу дапамагчы табе прыбраць у доме.

Віталя чамусьці гэта вельмі узрушыла — ён нават забыўся пра ветлівасць.

— А чаму ты лічыш, што мне патрэбна дапамога? Бачыш, я тут неяк жыву, і мне хапае! Мне не трэба многа! Навошта мне твая дапамога? Пілігрым перастаў усміхацца.

— Ты сам выбіраеш, як табе зрабіць. Але ж наступіць момант, калі ты зарасцеш брудам па вушы. І табе захочацца вычысціць яго. Памятай аб гэтым…

Раптам ён паклаў на стол кнігу, якую Віталь абраніў, і правеў рукой па яе вокладцы. Туды вярнуўся колер, з'явіліся літары. Біблія. Пілігрым устаў, працягнуў Біблію хлопцу і направіўся да дзвярэй. Працер рукавом бруднае шкло — і яно сталася крыштальна чыстым. Павярнуўся да Віталя і з сумнай усмешкай сказаў:

— Абдумай, Віталь, маю прапанову. Абавязкова абдумай. І калі будзеш гатовы — кліч. Я пачую. Бо я чакаю цябе…

Віталь трымаў у руках Біблію, глядзеў услед пілігрыму і пытаўся узгадаць, калі ён гаварыў яму свае імя. Позірк яго засяродзіўся на босых нагах пілігрыма. Той павольна ішоў скрозь траву, якая нібы рассоўвалася перад ім. І на нейкі момант хлопцу здалося, что рукі ў пілігрыма прабітыя…

А як вы — сыны, дык Бог паслаў у сэрцы вашыя Духа Сына Свайго, Які ўсклікае: «Абба, Ойча!»
— Пасланне Святога Апостала Паўла да Галатаў, 4:6

Вось, стаю каля дзвярэй і стукаюся; калі хто пачуе голас Мой і адчыніць дзверы, увайду да яго і буду вячэраць з ім, і ён са Мною.
— Апакаліпсіс Святога Апостала Яна Багаслова, 3:20

Respice post te! Hominem te memento!

(Эйльхарт Филипп)

Поверь, поэт, как высоко бы
Ни развевался славы стяг,
Пройдут года, явятся снобы,
И графоманом окрестят.

Когда ругать продолжат вирши,
Не стерпишь. Закричишь «Обман!»,
Но ничего тут не попишешь:
«N. N. — бездарный графоман».

Вот так при свете тусклой лампы
Вас будут поносить те, кто
Сейчас слагают дифирамбы
И хвалят ваше мастерство.

Тщетно *(Коряпин Иван)*

Насмотревшись на нынешне общество,
Я понял простую, но страшную вещь:
Господами соделавшись, слугами ропщете.
Мир капитализма — для мира зловещ.

И жалкое то бытиё оказалось вдруг тщетно,
Не знаешь, что завтра, быть может, умрёшь.
Какое достоинство — нас обманули конкретно.
Уж лучше и вправду-то завтра падёшь.

Бытиё оказалось вдруг тщетно,
Фатализма законы явилися шире,
Вижу: то, что жило незаметно,
Торжествует назавтра уж в мире.

Остаётся лишь лучшего ждать,
Узрев современное общество.
И сквозь вихрь годов, полагать,
Домчит до нас истина общая.

Избранные рубаи *(Бахриддинов Назар)*

Из первого дивана

Я покажу врагу свой меч,
Рубить жестоко, кровью сечь,
И миру вызов громкий дам,
Счастливым мне в могилу лечь.

И пусть мне известны слова мудрецов,
Но есть мудрецы те, не знаю чьих слов.
И даже узнав их, цепляться не буду,
Не стану я рыть себе огненный ров.

Из второго дивана

В сосуде вся жидкость размер обретёт.
Лежи она там хоть месяц, хоть год.
Таков человек же, характер его
Средь общества станет податливей вод.

А ярость даёт не отвагу, но тем,
Кто в жизни увидел полсотни проблем,
Кто ярости злобной контроль даровал,
Тот знает, что он в этой жизни не тлен.

Тот воин велик и пригоден для нас,
Что вырвать за службу готов себе глаз;
Кто жизнью за честность рискнуть был готов,
Тот войску рубин, полководцам — алмаз.

Пускай я придумал хоть сотню стихов,
Ничтожен я буду: не знаю азов.
Вот думаю часто: Какой я поэт?
Ведь стих, коль подумать, не крас и не нов.

Из третьего дивана — Искусство войны

Успех обеспечен, порой, не стратегом,
А скоростью действий и быстрым набегом.
И даже забыв про искусство войны,
Скакать будет войско от брега до брега.

Коль войск много больше — возьми его в круг,
Коль войск вдвое больше — возьмёт пусть испуг,
Коль силы равны уж, то не оплошай.
Коль сил твоих мало — удачи, мой друг.

Кто в древности, было, не мог жить ни дня,
Кому без победы не мил был свет дня,
Брал славу тогда лишь, затем, что легко.
На деле ни силы, ни славы ума.

Пускай и пророет глубокие рвы,
Редуты построит, разрушит мосты,
Сразиться с тобою должон будет он,
Коль место ценнее исхода войны.

Из четвёртого дивана — Поэтам ушедших дней

Чужбин скитальцу свет найти и обрести любовь:
Бобур, пытался долго ты, пытался вновь и вновь…

Бобур, всю долгу жизнь свою по родине скорбел!
Иль мало в жизни ты страдал и лил свою ты кровь?

В селе, недалече, что встал с Бухарою,
Родился ребёнок, что станет героем.
Пускай и газелями ты не богат,
Но ты Авиценой был прозван судьбою.

Для Навои весь мир был преисполнен красоты,
Из «Разговоров птиц» в сердцах взросли его сады.
Для Навои стихи, слова — не просто жалкий звон,
Ведь в смелой благодетели прожил свои он дни.

Чьи карты по звёздам точны по сей день?
Чьи знанья споясали мир, как ремень?
Среди всех улугов[1], велик Улугбек.
Твой образ навис над всем миром, как тень!

[1] Ulug` — (узб.) великий.

Нулевой фон *(Савенок Тимофей)*

Пришло несчастье — человек сам его породил, пришло счастье — человек сам его вырастил. У несчастья и счастья одни двери.
— Конфуций

Артём прошёл мимо доски почёта, мимолётом кинув на неё равнодушный взгляд. Среди других фотографий, местами выцветших, местами просто выглядевших немолодыми, ярко выделялась его физиономия. Само фото было достаточно давним — наверное, вынули из личного дела после категорического отказа Артёма фотографироваться специально для доски, — а вот вывесили его буквально на днях. Причём с пафосом вывешивали, будто на свадьбу провожали: начальник руку жал минуты полторы, коллеги тортик принесли, даже пару шариков вывесили. Правда, теперь на новоиспечённого «почётника» они старались лишний раз не смотреть. Реакция его их не устроила, понимаете ли…

На улице стоял серый вечер. Артём поёжился под холодным ветром, дунувшим было вдоль улицы, поднял ворот куртки и, засунув руки в карманы, поплёлся домой. Старые тесные улочки сжимались вокруг него, вызывая неприятное ощущение тесноты; машины проносились буквально в полутора метрах: пошатнёшься — и пишите некролог. Хорошо хоть, дождя нет, а то бы ещё и водой обдавало.

Подворотня у двора, в котором Артём жил, была классическая — тёмная, исписанная всем подряд в несколько слоёв и со сливной решёткой в самом неожиданном месте. Сколько ни ходи здесь, а все равно через раз спотыкаться будешь. Небольшой дворик тоже явно не блистал — единственное деревце, стоявшее в центре, напоминало каркас пугала, не более. Тонкий, сантиметров десять в диаметре ствол давно засохшего молодого клёна покрывали засечки, выщерблины, вырезанные надписи. Под деревом валялось едва ли не больше мусора, чем в остальных частях двора, вместе взятых, а запах оттуда шёл такой, будто под него ходили все коты и собаки квартала. Несколько скамеек, стоявших под подъездами, передавали привет прямиком из далёкого прошлого; краска на них облупилась, брусья давно потрескались, а некоторые и сломались. Окурки рядом со скамейками образовали сплошной покров, а немногочисленные урны были в крайне плачевном состоянии.

Артём открыл скрипучую дверь подъезда, прошёл мимо почтовых ящиков, под которыми валялись груды спама, поднялся мимо изрисованных стен на второй этаж и остановился перед новенькой металлической дверью с кожаной обивкой, смотревшейся на загаженной площадке примерно так же нелепо, как его фотография на доске почёта.

Замок едва слышно щёлкнул, и парень вошёл в квартиру. Он снимал ее у старой, но на удивление доброй женщины — по собственным словам, квартиру эту она сдавала уже лет двадцать (из которых Артём её занимал всего третий год), а за двадцать лет работы с людьми разной степени паршивости нелегко сохранить нормальный характер и отношение к людям. Сама хозяйка давно жила в другом месте, на квартиру заглядывала раз в месяц — за платой и «проведать паренька», после чего, попив чаю и для приличия осведомившись о делах Артёма и проживании в течение следующего месяца, уходила.

Куртка полетела на пол в прихожей, рядом с двумя парами тапок, не двигавшихся с места, если не считать последней уборки, уже прилично лет; тёмные кроссовки, на работе успешно сходившие за туфли, остались там же. Артём положил портфель на диван, прошёл на кухню и, включив чайник, сел за стол, уставившись в вазочку с печеньем двухнедельной давности.

С квартирой Артёму повезло так же, как и с хозяйкой. В таком районе и в таком доме — небольшая и недорогая квартира с евроремонтом, сделанная под студию из двухкомнатной; кухня была отделена лишь перегородкой, совмещённый санузел был отгорожен по всем правилам. Вид из окон, конечно, был так себе, но парню он и не нужен был. Лишь бы было где с комфортом кинуть кости. А с относительно недавних пор и это отошло на второй план…

Чайник щёлкнул, вода постепенно успокоилась. Артём залил кипятком заварку на дне кружки, вытащил из вазочки печенье и прошёл в противоположный конец квартиры, к письменному столу, по дороге подхватив портфель; поставил кружку с краю, на неё положил печенье, а из портфеля достал ноутбук с работы. В последнее время он стал часто брать работу на дом. Видимо, поэтому и стал в итоге почётным «почётником». Издательство, в

котором он работал, медленно, но неуклонно загибалось, и люди давно перестали выкладываться на работе, не говоря уже о сверхурочном труде…

На экране загорелась неоконченная статья о знаменитой «Дюне» Фрэнка Герберта для литературного журнала на следующий месяц. Сдавать работу надо было через две недели, но она должна была быть очень объёмной — со всеми подтекстами и так далее. Впрочем, больше двух третей было уже готово. Артём отпил чаю, надкусил печенье и принялся за работу, негромко включив в плеере Шопена.

***

Полупустая кружка по-прежнему стояла на краю стола, рядом просыпало крошки едва надкушенное печенье. На экране горела все та же статья, но уже почти законченная. Плейлист с Шопеном подходил к концу. Артём спал на столе, спрятав лицо в переплетённых руках. Часы компьютера показывали половину десятого.

И тут зазвонил телефон, забытый в заднем кармане штанов. С трудом разлепив глаза, парень вытянул жужжащий и звонящий на все лады аппарат и поднёс его к уху.

— Алло… — неожиданно хриплым голосом сказал Артём.

— Артём! Ты там че, спишь, что ли? — раздался в ответ бодрый и весёлый голов Вани, хорошего приятеля.

Парень глянул на время, потёр глаза.

— Нет. Работаю.

— Опять домой ноут притащил? Тебя ж уже вывесили на доску почёта! Все, расслабься!

Артем с вялым возмущением возразил:

— Сдалась мне эта доска… — но Ваня уже его не слушал.

— Давай, отрывай свою задницу от горизонтальных поверхностей и погнали в клуб! Надо тебя расшевелить, а то совсем мрачный стал последнее время! На Четвертой Погонской, помнишь? Нет? А-ай, ладно, сам за тобой зайду! Одевайся давай, через пять минут буду.

Телефон пискнул в знак окончания разговора, и Артём обескураженно обронил его на стол. Ещё раз взглянул на время, вздохнул и, сохранив документ, выключил ноутбук. Ваня хороший паренёк, и работник тоже. Вот только людей с трудом понимает… Но обижать его не стоит, в конце концов, он пригласил.

На улице царила все та же пасмурная погода. Два тусклых фонаря из пяти, висевших над подъездами, с трудом выхватывали из мрака куски двора. Артём втянул голову в плечи, пытаясь спрятаться от ночной прохлады, и пошёл к выходу со двора.

Едва выйдя на тесную улицу, он увидел небольшую компанию из Вани, ещё одного незнакомого парня и двух девушек. Все шли едва не на пружинках, шутили, смеялись и снова шутили. Заметив Артёма, Ваня энергично замахал, показывая, чтобы тот шёл к ним.

— Ну привет! Чего такой хмурной? Веселее надо быть, веселее! Знакомься, Артём, это…

Имена вылетели из головы Артёма мгновенно. К чему имена, если он видит этих людей едва ли не единственный раз в жизни? Машинально отвечая на холодную вежливость, парень все сильнее задумывался о том, что не стоило соглашаться.

Клуб на Четвертой Погонской Артём помнил смутно. Вероятно, здесь Ваня когда-то гулял свой день рожденья — но это было давно, и память об этом давно стёрлась. В целом это было вполне приличное питейное заведение в нормальном здании, с хорошим музыкальным оборудованием и широким выбором напитков. Но, как водится, музыка гремела так, что сердце соскакивало с ритма, а уши начинали нещадно фонить. Артём никогда не понимал такого рода развлечений, но и попыток понять было немного. Однако едва они попали внутрь, стало понятно, что это не то. Поэтому Артём быстрым шагом прошёл мимо танцпола (или скорее танцзоны) к барной стойке и сходу заказал самое простое, что там было.

Музыка била по ушам, сердце заходилось в аритмичном стуке. Хотелось вжаться в плечи, а лучше — накинуть капюшон и спрятаться там, в тени. Жаль, капюшона не было. Поэтому оставалось лишь пустым взглядом водить по царапинам стойки, вздрагивать от особенно сильных ударов звука и изредка прихлёбывать из рюмки. Музыка вгоняла в какое-то агрессивное, боевое состояние, пускала в кровь адреналин, готовивший организм к акту агрессии.
Примерно на третьем «повторе» слева, сойдя на минуту с танцпола, подсел Ваня.

— Ты чего не пошёл танцевать?!

Артём отхлебнул ещё раз и буркнул вполголоса:

— Не люблю. И не умею.

— Что?! Не слышу нифига?! — музыка по-прежнему била в уши, поэтому приходилось почти кричать.

— Не люблю танцевать! — повторил Артём уже громче, нагнувшись к приятелю.

— Да ну?! Все любят! Расслабься ты!

— Не могу! — ответил Артём и вновь оперся на стойку локтями, максимально ссутулившись.

Ваня помолчал.

— Слушай! Я понимаю тебя! Но поверь — я ни капли не обижаюсь на доску и тортик!

— Доска и тортик тут ни при чем!

— Ну ты ведь думаешь, что я на тебя злюсь!

Артём посмотрел на Ваню, вновь перевёл взгляд на стойку, отхлебнул.

— Ошибаешься!

— Так а в чем тогда дело?!

— Меня напрягает это. Все вот это! — Артём порывисто махнул рукой в сторону танцпола. — Эта музыка бьет по ушам! Я не могу так отдыхать!
Ваня посмотрел на меня.

— Зря ты так! Ты думаешь, я тебя не понимаю! А я тебя понимаю!

Артём залпом допил рюмку.

— Не понимаешь! Извини, мне пора!

И, оставив купюру на столе, вышел из клуба.

На улице шёл дождь. За тот небольшой промежуток времени, который Артём провёл в заведении, тучи достигли критической массы и просыпали водяные зерна на землю. Капли были маленькие и очень холодные. Они противно кололи лицо, оставляли в воздухе водяную пыль. Уж лучше бы ливень…

Артём оглянулся на вывеску клуба и, поплотнее укутавшись, медленно побрёл сквозь дождливую ночь.

***

Несколько дней спустя

За окном стоял серый день, ещё не определившийся с погодой. Стрелка часов медленно клонилась к обеду. Полупустая чашка с чаем стояла рядом с ноутбуком. Клавиатура негромко щелкала под пальцами. Артём доделывал статью о «Дюне», практически законченную на выходных.

Текст подбирался к концу. Стрелка ещё медленнее подбиралась к обеду. День за окном, все такой же серый, по-прежнему тёк куда-то вперёд. Наконец завершающая основной раздел точка была поставлена, и Артём откинулся на спинку кресла. Вывод и эпилог можно дописать потом — хоть бы и во второй половине дня. Парень посмотрел на настенные часы. До обеда оставалось ещё многовато. Он потянулся за кружкой, в задумчивости отхлебнул остывший чай. И тут рядом с ним поставил стул Ваня.

— Ну как ты? — сходу спросил он.

— Как обычно, — ответил Артём, поставив чай на стол.

Ваня помолчал, потянулся за чашкой, беспардонно отхлебнул оттуда и поставил ближе к себе.

— Слушай, я реально не обижаюсь на тебя. Да и остальные тоже. У всех бывают плохие дни. А тортик мы в итоге между собой распили, так что и повода-то особого на обиду нет.

— Я верю тебе.

— Да ну? А по-моему, ты просто корчишь из себя не пойми кого. Или думаешь, что слишком хорошо понимаешь окружающий мир.

— Думай как знаешь.

— Нет-нет, я выведу тебя на чистую воду! Вот смотри…

И тут часы пробили. Большинство работников мигом вскочило, похватало куртки и пальто и побежала на обед. Артём тоже встал, закрыл ноутбук.

— Пошли, пообедаем.

Самая популярная среди работников кафешка находилась через дорогу. Но Артём не хотел лишних глаз, поэтому призывно махнул рукой Ване и, свернув за угол, пошёл в направлении другой забегаловки, метрах в двухстах.

Ваня секунду тормозил, а затем быстрым шагом догнал Артёма и пошёл рядом.

— Так все-таки нафига ты берёшь работу на дом? Ты ведь уже попал на доску почёта! Чего ещё тебе надо от захудалого издательства?

Артем помолчал.

— А вдруг мне нравится моя работа?

Ваня усмехнулся.

— Не смеши меня! Я видел, с какой кислой миной ты сидишь в кресле! Нравится ему работа…

Артём слегка повернул голову в сторону Вани.

— С такой миной я хожу всегда. Мы пришли.

Они зашли в кафе, сели за столик у стены.

— Тогда объясни мне, зачем тебе эта бесполезная доска почёта?

— Она мне не была нужна.

— А зачем ты работал дома?!

Принесли меню. Артём нашёл знакомую строчку, заказал. Помолчал.

— Больше нечего было делать.

Ваня удивлённо и озлобленно выдохнул.

— Я ж тебя на дискотеку позвал! А ты взял да свалил! Делать ему нечего…

— Я не могу так отдыхать. Не то место, не та музыка, не та громкость.

— Угу, все могут, а ты не можешь…

Артёму принесли суп и чай, он отпил. Ваня свой заказ все ещё ждал.

— Знаешь, кажется, мне пора рассказать тебе, в чем истинная причина.

Ваня скептически ухмыльнулся.

— Н-ну-ну. Валяй.

— Я подавляю эмоции.

— Ну да, это ведь так незаметно…

— Не перебивай. Это основа моей философии. Если можно так сказать. Природа всегда находится в балансе. Это относится и к эмоциям. Их можно представить как равноплечий рычаг. Кладёшь на одну половину положительную эмоцию — и для равновесия на противоположное плечо надо положить отрицательную.

Артём отпил ещё чаю, глотнул ложку супа.

— Ну и откуда ты выкопал сию философскую теорему?

— Сам вывел. Из личного опыта и логики. Не раз такое бывало — идёшь домой в хорошем настроении, а в подворотне спотыкаешься и ушибаешь ногу. Или ключ в двери заклинит. Или ещё что похуже.

— И-и?

— И я сделал выводы.

— По которым теперь давишь эмоции?

— Да. Если не трогать рычаг, он будет оставаться в равновесии.

Коллеги молча посидели. Артем принялся за суп.

— Знаешь, я вот тут посидел, подумал… И сдаётся мне, все это ты щас выдумал за пять минут, пока мы до кофейни шли, — начал Ваня. — Потому что я прям вот сходу могу тебе указать как минимум одну ошибку твоей — тут он

хмыкнул, — теории. Ты не можешь подавить эмоции полностью. Просто не можешь. Человек слишком слаб для этого. И вот тебе пример. В пятницу на дискотеке ты явно испытывал злобу, хоть и почти не выказал этого. Ты не избежал эмоции…

— Избежал, — перебил его Артем. — Подавил.

— Сам себя запутал… Избежал и подавил — не синонимы. Ты можешь научиться не показывать эмоции, запихнуть их куда-то глубоко в себя — но полностью убрать их тебе просто не хватит сил.

— А мне кажется, ты пытаешься строить выводы, совершенно не проникнувшись самой идеей. Это мало того что непрофессионально, это просто глупо.

— Глупо выдумывать всякую ересь, чтобы прикрыть собственное честолюбие и потешить эго! — Ваня закипал.

Артём промокнул губы салфеткой.

— Ты меня так и не понял, Ваня. Подумай, пожалуйста, на досуге. Ведь работа для тебя — всё равно, что досуг.

Ваня начал медленно краснеть от злости.

— Знаешь, что?! Зато я не строю из себя напыщенного индюка-философа, рассуждающего о законах Вселенной, пока за ним идут пускать на суп! Диоген современной версии, чтоб тебя… Да где мой чёртов заказ?! — закричал он в сторону служебных помещений кафе.

Артём встал из-за стола, накинул куртку.

— Скажи на работе, что я взял выходной за свой счёт. И попроси кого-нибудь выслать мне на домашнюю почту недоделанную статью с ноута. Приятного аппетита.

И оставив на столе оплату, он вышел из кафе в серый полдень…

…Артём иногда любил гулять по набережной. Здесь было холодно и неуютно, зато красиво. И почти безлюдно в это время года — в этом месте река протекала через лесопарк, местами кое-как облагороженный, а большей частью состоящий из деревьев и тропинок. Даже удивительно, что набережная здесь была приличная.

А ещё здесь хорошо думалось и рассуждалось. «Вот ведь Ваня, чтоб его!.. Людей не понимает, все перевирает на свой лад, философию услышал пять минут назад, а уже выдаёт опровержение… А ведь порой со стороны бывает видно куда как лучше… Не Ване, кому угодно, но только не ему! Он недостаточно умён для этого!..»

От злости, несмотря на все усилия закипавшей внутри, Артём пнул подвернувшийся под ногу камешек. Тот поскакал по плитке набережной, отскакивая от углов. Парень догнал его, постоял секунду, а затем пнул, уже слабее. Злость стала куда-то отступать, на её место пришло умиротворение. Он снова догнал камень, пнул ещё раз; камень заскакал вперёд. И Артём пошёл за ним ускоряющимся шагом — а затем и вовсе побежал, словно ребёнок, подпинывая кусок породы из стороны в сторону.

Камешек улетел влево, заскакал по ступеням набережной, которые то и дело облизывала небольшая волна. Артём едва не со смехом сбежал вслед, на бегу подхватил его — и с оттяжкой метнул в реку. По лицу его расплылась блаженная улыбка, он закрыл глаза и сел на холодные, влажные ступени, вдыхая свежий воздух лесопарковой зоны.

***

Около недели спустя

Стояло довольно позднее солнечное утро, часов десять утра последнего выходного месяца. Тёплые лучи согревали кожу, играли с редкими пылинками в воздухе, медленно двигали тени по плоскостям. Артём заканчивал собирать вещи, насвистывая себе под нос тринадцатый полонез Огинского.

Хозяйка очень испугалась резкой перемене в характере Артёма. До этого её квартиру снимал меланхоличный, безэмоциональный человек, ни с кем плотно не общавшийся, животных не заводивший и в целом ведший едва ли не затворнический образ жизни — и тут буквально в течение нескольких недель, а то и дней он изменяется на жизнерадостного и весёлого, хоть и все ещё несколько меланхоличного. Естественно, она этому сильно удивилась и немного испугалась. Мало ли какие он таблетки начал принимать? Скоро устроит на квартире наркоманский притон и разнесёт все к такой-то матери! И жилец с трёхгодовым стажем перестал её устраивать — принимать плату на следующий месяц она отказалась, хотя и мгновенно за порог не выставила, разрешила дожить до конца этого. А конец вот он, уже настойчиво стучит в окна.

Немногочисленные вещи Артёма уже были в большой сумке — пара джинсов, пара рубашек, мешок с носками и нижним бельём да свитер сверху. Между ними были аккуратно уложены мелкие безделушки, успевшие скопиться за время проживания здесь или бывшие ещё до этого. Портфель был набит бумагами, и только ноутбук все ещё стоял включённый — Артём ждал ответа по его статье о «Дюне».

Наконец ответ пришёл. Однако и он не был положительным. Рецензент отмечал кардинальную разность в стиле написания основной части и эпилога, называл последний «неуместно позитивным и чересчур контрастным по сравнению с предыдущими разделами» и в целом отрицательно отозвался о статье, назвав финальные выводы ошибочными и несоответствующими всему написанному выше. В связи с этим эпилог необходимо было переработать в кратчайшие сроки — до пятого числа следующего месяца, когда начиналась печать журнала.

Артём внимательно прочёл ответ, несколько разочарованно хмыкнул, пожал плечами в ответ на собственные мысли и закрыл ноутбук. Затем снёс все сумки к выходу, оделся, накинул куртку и в последний раз обвёл покинутую квартиру глазами. И всё-таки ему повезло! Найти *такую* квартиру в *таком* районе, недорогую, с доброжелательной, хоть и со своими тараканами, хозяйкой… Мечта!. .

Замок дважды щёлкнул, скрепляя новенькую металлическую дверь с кожаной обивкой с таким же блестящим красой косяком. Артём подхватил с пола сумку с одеждой и стал неторопливо спускаться по лестнице, отмечая забавные надписи на стенах. По большей части это, конечно, были стандартные «Маша + Паша = <3» или строго им обратные, но встречались и смешные: на стене перед самым выходом из подъезда был добротно нарисован Винни-Пух, а рядом написано: «Вы-те-райте ноги».

Ключи загремели о стенки почтового ящика — по уговору Артём должен был оставить их там. Дверь подъезда мелодично скрипнула, выпуская человека наружу. Солнце приятно согревало, отбрасывало красивые тени от скамеек и веток дерева. Засохший ствол покрывали милые надписи все того же типа «Маша + Паша», но теперь сердечко рисовалось вокруг имён. Как ни странно, обратных по смыслу надписей тут не наблюдалось.

Артём с улыбкой поднял глаза к небу — и увидел прямо над собой ветку клёна, на которой… зеленело несколько листков. Парень поставил сумки на землю, достал из кармана джинсов перочинный ножик и, наклонив к себе ветку, отрезал её от дерева. Здесь она все равно не выживет, а в качестве черенка может и прижиться. Главное — правильно высадить. И чтобы она не засохла до следующего места жительства… Его Артём, в принципе, уже подобрал, однако там могло что-то поменяться, да и добираться туда долговато.

Однако по пути надо было заскочить в издательство — разобраться с кое-какими делами.

У самого входа Артёма встретил главный редактор Тимур, тут же бросившийся распинаться о статье.

— Артём, ну что это за фигня была со статьёй? Кто так пишет вообще? Я, конечно, понимаю: разбежка во времени и все такое, но…

— Я читал рецензию, — оборвал главреда парень.

— Это хорошо. Но тебе надо исправить статью до пятого числа — там уже печатать пора…

— Не могу. Я ведь подал документы об увольнении.

Тимур немного опешил.

— Ещё не рассматривал — ты ведь не закончил статью.

— Рассмотрите, пожалуйста, прямо сейчас.

— А статью дописывать кто будет, умник?

— Ване отдайте. Он способный, он напишет. Особенно если его хорошенечко пнуть.

Главный редактор вздохнул.

— Ладно, пошли… — тут он обратил внимание на сумки Артёма. — Собрался в длительный отпуск, что ли? Так взял бы за свой счёт…

— Нет. — Артём улыбнулся. — Я переезжаю.

— А… А увольняться зачем? Нашёл предложение получше, что ли?.. Ладно, не рассказывай, а то сглазишь, — забормотал главред, идя в свой кабинет вместе с Артёмом. — Характеристику я тебе хорошую напишу, все-

таки на доске почёта у нас висишь… Так… — он открыл дверь в кабинет, прошёл к своему столу, сел.

— Так… где же они… Вот! Вот, — Тимур ещё раз пробежался глазами по заявлению, другим документам. Затем взял ручку, с неудовольствием посмотрел на Артема и подписался внизу листа. Затем протянул бумаги только что уволенному и сказал: — Характеристику я тебе позже на почту вышлю — найдёшь ведь где распечатать? А то сейчас как-то не ко времени, да и ты, видимо спешишь… Что ж, удачи и спасибо за работу!.. Если не секрет, куда ты теперь?

— Куда?.. — Артём на секунду задумался, сохраняя улыбку на лице. — Куда дорога ляжет. Счастливо, Тимур.

…Парень лет 25-27 спустился с крыльца малоизвестного издательства и взглянул на голубое, местами закрытое белыми мягкими облаками небо. С улыбкой вздохнул, взглянул на часы и побрёл по улице в сторону вокзала. До его поезда оставалось ещё два часа.

Ба-бах, ты убит! *(Эйльхарт Филипп)*

По мотивам одноимённого рассказа Рея Брэдбери

Ребяческий смех растворяется в небе,
Пули одна за одной летят мимо.
Его не пугает свист пуль, гул и дребезг:
Вечно живой, вечно неуловимый.

Ребяческий смех, он застрял где-то в детстве,
Всё понарошку: нет смерти, нет боли.
Там, где другие ползут через бездну,
Он скачет вприрыжку сквозь минное поле.

Ребяческий смех растворяется в небе,
Но снова взрыв — и в глазах чуть рябит.
Он будет жить, лишь пока в это верит.
Выстрел. Винтовка.
Ба-бах.
Ты — убит.

Да будет свет (Евстигнеев Борис)

Стихотворение в стиле символизма

Солнечно поле окутано мраком:
Крепость великая в поле стоит,
В тенях от замка не вырастут злаки,
Люд под стеною не загорит.

Стены высокие: метров десятки,
Если не сотни — колодец, не двор.
Выиграть просто у солнца тут в прятки:
Вряд ли ослепит здесь оно взор.

Жители крепости света не знают,
Если и знали, забыли давно.
Люди и тени один в другом тают,
И на душе у них так же темно.

Замка правитель тут солнцу замена,
Но не блестят его латы ничуть.
Солнце искать здесь зовётся «измена»,
Стен вне гулять и подавно забудь.

В полдень приказано прятаться в норы,
Чтобы свет Божий царька не затмил —
Люди противиться слабо готовы,
Хоть под стеною едва ли день мил.

Стену мечом уж рубили соседи
(Жители тайно взывали-то к ним),
Стрелы, и пращи, и копья из меди –
Замок казался всем неодолим.

Так продолжалось недели, годами,
Но появился вдали требушет.
Камни от камня попадали сами —
И показался над крепостью свет.

Замерли люди, на солнце взирая,
И повернулись к тирану спиной.
Брешь во стене им — как будто
дверь рая.
Взяли кирки все, занялись стеной.

Царь сего замка взбесился изрядно
И воеводам велел убивать.
— Камни летают там! Будь всё
неладно! —
И разбежалась, как курицы, рать.

...Крепость в руинах залитая светом,
Сырость и холод сменило тепло,
Но разгрести предстоит ещё это,
Чтобы опять нас во тьму не взяло.

Паладин, пока носят ноги *(Бахриддинов Назар)*

Пускай видят боги,
Что не одинок.
Пока носят ноги,
Кровавый поток.

И пусть говорят,
Что всюду один.
И пусть дают яд,
Но я паладин.

И пусть все вокруг,
И каждый, кто дорог,
Мне скажут: не друг.
Уйду от них в горы.

И пусть меня гонят,
И пусть везде враг.
Но я всё ж не тронут,
И крепок кулак.

Под натиском сотен,
Я выйду на поле.
Один из всей роты,
Противен их воле.

И пусть Бусидо
Везде не в почёте.
Но я всё равно,
Всем воинам роден.

Катана в руках,
Я сам себе рота.
Хоть в сотнях мирах,
Я первый и сотый.

Забуду я страх,
Холодный расчёт.
И сгину я в прах,
Но дух не умрёт.

И гибнет один,
Когда идёт много.
Но я паладин,
Пока носят ноги.

Скальд *(Бахриддинов Назар)*

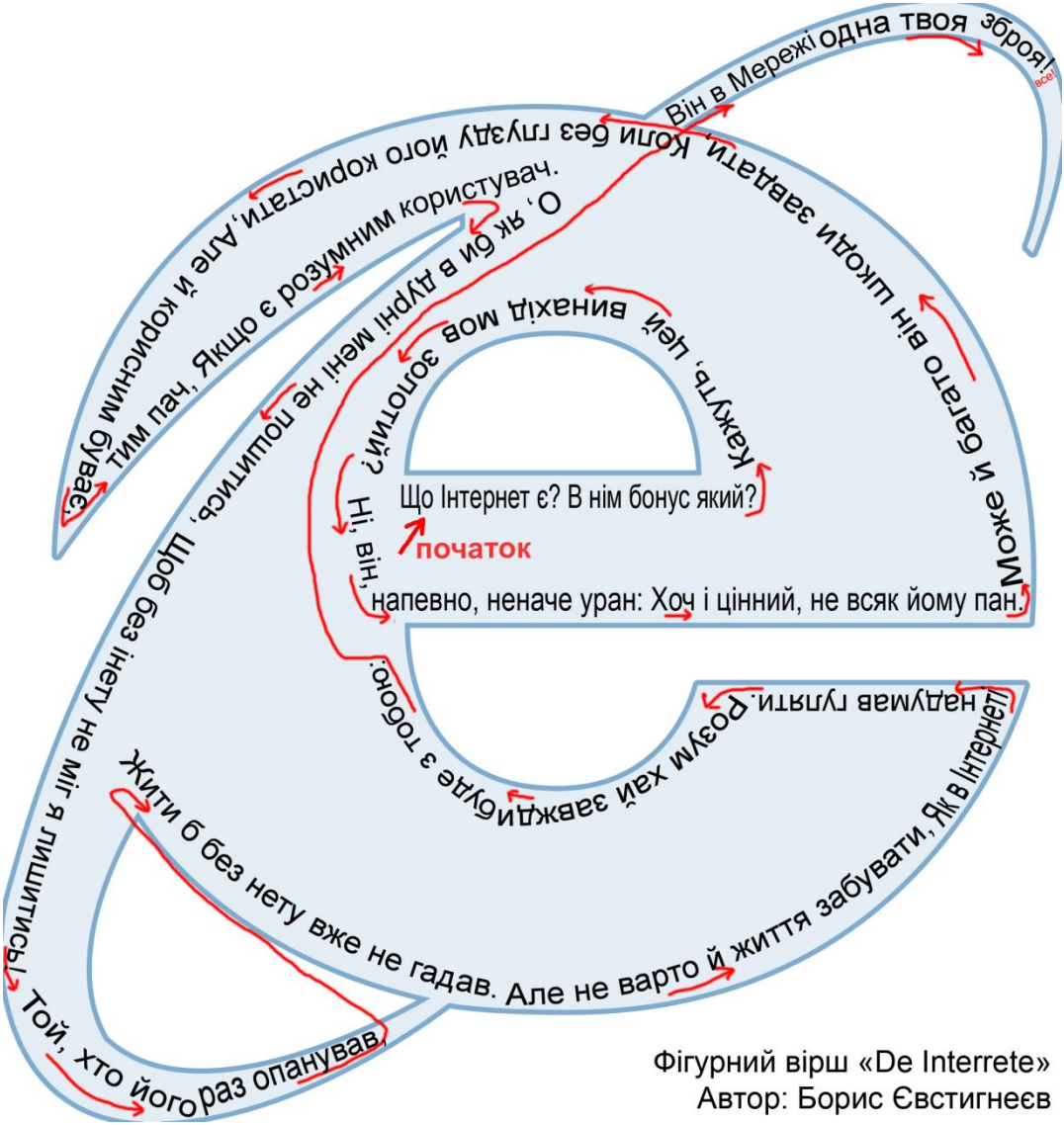
Ушёл из дома с мала лет,
Решил познать он добрый свет.
Ему был мил не звон монет,
А свет, людское счастье.

Он петь желал, слагать стихи.
Желал не знать все те долги.
А нет — уйдёт он в те полки,
Погибнет в одночасье.

Он пел, слагал и жил вот так,
Казалось бы, есть жизни смак,
Он счастлив был, «иван-дурак»,
Но жизнь его — ненастье.

De Interrete *(Євстигнеєв Борис)*

Лат. «Про Интернет». Фигурное стихотворение на украинском языке.
Пародия на «De libertate» Григория Сковороды.



Фігурний вірш «De Interrete»
Автор: Борис Євстигнеєв

Мир рождался новый *(Эйльхарт Филипп)*

Пластик понятий в макетах людей,
Смело подмяты ошмётки идей.
Нет больше смысла хоть в кого-то стрелять,
Если живой — однозначно солдат.

Бить любому морду — здесь такой уговор,
Для кого-то гордость, для кого-то позор.
Выйди на крыльцо или в крутое пике,
Всё равно останешься, как был, в тупике.

Разгорались звезды в безграничную синь,
Снизу — огонёк да скупая полынь.
Плавились оковы да горела земля,
Мир рождался новый в беспредельных яслях.

Тихо гасли звезды в безграничную синь,
Снизу — ясный лёд да немая полынь.
Рушились основы, коченела земля,
Мир рождался новый в беспредельных яслях.

История одного «диагноза» *(Пашинский Андрей)*

Лень — это повтор тусклой и серой обыденности, в которой развиваются страхи, неуверенность и безалаберность.
— Айшек Норам

Виктор сидел за столом и только приступал к завтраку, когда ему постучали в дверь. Обычно в такое время он не ждал никаких гостей, и в какой-то момент ему пришла мысль, что стук был случайным — кто-то ошибся дверью или просто решил похулиганить. Однако стук повторился, и Виктор, наскоро вытерев руки салфеткой, встал и направился в коридор. Он открыл дверь и к великому для себя удивлению увидел за ней своего давнего товарища Егора, который, посмотрев на него невеселым, страдающим взглядом, снял шляпу и, протиснувшись мимо Виктора в квартиру, сразу же направился в гостиную. Виктор вопросительно посмотрел ему вслед, но ничего не сказал. Закрыв дверь, он прошёл в гостиную.

Егор, одетый в серый пиджак и брюки, растекался по креслу. Помятая шляпа лежала рядом с ним. Небритое лицо, всклокоченные волосы и безразличный взгляд — все это указывало на то, что Егора уже не один день

терзала какая-то проблема. Вздохнув, Виктор сел напротив товарища и произнёс:

— Ну, давай рассказывай, что произошло?

Егор посмотрел на друга печальным, безразличным взглядом и тяжело вздохнул. Постучав пальцами по ручке кресла, он снова вздохнул и произнёс:

— Я умираю от тоски. Кажется, ещё неделя — и я точно сойду с ума.

Он отвёл взгляд и уставился в окно. Виктор смерил товарища взглядом и задумчиво промычал. Егор никак на это не отреагировал, продолжая безучастно смотреть в окно. Потом ему это, судя по всему надоело, и он, встав с кресла, начал ходить по комнате. Походка его выражала такое же безразличие, как и взгляд. Казалось, Егор весь целиком пропитался этой апатией. Он продолжал бесцельно слоняться по гостиной, пока это не надоело Виктору, и он не остановил Егора. Усадив того обратно в кресло, он ушёл на кухню, а через минуту вернулся с двумя чашками в руках.

— Будешь кофе?

— К черту кофе, — буркнул Егор.

— А чай?

— И чай туда же.

Виктор пожал плечами и поставил одну чашку на стол, а из другой отпил немного и снова сел в кресло напротив Егора. Тот смерил его все тем же безучастным взглядом и тяжело вздохнул.

— Временами мне кажется, что я изменился и уже не стану таким, как прежде. Ощущение, будто я схожу с ума. Не удивлюсь, если через пару недель я буду слышать голоса, — произнёс он.

— Будешь, — кивнул Виктор. — Ещё как будешь, если продолжишь себе внушать это.

Егор удивлённо уставился на него, сверля недоверчивым взглядом.

— Погоди, ты это о чем? — спросил он.

— О том, что нет у тебя никаких болезней, — ответил Виктор, отхлёбывая из чашки. — Нет, не было и, надеюсь, не будет.

Егор удивлённо посмотрел на свои руки, будто они вдруг покрылись чешуёй и на них выросли длинные когти. Виктор усмехнулся, а Егор, переведя взгляд на него, сказал:

— Ты не понимаешь, друг мой. Я схожу с ума, если уже не сошёл. Меня терзают разные мысли, порою такие ужасные, что я бы не хотел, чтобы о них кто узнал. Иногда на меня нападает странная агрессия, и мне хочется ударить кого-то или, что ещё хуже, — убить. Боже, ты не представляешь, сколько страданий приносит мне эта моя болезнь. Сегодня я даже не пошёл на работу.

— Естественно, предупредив перед этим начальство, — кивнул головой Виктор. — В противном случае тебя уволят.

— А, к черту эту работу, — махнул рукой Егор. — Я плевать хотел на их условия и порядки.

— А жить ты на что собираешься? — удивлённо спросил Виктор. — Или ты думаешь, что кто-то будет содержать тебя?

— Да разве это жизнь?! — воскликнул Егор, ударив рукой по стене. — Когда ты целыми днями только и думаешь о том, как не сойти с ума или не покалечить кого-то, кто сейчас рядом с тобой. Разве это жизнь?

— Так, успокойся, — произнёс Виктор, вставая с кресла. — Я прекрасно понимаю твою проблему, ибо сам часто сталкивался с ней. Лучше расскажи мне про свой... распорядок дня.

Егор удивлённо посмотрел на Егора, после чего хмыкнул.

— И какое это имеет отношение к моей проблеме?

— Прямое, — ответил Виктор, ставя чашку на стол. — Например, мой распорядок такой: утром я встаю в шесть утра, чищу зубы, готовлю себе завтрак. Потом иду на работу. Там я работаю, — тут он сделал акцент на последнее слово. — Работаю, а не сижу сложа руки. Я приветлив с коллегами, не ругаюсь с начальством. Когда рабочий день заканчивается, я, прежде чем идти домой, могу прогуляться по парку или проспекту. А придя домой, я тут же нахожу себе занятие, будь то рисование или уборка квартиры. И у меня никогда не бывает депрессий, переживаний и всего остального. У меня просто нет на это времени.

Егор усмехнулся. Он посмотрел на Виктора, который улыбался, и Егору вдруг показалось, что друг смеётся над ним. Но отогнав эту мысль, он подумал и начал говорить:

— Обычно я встаю в половине восьмого утра. На завтрак времени у меня нет, равно как и на все остальное — я сразу же бегу на работу. На работе меня постоянно что-то раздражает. Я частенько ссорюсь с коллегами — эти тупые бараны только и знают, что постоянно обсуждают неинтересные мне темы. Начальство у меня — таких идиотов ещё поискать надо. После работы я сразу же иду домой, где, ровным счётом, не делаю ничего. Кое-как поужинав, я могу просидеть часов до двух ночи перед телевизором, ибо других занятий нет. А потом ложусь спать.

Вздохнув, он снова посмотрел в окно и продолжил:

— Люблю размышлять... Постоянно думаю. В большинстве случаев о своём здоровье. Вся моя квартира забита медицинскими справочниками. Врачи в поликлиниках разводят руками и утверждают, что я здоров, но я-то знаю, что болезней у меня выше крыши, только врачи скрывают это, чтобы не подорвать и без того пошатнувшееся здоровье. А две недели назад я нашёл у себя симптомы шизофрении, и теперь мне кажется, что в любой момент я могу сойти с ума.

Он упал в кресло, запрокинул голову и упёрся взглядом в потолок. Виктор, до этого момента внимательно слушавший, вздохнул и покачал головой.

— Да, дружище. С таким образом жизни ты не доживёшь даже до сорока.

— А что ты предлагаешь мне делать? — воскликнул Егор, всплеснув руками. — Или ты всерьёз считаешь, что во всех моих бедах виноват мой образ жизни, и что на самом деле никаких болезней у меня нет?

— Абсолютно так, — кивнул Виктор. — Я даже могу предложить тебе пари.

— Пари? — глаза Егора блеснули. — Это какое же?

Виктор встал и подошёл к стене, на которой висел календарь. Проведя пальцем по нему, он произнёс:

— Эту неделю ты «меняешься местом» со мной. Ты живёшь по моему образу жизни, делаешь все, как я. И если никаких изменений не последует, то ты выиграл и можешь делать дальше все, что захочешь. Если же выйдет наоборот... — Виктор задумался. — В общем, дождёмся результата, а там увидим.

— Поступлю так только лишь чтобы доказать тебе, что ты неправ! — Егор указал пальцем на Виктора. — Будь уверен, за эту неделю не изменится ровным счётом НИ-ЧЕ-ГО! Но при одном условии — ты тоже участвуешь в этой дурацкой затее!

С этими словами он поднял шляпу и покинул квартиру. Виктор лишь усмехнулся ему вслед.

Из офисного здания вышел молодой, опрятно одетый человек. На его лице светилась радостью широкая улыбка, в глазах играли огоньки радости. Ярко светило солнце, и сам этот человек светился подобно ему. Лёгкой и быстрой походкой он направился в сторону парка, распугивая голубей и одиноких прохожих, которые недоуменно смотрели ему вслед. Человек же не обращал ни на кого внимания, а лишь радовался чему-то, известному только одному ему.

Пробежав мимо фонтана, он вышел к проспекту. Вдохнув полную грудь воздуха, он снова улыбнулся, поправил шляпу и пошёл дальше. Свернув через пару кварталов налево, он зашёл в подъезд и быстрым шагом поднялся на второй этаж. Остановившись у двери, он постоял некоторое время, после чего позвонил в дверь. Послышались шаги, и через минуту дверь открылась, а на пороге возник хозяин квартиры. Вид его был помятый, лицо осунувшееся, а глаза покрасневшими. Увидев гостя, он улыбнулся и жестом пригласил его в квартиру.

— Ты не представляешь, дружище, но твой метод оказался действующим! Всего неделя — а я уже сдружился с коллегами по работе, привёл в порядок квартиру, но что самое важное — меня ждёт повышение! —

воскликнул он, падая в кресло. Хозяин квартиры кивнул, улыбаясь, и сел напротив гостя. Посмотрев на него, он усмехнулся и сказал:

— Вот-вот, а ты не верил мне.

— Я сам в шоке! — ответил гость. — Серьезно, сейчас я как будто заново родился!

— Что ж, поздравляю, — сказал хозяин и взял со стоящего рядом столика чашку с чаем. — Может, чаю?

— Не откажусь, — довольным голосом сообщил гость. — А кстати, чем можешь похвастаться ты?

— Ничем, — ответил хозяин. — Попробовал я пожить, как ты. Скажу я тебе, поначалу это легко, но потом действительно начинаешь сходить с ума. За эту неделю я, можно сказать, превратился в старую развалину. Поэтому настоятельно не рекомендую тебе возвращаться к этому образу жизни.

— Да уж, — покачал головой гость, после чего встал и прошёлся по комнате. Подойдя к окну, он поглядел на улицу, после чего распахнул створки и вдохнул свежий воздух полной грудью. Повернувшись к товарищу, он произнёс:

— Знаешь что, дружище. А пойдём-ка мы поправлять твоё здоровье? Что думаешь?

— Поддерживаю эту идею. Не только поправлять моё здоровье, но и отмечать твоё повышение! — радостно воскликнул хозяин квартиры, дружески хлопнув гостя по плечу.

И они оба весело рассмеялись.

Пейзажные зарисовки

Этот раздел содержит пейзажную лирику, то есть стихотворения, основной мотив которых — любование природой, а также один образец «пейзажной прозы» с иллюстрациями.

Сибирь *(Алексеев Ефим)*

Я сын младой тайги Сибирской,
А сам — талантливый поэт.
Родился я в стране Российской,
Другой такой на свете нет.
Люблю родимый край — и полно
Мечтать о сказочных краях,
Где корабли летят по во́лнам
В бескрайних голубых морях.
А здесь, в Сибири, тоже море
Тайги бескрайней и густой.
Коли случилось в жизни горе,
Она не кажется пустой.
Здесь воздух полон увлеченья
Пейзажами сибирских рек.
И не охватит ум забвенье,
Ведь я — сибирский человек.

Пепелище *(Дымченко Денис)*

Двор сухой, усыпанный пнями
От ив и осин вековых,
Мёртвый двор, что целыми днями
Уныл, омрачён и тих.

Он хранит под проседью пепла,
Что был пожелтевшей травой,
Бури, град, гонения ветра,
И дедушку с ржавой косой.

Детский смех под шелест трескучий,
Под листьев спадающих стук.
В этот миг в палитре созвучий
Мы знали, что значит «друг».

Все истлело, срублены сталью
Дубы, что так сердцу родны.
Тени ив я помню с печалью —
Теперь мы остались одни.

Горный поход *(Евстигнеев Борис)*

Стихотворение из назывных предложений

Мысль, идея. Полилог [1].
Храм, молебен. В помощь Бог.
План похода. Cash [2]. Билеты.
Рюкзаки, очки, береты.
Утро. Поезд. Чтиво в путь.
Два часа. Прибытье. Круть!
Свежий воздух. Карпат вид.
Превеликий аппетит.
Лавка. Вафельки, вода.
Вдоль дороги провода.
Марш-бросок. Чрез речку мост.
Пауза: туристов пост.
Разворот. Шоссе. Маршрутка.
В пути сказанная шутка.
На своих двоих гулянье,
На гору пешком взбиранье.
Указатель. Вод исток,
С дивным запахом поток.
Снова путь. Задержки снова.
Горнолужная корова.
Магазины. Водопад.
Влезший на скалу камрад [3].
Полный хлада вод игнор.
Вшедший в водяной напор.
Пена, брызги, погруженье —
Снова к холоду презренье.
Полотенце. Путь-дорога.
В поле стол. Молитва к Богу.
Хворост, топоры, дрова.
В котелке чай иль вода.
Мяч, палатка и гитара.
Развлеченья. Песен пара.
Радость, благодать, природа.
Превосходная погода.

Лес, поляна, догонялки.
«Битва» с примененьем палки.
Сбор в обратку. В добрый путь!
Ветер, вдруг начавший дуть.
Риск дождя — плащи на спины.
Во тумане гор картины.
Переход чрез речку бродом.
Все пейзажи задним ходом.
Спуск с горы. Рассказов море.
Городок, грядущий вскоре.
Сувениров штук под сто.
Ожидание авто.
На колёсах. Дух весёлый.
Приходящий поезд скорый.
Возвращение домой.
Превосходно! День крутой!

---

[1] Полилог — как диалог, но с тремя и более участниками.
[2] Cash — деньги, касса (англ.)
[3] Камрад (от франц. camarade) — товарищ.

Лето без Интернета *(коллективное)*

Отрекайся Интернета
И сзывай всех-всех друзей!
В самом уж разгаре лето —
Упустить его не смей!
И для взрослых и детей
Это лучшая пора:
Сотни, тысячи затей
Летом будут на ура.

Коль не знаешь, чем заняться,
Отправляйся в лагеря.
Всей толпой айда смеяться!
Ведь недаром, ведь не зря
Сеть не ловит в лагерях —
Море новых развлечений
приоткрылось сразу нам.
Марш гулять в лесах, полях,
Тут бродить и шастать там!
Разве нужно быть «на связи»,
Чтобы вместе в воду лезть?
Чтоб дрова рубить, как мастер?
Подкачаешь, что ли, пресс.
А то стыдно глянуть на
То, что предлагаешь нам.

Под гитару спой с «Кина́» [1],
Не цепляясь ко словам.
Гуглить текст не выйдет нынче —
Всё по памяти поём!
Дел чудеснее не сыщешь —
Спеть Высоцкого вдвоём,
Утром ж, чуть попав на завтрак,
Песнь крутить ту в голове.

В день, что меж вчера и завтра,
Належавшись на траве,
Путешествовать бросайся,
Новые открой места!
В речке ледяной купайся,
Пробираясь вброд туда,
На крутой брег иль пологий.
Там, встав лагерем, сушись.
Марш по хворост — не безногий,
Жечь костёр уж потрудись.

Шашлыки, угли шипят —
Вот, что нужно мужику.
Насладившись, встаньте в ряд
И, по жребия броску,
Все стрелою на футбол!
В семь шагов отмерь ворота
Со счастливым криком «Гол!!!»
Мяч забей ты с разворота.
А потом, утёрши пот,
Вновь рви с центра до краёв.
Пусть чрез ноги дурь уйдёт —
Тут не надо лишних слов,
Ведь подвижная игра
Лучше сотен электронных.
И кому нужны тогда
Ноутбуки, телефоны,
Если можно на природе
Очень весело играть!

Сможем, наигравшись, вроде,
Обо всём мы рассказать
Не в соцсетях, как обычно,

А вживу родным, друзьям.
Пообщавшись непривычно,
С криком ринемся «Чур, я!»
Дальше, снова развлекаться:
Лето же, а не зима!
В зиму ковдрой [2] укрываться
Будем, но сейчас есть тьма
Всяких новых приключений,
Что пойдут нам на ура.

Стоит отказать лишь лени,
Проще стать, как детвора —
И настанет наслажденье
Всяким мигом, всяким делом,
И дождём — трещат поленья,
Классным, здоровским напевом;
Да и солнцем: раз! С разбегу
Ухни смело в быстру речку.
Босиком промчись по брегу
И сыщи себе местечко,
Чтоб с теченьем побороться —
Кролем, баттером [3] и брасом.
В пору удочка придётся.
Упивайся хладным квасом!

Рыбы наловив ведро,
Оседлай велосипед,
А улов твой всё равно
Скоро весь пойдёт в омлет.
Утром просыпайся рано,
Завтракай пирожными
И, как ни красна [4] поляна,
Вновь вперёд, сквозь пыль
дорожную.
Там — обеденный привал,
Огнь, пенёчек, котелок.

Погулял, поел, поспал,
А из кустика вдруг — волк!
Но огонь — хороша штука:
Зверю шкура дорога.
Коль Wi-Fi бы шёл из бука,
Бой запостил бы тогда!

Эх, чудесная природа,
Хорошо как быть на ней!
Пусть идут сезоны года —
А ты мчи ещё скорей!
Улети куда подальше,
Оббеги весь белый свет!
Убедишься: лучше жизни,
Чем без Интернета, нет.

---

[1] Имеются в виду песни группы «Кино»
[2] Ковдра — одеяло (укр.)
[3] Баттер — баттерфляй
[4] Красна — красива

Один день из жизни фотографа *(Савенок Тимофей)*

...Только нечто совершенно особенное может
заставить меня проснуться раньше семи.
— Харви Спектор

Основано на личном опыте.
Соответствие описанного и сфотографированного может быть не полным.

Будильник. В субботу. Да ещё в пять утра?! Какого?..

А, стоп. Сегодня ж рассвет хороший должен быть. Точно. Значит, пора вставать.

Пока кипятится чайник, проверим, все ли снаряжение на месте. Да, все заготовлено ещё со вчера. Теперь пару кусков колбасы в рот, запить чаем — и в путь.

Утром город совсем тихий и спокойный. Ни тебе суеты на светофорах и стоянках, ни машин толком — так, проедет парочка мимо, и все. Можно почти спокойно гнать по улицам за 60, не опасаясь кого-нибудь сбить или «поцеловать».

Природа также выглядит совершенно по-другому. Лес встаёт по бокам дороги чёрной стеной, лишь в свете фар делящейся на отдельные стволы. Дорога лентой тянется меж черных стен, убегая все вдаль и вдаль… было бы посветлее, получился бы неплохой кадр.

Ага, вот и поворот к озеру. Гравейка, не особо разбитая, так что можно ехать под сорок, особенно, если не жаль подвеску. Но до рассвета ещё больше получаса, так что можно особо не спешить.

Впереди деревенька. Ещё не проснувшаяся, будто вымершая. Только грибники шагают по дороге, кто с полными вёдрами, а кто только на «охоту».

А вот и импровизированная стояночка. Уже припаркована пара авто, может, конкуренты, а может, те же грибники. В любом случае, место найдётся.

Машина припаркована, снаряга из багажника изъята. Вот теперь можно выдвигаться.

Узенькая тропинка через лес, а потом — по грунтовке, что идёт вдоль берега озера. На паре кустов — живописные паутинки. Можно будет, как рассветёт, попробовать хорошо снять.

Небо на востоке просветлело, по голубому поползли бледно-розовые полосы. Сегодня облаков нет почти, жалко. Красиво бы подсвечивало… ай, ладно. И так нормально, особенно если найти хорошую позицию.

Лес из чёрной стены превратился в темно-зелёную массу, разбавленную коричнево-оранжевым цветом стволов и участками пожелтевшей листвы. Сам лес вокруг хвойный, но попадаются и берёзки, что привносит определённого разнообразия. Но не добавляет густого подлеска.

Поворот грунтовки — и открывается шикарный вид на озеро. Это побережье одето в бетонные плиты, дорога идёт по самому краю. Плиты омываются волнами, плещущимися под порывами сильного ветра. Надо бы куртку запахнуть посильнее…

Восточное небо окрасилось в нежно-розовый, бросая отблески на волнующуюся воду. Дальний берег теряется в дымке. Дорога ровной стрелой уходит вперёд, снова сворачивая где-то далеко впереди. Нам же далеко идти не надо. Расчехлить штатив, разложить раскорякой на бетоне близ волн… нет, тут немного выше возьмём… о, самое то. Теперь осталось поставить фотик.

Верхний край красно-розового солнечного диска робко выглянул из-за горизонта, подбавляя в розоватого оттенка небо яркие полосы. Волны немного успокоились, словно давая светилу спокойно вылезти. Щёлк! — сработал затвор фотоаппарата, повинуясь команде с радиопульта. Щёлк, щёлк!

Солнце уже вылезло наполовину, окатывая изголодавшийся по свету за ночь мир новыми потоками лучей. Небо стало наливаться оранжевым. Красно-розовый диск, необычно мягкий, не бьющий в глаза, медленно поднимался над горизонтом, показываясь все больше и больше. Волны забушевали с новой силой, бросая во все стороны розовые отсветы. Щёлк!

Наконец солнце показалось полностью, окинуло своим согревающим взглядом просыпающийся мир и продолжило подъем, стремясь осветить все больше и все лучше. Круг солнца стал постепенно перекрашиваться в оранжево-желтый. Щелк! Все, с этой позиции отсняли. Теперь можно углубляться в лес. Здесь, вокруг большого озера, блестят настоящие россыпи маленьких озерец, а в ином случае — больших лужиц. Эх, был бы кто еще, он бы сфоткал меня на фоне рассвета… картина матрицей «Одинокий фотограф». Ох, ладно.

Штатив пока не складываем, он ещё понадобится, пока солнце не поднимется повыше. Так, отсюда можно хорошо вдоль дороги снять, красивая композиция… Щёлк! Щёлк! Все, отлично. Где-то впереди есть переход через канаву… а, вот он! Осторожно спускаемся… о, а вот отсюда можно

сделать просто замечательный кадр… Щёлк!.. блин, небо «выбило»… Щёлк! О, вот теперь нормальная экспозиция[1], не по тёмной земле, а по небу. Потом подфотошопится, конечно, но исходные данные тоже должны быть нормальными. Чудес фотошоп не творит.

Солнце, уже взошедшее повыше и окончательно превратившееся в жёлтый круг, просвечивало сквозь густую листву редких берёз, бросая красивые световые полосы на землю. Щёлк!

Пройдём немного дальше — и мы уже на «том» берегу ближнего из череды мелких озёрец. Солнце просвечивает через густые кроны сосен, растущих на противоположной стороне озера. Почти ровная из-за запутавшегося в деревьях ветра с большого озера водная гладь ловит лучи света, пуская красивые отражения. Где-то на его середине плавают уже проснувшиеся лебеди. Так, тут со штативчиком примостимся… во-от… брэкетинг[2] из трёх кадров… Щёлк, щёлк, щёлк!

Во мху — целые россыпи грибов. Тут лисички, там поганки, а вон там — курочки. Как окончательно рассветёт, можно будет макро[3] поснимать. А пока зайдём ещё за вон ту корягу, снимем с ней… та-ак… Щёлк, щёлк, щёлк! Отлично. Фотоаппарат снимаем со штатива, попробуем крупным планом лебедей снять… а-а, черт, брэкетинг не выключил… так, все, теперь нормально. Щёлк!

Второе озерцо, или, скорее, большая лужа, всего метрах в десяти от первого. Между ними всего несколько деревьев, однако ветер сюда не проникает вообще. В идеально ровной глади воды как в зеркале отражается окружающий пейзаж, освещённый уже довольно высоко висящим солнцем. Лучи чётко выделяются, прорезая ещё глубокие тени светлыми клиньями.

---

[1] *Автоматическая настройка диафрагмы и выдержки по точке фокусировки.*

[2] *Режим съёмки, при котором экспозиция в серии кадров берётся с различными относительно первого снимка экспокоррекцией (ручной коррекцией экспозиции) и выдержкой.*

[3] *Способ съёмки, при котором объект обычно небольшого размера (например, муха или гриб) снимается крупным планом.*

Обойдём лужицу по периметру, становимся против солнца, фотик на штативчик… Щёлк, щёлк, щёлк!.. так, теперь с этой точки… щёлк, щёлк, щёлк! Хорошо. Так, тут ловить больше нечего — солнце уже яркое. Теперь можно и грибочки пофоткать…

Немного углубимся в лес, пройдём густоватый подлесок — и взору открывается свободное от кустов и молодых деревцев пространство, заросшее мхом. По нему целыми россыпями раскинулись грибы. О, а вон там несколько гильз валяется… значит, это место уважают не только фотографы.

Световые полосы медленно ползут по земле, смещаясь вместе с солнцем, просвечивающим сквозь кроны сосен. О, какая курочка! Да ещё в световой полосе! Ща мы её...

Отцепляем от фоторюкзака сложенную подстилку. Треск «липучки» — и на земле расстелен синий клетчатый коврик. Штатив в сторону (потом сложим), ложимся животом на подстилку. Выкручиваем на максимум зум, прицеливаемся… Щёлк! Щёлк, щёлк!

Солнце поднялось совсем высоко. Лес стал прозрачным, просматривающимся далеко вглубь. Тени стали укорачиваться, осветляться. Так, тут снимать уже нечего… Гриб сняли, пейзажики поснимали… так, стоп! На груде сухих веток живописная паутинка. Снова расстилаем коврик, ложимся… щёлк, щёлк!.. так, можно идти дальше, главное — не забыть сложить подстилку. А не то она быстро станет героем «Унесённых ветром».

Мимо первого озерца снова на дорогу вдоль большого. На склоне растёт маленькое деревце. Солнце просвечивает через него, откидывая красивую тень. Та-ак… Щёлк, щёлк! Отлично.

Ветер дует в спину, как бы подталкивая. В затылок холодно. Надо было шапку взять… ого, какие волны разыгрались! Может, их снять попробовать? Спускаемся по бетонным плитам вниз, к самой воде… щёлк!.. черт, выдержка большая, и смаз… Щёлк! Щёлк!.. нет, ничего. А жаль.

Снова на дорогу. Пройти всего ничего до перехода к третьему, последнему на сегодня озерцу. Так, а вот и сам переход… а за ним вторая канавка, через которую узкая кладочка проложена… главное — не свалиться… ага, все.

Опять вокруг полно грибов, прям глаза разбегаются. А собрать некуда, кроме карманов. Может, в них и собрать?.. не, тут если собирать, то не один-два, а много. В конце концов, мы тут не на грибо-, а на фотоохоте.

Пройдём чуть дальше — и наткнёмся на болотце, берег которого густо порос берёзами. Уже высокое солнце просвечивает через крону, бросая на землю красивые пятна и полосы света. Надо щёлкнуть… Щёлк! Опа, какая сыроежка красивая! Её бы в световой полосе… но чуть-чуть не успел, буквально пару минут. Ладно… блин, а там, чуть дальше — мухоморище, да прямо на свету! Ох, какой кадр будет…

Щёлк! Щёлк, щёлк! Щёлк! Так, теперь немного сдвинемся… ай, блин, свет уходит… щёлк!.. щёлк! Не, все. Свет ушёл. А жаль.

Блин, да тут прямо под боком — целая кучка подберезовиков! Нет, все — собираем грибной урожай в карманы. После фотосессии, конечно же. Правда, тут свет не такой… стоп, есть же фонарик! Та-ак, сейчас мы его подсве-етим… Щёлк! О, то, что надо. Все, можно забирать.

Все, здесь, можно сказать, тоже закончили. Можно идти дальше и выходить на дорогу, что ведёт от «стояночки» дальше. По ней и вернёмся к машине.

Дорога, обычная двухколейная грунтовка, бежит вперёд. Солнце по-дневному освещает лес, просвечивая сквозь кроны. Совсем высоко уже, особо не пофоткаешь… Разве что пару кадров через крону. Вот отсюда, например. Щёлк! Щёлк! Ох, ё!.. ни фига себе, какой крупный белый! Да ещё прямо у дороги! Ух, хороший сегодня грибной урожай собрал, на супчик для одной персоны в лице меня хватит. Но перед сбором — сфоткать. С коврика.

Щёлк!.. так, теперь отсюда… щёлк! Щёлк! Все, хорош. Теперь можно и добывать. Говорят, грибы надо выкручивать, но ни в коем случае не выдирать и не срезать: в первом случае выдёргивается часть грибницы, а во втором часть гриба, оставшаяся в грибнице, загнивается, и грибница вокруг остатков гриба вымирает. Не знаю, насколько это все правда, но раз говорят, то так и поступим.

Теперь, с полными карманами грибов и полной картой фоток, можно и возвращаться к машине. Солнце уже высоко, а заряд батареи — низкий. Есть, конечно, запасная, но особого смысла ставить её сейчас нет. Все равно пора уже.

На развилке направо, немного пройти — и вот она, «стояночка». В соседнюю с моей машину рыбаки складывают свою снарягу и улов. Ещё одни увлечённые люди…

Фотоснарягу на заднее сиденье, сами за руль — и в обратную дорогу.

Деревня уже проснулась. Одни стоят у заборов, покуривая сигарету и отдыхая после вскапывания грядки. Другие руководят сгрузкой бетона с бетономешалки. Третьи, проспавшие грибники, возвращаются из леса.

Лес вдоль дороги просветлел, стал больше похож на высокую-высокую траву, распушившуюся вверху. Вместо ощущения тесноты возникает ощущение простора, прозрачности.

В городе уже вовсю кипит жизнь. Кто-то идёт на работу в шестой день, кто-то — едет на дачу, кто-то — в магазин за опохмелом, кто-то — куда-то ещё. В этом потоке легко затеряться, отдаться во власть течению…

А вот и дом, милый дом. Сейчас попьём чайку, вздремнём часок-другой — и дальше на промысел. В конце концов, суббота — самый фотографический день, особенно для того, кто фотографией не зарабатывает, а только увлекается.

Весёлые риски зимней поры *(коллективное)*

Весёлые риски найдёшь круглый год,
Но в зиму им равного мало,
Когда дед Мороз да с Метелью идёт,
Всё белым покрыв одеялом.
Мороз, снег и лёд, да и праздников ряд –
Для взрослых и деток уж радость!
Но что на основах здоровья велят?
Главу не теряй даже малость!

Прекрасно по снежным тропинкам гулять,
Когда всё хрустит под ногами,
Но только в сугробах ты станешь плутать,
Гляди — не зарыться б зубами.
Коль шапку забудешь надеть и перчатки,
Боись ты мороза и снега,
Но, выйдя во двор, пройдись-ка вприсядку
И прыгни в сугроб ты с разбега.
Тогда, как за шиворот рухнет снежок,
Взбодришься вмиг, как от кофея.
Подумаешь: «Было же так хорошо!»
Три месяца после болея.

Однако проблема сия не страшит
Мужей, закалённых водою —
Как лето настанет, сам Бог те велит
Заняться закалкой такою.

А в зиму, не свыкнувшись, не горячись,
И в прорубь — не морж ведь — не прыгай!
И коли снежок в тело — ты уж пригнись!
Ведь снег в сапогах — вот и дрыгай!

Зато, коль на окнах узоры узреешь,
Глядя вечерком через ночи окно,
То вмиг станешь радостней и веселее;
В музеях картин таких нет всё равно.
Прекрасно по снегу искристому топать,
Блестит он в фонарных лучах,
Но холодно, дома от печек лишь копоть...
И снег вызывает в нас страх.

Простуда и грипп иль чего-то похуже,
Инстинкт говорит быть в тепле.
Но сердце кричит нам: «Да побоку, сдюжишь!
Не раз побеждал ведь в борьбе!»
И вновь ты бежишь по сугробам без шапки,
А воздух морозит нам грудь.
Уже коченеют от холода лапки,
И в дом направляешь ты путь.

Одевшись теплее и взяв снегокат[4],
С друзьями уж мчишь на пригорок —
И вот «паровоз» из четвёрки ребят
Летит км/ч так под сорок.
Ушибов бояться — не наша забота:
Мы куртки из пуха надели,
Но коль на пути появляется что-то —
Приятного мало, на деле.

Коль классна затея, так хочется взять,
Да и сохраниться пред нею,
Но жизнь — не компьютер: на кнопку F5[5],
Увы, полагаться не смею.
Однако, save-load[6] не нужен для тех,

---

[4] Снегокат — санки с рулём, он же чуки геки
[5] Во многих компьютерных играх клавиша F5 отвечает за быстрое сохранение

Кто дружит со смыслом здоровым!
Во множестве всяческих зимних потех
Он служит надёжным покровом.

Пускай фейерверки, играйся, гуляй —
Будь светел, как снежное поле!
Но знай развлеченью обдуманный край,
Чтоб смех не предшествовал боли.

Бродячий гитарист *(Савенок Тимофей)*

Костер, вечерняя заря.
На склоне тихо шепчут травы.
Аккорд звучит, смеясь, журя.
Палатки ткань трепещет. Мары[7].

Тушёнки банка на костре.
Рюкзак вещей в палатке дремлет.
Аккорд приглушенный — баррэ.
И лес. И веток тихий лепет.

Закат. Треск дров в огне костра.
Холмов гряда открыта взору.
Аккорд – скрипит суха сосна.
И тлеют искры небосвода.

Спустилась ночь. На небе звёзды
Рисуют призрачный узор.
Аккорд — баюкает природа
Шуршаньем тихим сонный взор.

Дрова в кострище слабо тлеют.
Богата «искрами» трава.
Аккорд — сверчков напевный скрежет.
И ветра тихая молва.

---

[6] Сохранение-загрузка — метод прохождения и перепрохождения момента компьютерной игры, итог которого очень важен для игрока
[7] Мечты (бел.)

Рассвет занялся над холмами.
Росой умыты склоны, лес.
Аккорд из сотен струн — птиц ранних
Хор будит от волшебных грез.

Угли костра. Рассвет. Туман.
Прохлады бодрость под одеждой.
Аккорд — и вот, подобран он
И лёг на текст. И звучен, нежен.

Палатки сложен тент в рюкзак,
И спальник сбоку приторочен.
Аккорд — в чехле гитара. Так…
Пожалуй, все. Красиво очень!..

Оставив за спиной ночную стоянку, по холму спускался одинокий человек. На спине его висел рюкзак, рядом указующим перстом смотрел в небо запакованный в чехол гриф гитары. Невысокая, мокрая от росы трава оставляла на штанинах влажные полосы. Мягкая утренняя дымка сползалась к низинам, складывалась в небольшие облачка. Вот человек остановился, рассеянно похлопал себя по карманам; достал из внутреннего небольшую записную книжку, включил механический карандаш, записал пару строчек в столбик, задумчиво погрыз конец, дописал еще что-то, положил книжку обратно в карман и неторопливо двинулся дальше. А из-за холмов медленно выглядывал красноватый диск солнца…

Гражданские заботы

Произведения сего раздела освещают существенные общественные проблемы либо же восхваляют что-либо. Задача гражданской лирики и прозы — бросить народу такие призывы, которые, по мнению авторов, могут улучшить жизнь в обществе, стать образцом или «красной линией».

Видение о бессмертии *(Бахриддинов Назар)*

Крошатся страницы истории книг,
Усыпан песком этим пол.
Уходят века, и уйдёт — кто безлик…
Все станет однажды песком.

Пройдись по страницам историй — прочти.
Забыли про многих из них:
Что бились, учили, но стёрли их дни, —
Усопших, навек, молодых.

Но вот из песка, колыхаясь, герой
Поднялся, опёршись на меч.
Был бледен, смертельно был ранен стрелой –
Не мог повести Древний речь.

И голос уставший тебя вопросил,
Сквозь ветер шептали слова:
«Ты помнишь отцов?». И затихши без сил,
Песком обратились тела.

Спартанцы *(Бахриддинов Назар)*

Их помнит весь мир,
Их триста бойцов,
Аид, будет пир!
Готовь Царство Снов!

И персы с ордою,
Закрыли светило,
Спартанцы горою,
«Тенёчек, как мило!»

Стоят непреклонно,
Стоят как скала.
За место у трона,
Чтоб знала страна!

«Сегодня умрём мы,
Но жить будем вечно,
И в век самый тёмный
Нас вспомнят, конечно!»

И помнят легенду,
Их знают вовек.
Звучит стара песня
Трёхсот человек.

Блокадникам *(Дымченко Денис)*

К 75-летию снятия блокады Ленинграда

Шёл лишь первый год страшнейшей битвы
И первый месяц Голодного Хлада.
Город ходил по лезвию бритвы;
Только начиналась блокада.

Враг смыкается под Ленинградом;
Словами отчаянья льются уста.
А зенитки взрываются градом,
Никому лишь не ясно, куда.

В квартирах плачут от страха дети;
Проклинают зло, прикрытое крестом
Матери, грезя о днях не этих,
А о тех, что не будет потом.

Улицы снегом и льдом обросли.
В подвалах лежат опухшие трупы.
Немцы отсюда всю жизнь унесли
И пели по ней лишь замёрзшие трубы.

Страданья и боль не забудутся,
Горечь русской души осядет в веках.
Пусть вновь этот ужас не сбудется;
Пусть память останется в наших сердцах.

Слава варваров *(Бахриддинов Назар)*

Под покровом ночи,
Ступают под дождём,
Крушить, что было мочи,
И бить врагов бичом.

Порой одно лишь слово
Заменит сто клинков.
Но меч достали снова,
На тех, кто ищет кров.

Их варварами звали,
Но что они могли?
А знают ли морали
Все Римские полки?

И сотня легионов,
На кучку бедолаг.
А Риму всё лишь кроны,
Лишь земли, это так.

Их варварские лица,
Закованные в сталь.
Центурион, тупица,
Хорош читать мораль!

Что может «варвар дикий»?
Закрыть семью щитом.
Не может видеть крики,
«В Вальгаллу попадём!»

Их жёны и их дети,
На смерть обречены.
Лишь сталью и лишь медью
Сражаться си должны.

А Римским легионам,
Что будет от смертей?
Сидящий ведь за троном,
Велит рубить с плечей.

Победа! Все к победе!
За славу и за смерть!
И варваров сих бейте!
За золото и медь!

Нам важен титул и почёт!
Нам жизни нипочём!
Мы будем пить веселья мёд!
Восславится же Rome!

Отличникам (Евстигнеев Борис)

Кто отличник суть, друзья? —
Вопросить изволю я.
Тот, кому никак нельзя
Лень поставить во князья!

Тот, кто волей или силой
Праздность объявил немилой.
Как безделье б ни манило,
Ты его поднял на вилы!

Ты во всём специалист,
И учёный, и артист,
Ну а твой журнальный лист
От дурных оценок чист.

Попади ты хоть куда,
А видны плоды труда:
Всем поможешь, и всегда
От тебя сбежит беда.

Цель твоя — познать, что можно,
Будь то просто или сложно;
Через годы ль, неотложно
Просветить свой ум неложно.

Ты стремишься к знаний свету,
Для тебя препятствий нету!
Цель великую-то эту
Осознать балбесу где там?

Сим стремленьем дорожи,
Не продай его в гроши!
Ведь отличник, так скажи, —
Состояние души.

Демоны прогресса *(Бахриддинов Назар)*

Железными машинами,
Тисками из деталей,
Резиновыми шинами,
Себе мы роем сами.

Мы роем, роем глубже,
Всю ту же, ту же яму.
Но нам потом же хуже,
От этих вот деталей.

Разверзнется однажды,
Исчадия мы ада,
Увидим нашу жажду,
Увидим наши «блага».

Копать мы будем глубже
Сокровища, горючее.
Искать себе на нужды,
Всё выше и всё круче.

Сказал однажды человек,
Что будет демонтаж.
Что будет страшен Третий век,
Что сломлен будет Страж.

Он молвил страшные слова,
И знал всё наперёд,
Он видел дно того же дна,
Куда нас приведёт.

Он знал, что Третьей избежать
Нам будет не дано.
Что свергнет Бог тогда всю рать,
Всё будет решено.

Настанет же Четвёртой век,
И будет си война.
И будет жив наш человек,
И вспомнит те слова.

Дубинами из дерева
Сражаться будут люди.
По камню чёрно-белому
Разить друг друга в груди.

Патріот *(Євстигнеєв Борис)*

«Патриот». На украинском

Патріотизм не сміє бути ненавистю.
— Андрей Шептицький

Львівський трамвай, ще дві-три зупинки тому майже порожній, тепер був набитий студентами, наче бочка оселедцями. Явище це було регулярним і цілком закономірним: близилася пара з фізвиховання, а оскільки відповідна кафедра ЛНУ розташована за півміста від усіх інших корпусів, то студенти різних факультетів мусили користуватись громадським транспортом, аби встигнути на загальну для всіх фіз-ру.

До спеки і задухи, які панують за таких обставин, усі львів'яни давно позвикали, тож здобувачі вищої освіти та інші люди, що зуміли втиснутися до цього трамвая, базікали, наче в парку поміж парами. Щохвилини хтось комусь передавав то гроші, то квиточки, цокали компостери, а водій, певно, міг уже купатися в морі дрібних купюр. Студенти здебільшого гуртувалися за спеціальностями, тож в одній частині електротранспорту можна було почути обговорення інтегралів, у іншому — історичних подій, а десь посередині — правопису слів-винятків.

На черговій зупинці до трамвая через передні двері заскочив якийсь чолов'яга років не більше двадцяти п'яти, вигляд якого одразу привернув увагу більшості тих, хто міг його бачити. Цей пан був у чорно-червоній майці-боксерці, носив явно фарбований золотистий оселедець, а тіло його, від лисої частини голови до поясу, було «прикрашено» купою татуювань із орнаментами та тризубами на всі смаки. Може, цей пасажир хотів бути подібним на козака, але ці «татухи», вираз обличчя та те, як нагло він пробивався вглиб та просто стояв, робили із нього чи то «братка», який «відмотав строк», чи то звичайнісінького бусурмана.

Інші користувачі громадського транспорту потіснилися, аби трохи відсунутися від дивного чоловіка, дати йому місце та мати чистий спокій, але сам він, певно, і не збирався їхати спокійно, а може, навіть заліз у трамвай зовсім не для проїзду.

Хижо озирнувшись навкруги, новий пасажир підійшов до двері у водійську кабіну, але замість того, щоб купити квиток, почав голосно мовити до водія:

— Гей, сьодні дні міста, всюди мають бути прапори. А чого на вашому трамваї тіко один прапорець? Де другий?

Водієві було зовсім не до зауважень, адже електротранспорт минав широке перехрестя, та і наклейка «Заборонено відволікати водія під час руху», як-не-як, надавала йому право не звертати уваги навіть на невчасних покупців квитків. Проте псевдокозак не заспокоївся:

— Де другий прапор, я питаю?

Водій знов не відповів, а тільки невдоволено зиркнув через плече. Тим часом зібралося кілька охочих оплатити проїзд, та борець за прапорці загородив собою віконечко для цього.

— Агов, та де прапорець поділи, най би тя шляк трафив!

— Відчепіться від мене, будьте ласкаві, — почулося з середини кабіни.

— Ви шо, не патрійот?! — майже скрикнув «козак».

— Так, дозвольте квиточок купити, — попрохав якийсь студент, але чоловік у тату відштовхнув його плечем.

— Відповідайте мені!!!

— Слухайте, якщо Вам так кортить той прапорець, — зупиняючи транспорт, знов відізвався водій, — то купіть на свій смак і почепіть уночі в депо. А зараз — геть від кабіни! — і легенько стукнув у двері, ніби відлякуючи нахабного собаку.

Лице чоловіка з оселедцем виразило крайнє обурення, а руки рефлексивно схрестилися над животом. Цей пан постояв ще трохи на місці, а потім, розштовхуючи всіх ліктями, став пробиватися до середини трамвая.

Студенти і далі вели дружні розмови про все на світі, вітерець залітав в одне відчинене віконце, ворушив волосся пасажирів і вилітав через інше, записаний голос повідомляв про зупинки та проголошував акції від «Львівелектротрансу», а будівлі різних стилів проносилися повз. От, певно, економісти обговорювали, як краще зберігати стипендію: на карточці чи готівкою. Висували різні аргументи як на користь того, так і іншого, а дехто пропонував узагалі довіритися депозиту.

Минаючи цих пасажирів, псевдокозак визнав за потрібне вставити свої п’ять копійок:

— Карточки, депозити, гривні — то всьо пусте. Тре бакси купувати. Або евро.

— Бакси? Та, ну. Якось це банально і… непатріотично.

— Та шо ти знаєш про патріотизм?

— Певно, мало.

— Ну то і не вимахуйся.

Студент знизав плечима, а знавець патріотизму рушив уздовж трамвая далі. Нарешті, він став точно в центрі, на коло, яке з’єднує обидва трамвайні

вагони, потім сперся на резинову «гармошку» і дістав із кишені мобілку, збираючись увімкнути на ній якусь українську пісню.

Аж раптом невгамовний пасажир почув десь поблизу російську мову: то розмовляли дівчата, обговорюючи щось повсякденне. Обличчя «козака» одразу почало наливатися червоним, і він ледь не ринувся до студенток, які, нічого не підозрюючи, посмоктували каву з картонних стаканчиків.

— Чо ви говорите іноземною мовою? — наче вчитель хулігану, мовив чолов'яга.

Дівчата замовкли, перезирнулися між собою, і одна з них відповіла чистою українською:

— Пане, хіба я схожа на держслужбовця при виконанні обов'язків?

Невгамовний здивувався, не розуміючи, до чого це, як тут інша студентка долучилася до відповіді такою ж чистою державною мовою:

— У нас свобода слова, і я маю право розмовляти хоч суахілі, якщо мені заманеться. Наша подруга приїхала з-за кордону, навчається у Львівському університеті і тільки почала опановувати українську — навіщо будемо створювати додаткові мовні складнощі? До того ж, Ви могли би почути, що ми якраз пояснювали значення деяких суто львівських понять, так що даруйте.

— Тю, іноземці, туристи… Понаїхали тута! Україна для українців!

— Фу, як некультурно, пане! Знаєте девіз нашого міста?

— Який девіз?

— «Львів відкритий для світу». Ми споконвіку славилися багатонаціональною культурою, маємо звання культурної столиці України, а Ви проголошуєте такі недоречні гасла!

— Грець із вами, москальки.

— До речі, москаль — це всього-на-всього солдат московської армії, — раптом зауважив історик, що був поруч, — Був навіть такий вираз: «забрити в москалі».

— Та і якщо дивитись у переносному значенні, то москаль — не той, хто розмовляє російською, а той, хто ненавидить все українське, — додав одногрупник.

— Відчепися. А, хоча, стій. От як тебе звуть? Тебе і тебе, — носій оселедця неввічливо тикнув пальцем.

— Борис.

— Давид.

— Ото ж бо й воно ж бо: якісь не дуже українські імена. Вот я — Оверко! А Давид — щось зовсім не українське. Та і Борис — теж.

— Е, притримайте язик, Оверко! Знаєте князів Бориса і Гліба?

— Та, чув шось.

— Що саме?

— Ну, то князі були… князювали. Здається, за часи козаків. А, нє, за монголів! Та. Військо в переможну битву вели.

Студенти-історики аж відсахнулися, а їх очі збільшилися до розміру совиних.

— Битву? Яку битву?

— Ну, цюю… битву під Синьо-Жовтими Водами.

— Годі-годі, далі сам розповім. Так от, Борис і Гліб, в таїнстві Хрещення названі Романом і Давидом, пожертвували свої життя задля того, щоби в країні, нашій праматері Київській Русі, не було чергової громадянської війни. Хіба ж це не вчинок, гідний справжнього українця?

— Ну, справді.

— І Ви ще раз скажете, що Борис чи Давид — не українські імена? Нас назвали на честь цих князів, а яка там етимологія в імен — неважливо, важливе їх значення саме для нас.

— Гм! — Оверко махнув рукою і почав рух до дверей, імовірно, збираючись скоро виходити.

Трамвай вийшов уже на «фінішну пряму», туди, де колія відокремлена від дороги, і де можна розігнати електротранспорт на повну. Студенти заворушилися, бо скоро була їхня зупинка, та й інші пасажири теж стали уважно дивитися у вікна та збирати пакунки, адже далі вже і кінцева.

Громадський транспорт тепер знижував швидкість, аби не трясти пасажирів різким гальмуванням, і раптом хтось почав реготати та вказувати пальцем на рекламне оголошення, що красувалося, виведене чорною фарбою на майже білому тротуарі. А сміятися було з чого: трафаретні літери писали: «Побутова хімія на Котика». Не львів'янин або не ЛНУшник, мабуть, був би в ступорі від таких начебто дивних слів, але ті, хто часто виходив із трамвая на тутешній зупинці, знали, що Котика — це лише назва вулиці, і йшлося, звісно, не про того котика, що нявчить, а про того Котика, що Богдан.

Студенти натовпилися біля дверей, відтіснивши псевдокозака Оверка ближче до місць для сидіння. Зненацька до його вух донеслося щось на кшталт «квиточки» і «показуйте». Запідозривши погане, чолов'яга спробував пробитися до виходу, але марно: здобувачі вищої освіти тепер заблокували путь назовні так само, як раніше Оверко загороджував собою віконечко до водійської кабіни.

Ось перед «козаком» виросла постать контролера. Це був звичайнісінький дядько середнього росту в джинсах та блакитній сорочці, які зазвичай носять поліцейські чи охоронці, із пересічною зачіскою та бейджиком, який повідомляв про його право контролю. Проте для знавця патріотизму цей уповноважений видався схожим на дядю Стьопу з відомого радянського мультфільму, а себе Оверко відчув маленьким школярем.

— Ваш квиток, будь-ласка?

— Секунду… — носій оселедця спробував розтягнути час, бо трамвай уже майже зупинився.

— А Ваш? — звернувся контролер до найближчого студента.

— Ось, закомпостований, як і треба.

— Добре. Так, пане, я не маю змоги чекати.

— Та підождіть, зара…

— Що, «зайцем» їдете? Так і скажіть.

— Та н-не «зайцем»…

— Кроликом? Хе! Я ж бачу: Ви без квитка. Сплачуйте штраф.

— С-скільки?

— Сто гривень, он, написано ж повсюди.

— Е… Давайте я дам особисто Вам двайцять гривнів, і Ви мене пустите?

Транспорт уже відкрив двері, але контролер умисне став так, аби не дати порушникові пірнути в натовп.

— Які двадцять? Хабар, чи що?! Повний штраф, або в поліцію!

— Слухайте, ну я ж такий патріот (бачите по мені?), що можу їздити безкоштовно. Та Ви би знали, скількох я щойно на шлях патрійотизму направив!

— Патріот? Клоун Ви, а не патріот. Он той студент, — контролер показав рухом голови на натовп, що вийшов на зупинку, — ото патріот, і більшість із тих, кого я перевірив — теж патріоти. А Ви? Якби у Вас хоч трішечки було би патріотизму, то Ви би оплатили проїзд, і викручуватися би не довелося. А отой Ваш оселедець і тризуби на тілі — вони не варті нічого, поки Ви не будете чесними із собою та з державою… Ну?! Штраф чи поліція?

Оверко, повісивши носа, дістав із кишені купюру з Шевченком, віддав її контролеру, запхав на місце «ста гривнів» отриману квитанцію, а тоді, дивлячись у землю, вийшов із трамвая, сів на зупинці та схилив голову на коліна, накривши її руками. Контролер щось записав у якийсь документ і продовжив виконання обов’язків із полювання на «зайців».

Любовь такой быть не должна *(Бахриддинов Назар)*

Один убить готов за сим:
Что сам сей дамой не любим.
Запретный сладок плод любви…
Но сам в огне её сгорит.

Второй минуты ждёт затем,
Чтоб с ней уйти от всех проблем.
Вдыхает запах он её:
Пойдёт однажды он на дно.

А третий разум потерял:
От страсти цветом стал он ал.
Без памяти лежит он с ней:
Гниёт и гибнет среди дней.

И жадность — первого порок,
Сигара — то второго рок,
Спиртное — тоже корень зла,
Любовь такой быть не должна.

Многобуквие

Под этим заголовком помещено совсем немного произведений, но они весьма объёмны. Вашего внимания ожидают две повести — киберпанковая и реалистичная, а также мини-роман в стихах.

Пушистый товарищ *(Савенок Тимофей)*

Киберпанк. Использованы некоторые события и термины из вселенной Deus Ex

— Мурик! Мурик, ну иди сюда! Кс-с-кс-кс-кс-кс!.. — от этой привычки так и не удалось избавиться, даже при полном осознании того, что Мурик — почти полноценное разумное существо и не будет реагировать на подобные призывы, даже при непосредственном участии в процессе усиления у кота разума. — Ну прости меня за этот эксперимент, но он был просто необходим!..

Большой кот темно-серого в полоску окраса с белыми каемками ушей забился под диван в углу зала и жалобно мяукал оттуда. Я покачал головой и встал с колен. Блин, этот эксперимент был жизненно необходим для продолжения исследований в сторону нейроимплантов. Но хрен я больше буду проводить подобное с собственным котом, который, к тому же, почти ничем, кроме строения тела и отсутствия возможности говорить по-человечески, от человека не отличался. Ну на хрен…

Я снова опустился на колени и нагнулся, заглядывая под диван.

— Мурик! Му-урик!.. Ну прости ты меня!.. Клянусь, больше я над тобой подобных экспериментов проводить не буду! Честное слово!

Кот еще раз жалобно мяукнул, но затем начал осторожно выглядывать из-под дивана. Я мысленно вздохнул. Фух, похоже, в этот раз удалось договориться.

Многие сказали бы, что я сумасшедший — с котом разговариваю. А я и не спорю. Зачем кого-то посвящать?..

Мой кот — совершенно уникальное животное. На нем я впервые испытал технологию нового типа нейронной стимуляции, сильно способствующей процессу развития мозга. Поэтому теперь Мурик способен понимать почти все, сказанное мной либо любым другим человеком, а также умеет осознанно сочувствовать, злиться — в общем, выражать эмоции. Нет, по стопам одного из членов семьи Вебстеров в романе Клиффорда Саймака «Город» я идти не собирался — мне просто-напросто не хватало необходимых знаний, несмотря на мою хирургическую квалификацию, — решив остановиться на нейростимуляции и экспериментальном регенерационном импланте, позволившим, согласно расчетам, коту жить не менее чем пятьдесят лет.

Мурик посмотрел мне в глаза, коротко мяукнул, но выбираться из-под дивана не спешил. Я покачал головой и поднялся. Надо сгладить разногласия едой, тем более что наступило время обеда.

— Ладно, не хочешь пока вылазить — как хочешь. Все равно скоро обед, а такие мероприятия ты не пропускаешь.

Из-под дивана донесся короткий мяв, в котором угадывались нотки возмущения. Я усмехнулся.

— Будто первый месяц со мной живешь... Не отнекивайся — все равно передумаешь.

Я повернулся и направился на кухню, разогревать дополненный пищевой комплекс. Это была эдакая «золотая середина» современного пищепрома. Бедняки из трущоб посчитали бы употребление этого комплекса, да еще (если не заработаюсь) три раза в день, очень зажиточным. Богачи, наоборот, посмотрели бы на меня как на отброс общества, учитывая, что как минимум половина из них питается натуральными продуктами — роскошь в наше время невиданная, ибо множество сортов натуральных продуктов почти исчезли из-за странной эпидемии, а остатки бережно растились в идеальных лабораторных условиях, — а остальные используют нормально выглядящие индивидуальные пищевые сборки, составленные специально под них профессиональными врачами.

Я ни к числу жителей трущоб, ни к числу богачей не относился, а потому использовал ДПК. Кот мой тоже питался моим комплексом, а потому я мог неплохо экономить. Не каждое домашнее животное могло и — что не менее важно — хотело питаться подобным, а пищевые смеси, разработанные специально для определенного вида питомца, стоили как индивидуальный комплекс максимального содержания.

Аппетитные запахи (увы, в комплекте аппетитным был только запах, остальное было в большинстве случаев бесформенной серой (изредка — другого цвета с сероватым оттенком) массой, и лишь некоторые элементы внешностью своей напоминали старую добрую пищу начала двадцвать первого века) поплыли в гостиную — самую большую (и единственную, не считая кухни и «комнаты задумчивости») комнату моей квартиры (которую, кстати, жители трущоб опять-таки посчитали бы шикарной, даже несмотря на расположение в ауг-тауне), половину которой занимала лаборатория. Оттуда

послышалось жалобное мяуканье (видимо, Мурика таки доконал голод), и спустя полминуты кот во всей своей серой красе предстал передо мной в ожидании своей порции серовато-желтого (сегодня) безвкусного питательного желе и мелко порубленных галет. Я еще раз усмехнулся и, отделив от общей порции треть для кота, острым ножом нарубил галету и положил все это в подставленную Муриком тарелку. Кот благодарно мяукнул и, подтолкнув тарелку в любимый угол кухни, принялся за еду.

До сих пор не всегда могу побороть отвращение и тошноту при виде этой серой безвкусной болтающейся массы, хотя в детстве я часто смешивал элементы ужина в почти однородную массу — так было удобнее есть. Однако теперь поесть удается не всегда, даже через силу.

В этот раз поесть получилось — все-таки обедать в компании с котом куда веселее, чем давиться пищевым комплексом в одиночку. Покончив с едой, я скинул пластиковые емкости из-под комплекса в утилизатор и вернулся в гостиную. Направился было в ту ее часть, которую занимала лаборатория, однако на полпути тормознул. Это подождет. Развернувшись на носках, я сел на диван и щелкнул пультом, включая относительно небольшой телек, висящий на стене. Мурик, наскоро дочавкав, побежал ко мне. Я шутливо позвал кота к изголовью, чтобы попытаться лечь на него головой. Однако фокус такой уже давно не проходит — Мурик еще со второго раза просек фишку. Кот с разбегу запрыгнул мне на колени и свернулся там клубочком, негромко мурча. Я усмехнулся и провел ему рукой по спине.

По телевизору начались новости. Я, продолжая гладить Мурика, вполуха слушал, что творится в мире.

— Ситуация в лунных колониях вновь начала стремительно ухудшаться. Криминальные организации, ушедшие в подполье после полномасштабной чистки двухгодичной давности, возобновили свою активную преступную деятельность. Руководство западноевропейской колонии «European Union» уже приняло решении о создании народного ополчения для самостоятельной нейтрализации угрозы. Подробнее — наш корреспондент Виталий Добровольский. Виталий!

— Спасибо, Маргарита! Я нахожусь в штабе народного ополчения, расположенного в здании администрации колонии!..

Я с довольной улыбкой спросил у кота:

— Что ты думаешь по этому поводу?

Кот раздраженно мяукнул и покрутил лапой где-то в районе головы.

— Вот и я считаю, что фигней страдают.

Телевизор продолжал бормотать.

— …все большую накаленность приобретают события на Корейском полуострове. Северокорейские пограничники уже дважды вступали в вооруженное противостояние с войсками Республики Корея. Объявления войны еще не произошло, однако последние события говорят о неизбежности подобного исхода. Подробнее о текущей ситуации на полуострове расскажет аналитик Алексей Корбан.

— На данный момент до конца не ясна политическая ситуация в регионе. Однако все идет к тому, что правительство КНДР решило реализовать объединение Кореи, заявленное как итоговую политическую цель контактов государств полуострова, по первому сценарию — введением Южной Кореи в состав Северной военным путем. Открытых вооруженных стычек пока не было, перестрелки между пограничниками были выставлены как частная инициатива. Однако очевидно, что…

Я покачал головой. Опять корейцы махач устроили… а ведь за каждой из корей стоит союз других государств, и все это в итоге может привести к мировой войне. Н-да…

— …корабли первой волны колонизации Марса готовятся к финальной стадии полета. Заняв низкие орбиты, корабли проводят последнюю проверку перед спуском на Красную планету…

…я резко дернулся. Кот мирно посапывал у меня на коленях. Тьфу ты, опять срубило…

Телевизор продолжал бормотать новости. То ли я проспал всего несколько минут, то ли несколько часов до следующего выпуска.

— …все большее распространение приобретает новый культ: котизм, или же культ Кота. Его последователи утверждают, что коты — не что иное как воплощение божественной сущности, а хозяева котов помечены божьим перстом. Основатель культа, нарекший себя Папой Валерьянским, утверждает, что весь мир — плод творения Котобога, который, будучи котенком, играл с фантиком и таким образом создал мир. Он также утверждает, что в нашем мире существует разумный кот — воплощение Котобога в обличье обычного животного…

Я улыбнулся.

— Мурик, ты, часом, не воплощение Котобога на Земле?

Мурик малоразборчиво мурлыкнул.

— Не отказался бы, значит. Может, отдать тебя этому Папе Валерьянскому?

Кот отрицательно мяукнул.

— Ну и правильно. Мы с тобой прекрасно ведь уживаемся! — я щелкнул пультом, выключая «бормотальник», и встал на ноги, сгоняя Мурика на пол и вызвав тем самым его недовольный мяв. — Ладно, хватит бить баклуши. Пора и поработать.

Я направился к лаборатории. Мурик побежал за мной. На середине комнаты он обогнал меня, коротко разогнался и запрыгнул на пустой лабораторный стол. Он знал, что запрыгивать на занятые столы категорически противопоказано: можно получить люлей от меня, а то и обжечься кислотой или чем-то подобным.

Я улыбнулся, провел ему рукой по спине. Кот благодарно замурлыкал, уселся, а затем — улегся на стол. Я же принялся за свою текущую разработку.

В разработке у меня находилась новая модель нейроимплантов (а точнее, внешняя навеска в виде плоского круга, принимавшая на себя часть нагрузки с

основного нейроимпланта), позволявшая нетренированному и не усиленному имплантами или природными способностями мозгу человека пользоваться несколько большим количеством кибервживлений, и при этом со встроенной качественной защитой от нейрохакеров. После бума аугментаций шесть лет назад и последовавшего за ним Инцидента — происшествия, в ходе которого все люди, имевшие импланты, сошли с ума и впали в животную ярость — они находились под строгим контролем, однако именно после Инцидента количество хакеров выросло многократно.

Я на миг перевел взгляд на фото, стоявшее на стеклянном столике рядом с диваном. Глазной имплант послушно увеличил изображение. Фото моей семьи — жены и маленького сынишки. Семьи, которую я потерял во время Инцидента… Не знаю, от моей ли руки они погибли или от чьей другой, но то, что они мертвы, я знаю наверняка. Именно поэтому вот уже шесть лет я живу только с котом, не решаясь заводить глубокие знакомства с представителями противоположного пола. Ведь Инцидент может повториться… А все ч-чертовы технологии, чтоб их!.. Вот что мешало мне просто носить повязку? И сынишка гордился бы, что его папка выглядит как пират…

Ладно, к черту упаднические настроения. Сейчас не время.

Я медленно вдохнул-выдохнул, а затем тихо подозвал кота. Как бы мне ни хотелось оставить его в покое, однако придется доставить ему дискомфорт еще раз.

— Кс-кс-кс-с! Мурик! Иди сюда! Ну иди-и!..

Кот подозрительно мяукнул и отодвинулся подальше по столу.

— Мурик! Надо снять данные эксперимента! Ну не убегай, Му-урик! Это совершенно безболезненно!

Мурик злобно зашипел и спрыгнул со стола, отходя задом. Я положил приемник данных в карман и стал медленно подходить к коту. Тот шипел и отступал.

— Му-урик! Ну успокойся! Ну не страшно это!..

Ласково приговаривая, я приблизился на расстояние собственного прыжка, а затем резко рванулся вперед. Кот взвизгнул и попытался отпрыгнуть, но я уже держал его в руках. Приемник был у меня в руке, и я коротким движением вогнал штекер в неприметный разъем под черепом. Кот попытался вырваться, но я крепко держал его, поэтому он быстро прекратил попытки и лишь жалобно мяукал.

Некоторые спросят меня, почему я использую провода, если можно куда более простым образом снять данные дистанционно. А я отвечу — ТАКОЙ объем данных проще снять через провода.

Наконец прибор пикнул, оповещая о завершении съема данных. Я коротким движением извлек штекер и отпустил кота. Тот, словно этого и ждал, пулей вылетел из комнаты. Я покачал головой. Теперь, после второй обиды, весь день прятаться будет. Но ничего не поделать — данные очень важны.

Я горестно вздохнул и поставил данные с мозгового импланта кота на загрузку в комп, точнее, в программу обработки данных и перевода их на

понятный сведущему человеку язык. Затем развернул пленочный экран и сел в кресло, ожидая окончания загрузки.

Данные загружались почти минуту, что для нашего времени — много. Ну так и эксперимент не рядовой. Это тебе не данные по совместимости механического пальца с нервной системой.

Наконец загрузка завершилась, и на экране развернулось окно, заполненное информацией по импланту. И я погрузился в работу…

***

Я с трудом оторвался от работы, лишь когда глаза стало застилать пеленой. Помотал головой, потер биологический глаз и посмотрел на время. 02:41. Ни фига себе… вот это я заработался. Зато новые настройки импланта были почти готовы.

— Сейчас, мне немножко осталось… — сказал я сам себе. Потом, немного подумав, сам себе ответил:

— Да, ты прав, в таком состоянии я ничего не наваяю. Пошли спать…

Сохранив файл с настройками импланта, я свернул пленочный экран, встал из-за стола и направился к нерасправленному дивану.

Твою налево!.. Откуда здесь взялась гребаная табуретка?! О-ох, голова…

Я с трудом поднялся после капитуляции перед табуреткой, спрятавшейся в темноте, и, активировав ночной режим в своем втором глазу, начал пробираться к дивану через лабиринт самых разнообразных вещей на полу, так и норовящих попасть под ноги.

Диван я расправлять не стал, улегшись на голую обивку.

***

Кто-то очень настойчиво скребся во входную дверь. Я с трудом разлепил глаза, и первым, что я увидел, были задвинутые шторы на окне. Я их не задвигал однозначно. Значит, Мурик позаботился. Все-таки не очень сильно он обиделся…

Подняв с пола пустую капсулу стимулятора, использованную где-то около месяца назад, я сел на диване, потер глаза, а затем коротким движением отправил ее в полет к сенсору, открывавшему шторы.

Против моих ожиданий, в глаза не ударил яркий солнечный свет. На пол упали отсветы ночной городской иллюминации. В просвет между парой небоскребов было видно восток, где над горизонтом только-только забрезжил рассвет.

Я поднялся с кровати, зачем-то вдел ноги в тапочки и, потирая глаза, направился к двери, маневрируя меж видимыми в отсветах иллюминации вещами.

Негромко щелкнул замок двери, и моему взору предстал… окровавленный Мурик с тушкой огромной крысы в зубах.

Я несколько секунд недоумевал, затем глухо чертыхнулся, отобрал у совсем ослабшего кота крысу, оставив ее перед дверями, и подхватил его на руки. Занес в гостиную, роняя капли его крови на пол, смел со стола, приспособленного под операционный, стоявшие там вещи, включая

фотографию, положил на стол кота, достал из одной шуфлядки резиновые перчатки, из другой — хирургические инструменты и принялся за оказание помощи.

***

Мурик под наркозом, замотанный в бинты и подключенный к капельнице, спал на хирургическом столе, а я, опустошенный, лежал в кресле.

Из тела кота я извлек шесть крысиных зубов, каждый по три сантиметра длиной. Мурика спас только регенерационный имплант, однако и это было небесплатно: организм кота был очень серьезно истощен. Я не знаю, где он нашел таких крыс (а я был уверен, что крыса была далеко не одна — с одной Мурик справился бы легко), но сделал он это не от балды. Наверняка крысы эти угрожали его территории — квартире, прилежащим вентиляционным шахтам и прочим техническим сооружениям.

Это дорогого стоило: ему предстояло более двух суток проваляться в медикаментозном сне, и ввести усиленное питание для регенерационного импланта я мог только завтра, когда организм немного окрепнет. А потом еще около недели кот будет очень слаб и не сможет толком даже ходить…

От входной двери, которую, как оказалось, я не закрыл, послышался истерический женский вопль. Я чертыхнулся, вспомнив, что и трупик крысы я оставил там же, и направился к выходу.

Перед моей дверью стояла, закрыв рот руками, и испуганно дышала девушка. Я секунд десять пытался вспомнить ее имя, но в итоге вспомнил лишь, что живет она этажом выше, прямо надо мной. И что ее мать — ауг. Правда, девочке повезло — во время Инцидента она была в спортлагере.

Увидев мои окровавленные руки в перчатках и одежду, на которую я забыл надеть фартук, девушка испугалась еще больше. Ее глаза закатились, и она упала в обморок.

Я вновь ругнулся, содрал с рук перчатки, кинув их у двери (потом заберу), темную рубашку, заляпанную кровью, заправил в штаны, а затем достал из наколенного кармана любимых штанов, где у меня обычно лежали разные медицинские предметы первой необходимости, бутылек с нашатырем и дозатором на горловине, поднес к носу соседки.

Девушка очнулась. Однако, увидев перед собой глаза, один из которых был имплантированным, завизжала вторично, довольно профессионально ударила меня по голове, оттолкнула, вскочила и сбежала вниз по лестнице.

Я встал на ноги, потирая место удара, пожал плечами и вернулся в квартиру, на этот раз не забыв закрыть дверь.

Однако не успел я переодеться и сесть в кресло, как услышал щелчок дверного замка. Не понял?..

Дверь осторожно приоткрылась. Я бесшумно поднялся, отошел за кресло, пододвинутое боком к столу, и достал из шуфлядки пистолет. Любой другой использовал бы новомодный тихий игольник (где-то в столе валялся именной…) или компактный шокер. Однако я люблю старый добрый ГШ-18, поступивший на вооружение армии еще в 2003 году. Мне он достался от одного

паренька примерно два года назад. Человек решил сделать доброе дело — замочить соседа-ауга. Причины у него были — родители погибли во время Инцидента. Парень взял батин наградной пистолет и вломился ко мне в квартиру с криком «Выходи, мразь механическая!». А я его по голове — бац! — и вырубил. Отнес его домой… а он повесился, едва очнувшись. Так что пистолет возвращать было некому.

В магазин на 18 патронов у меня были заряжены патроны-Транквилизаторы. До недавнего времени они были распространены повсеместно, однако с появлением в свободном доступе шокеров и игольников их производство резко сократилось. Однако у меня еще сохранилась коробка патронов со времен общедоступности, благо пользоваться пистолетом приходилось редко.

Дверь с тихим скрипом открылась, и в проем сунулась белобрысая голова явно мальчика, максимум — подростка. Голова повертелась из стороны в сторону, а затем произнесла:

— Я же говорил, что он ушел! А ты: «Я слышал звуки, я слышал звуки…». Наверняка жратва закончилась, и он намылился в лабаз затариваться.

— Тише разглагольствуй! Соседи услышат, потом не отмоемся.

Обладатель головы беспечно вошел в мою квартиру. Это был подросток лет пятнадцати, одетый в узкие, практически в облипку, джинсы и серый свитер. На его левой щеке и верхней части шеи красовалась биотатуировка в виде дракона, насколько я понял, определяющая эмоциональное состояние владельца. Такие татуировки стали очень модны за последние лет пять (ряд государств даже пустил в проект закон об обязательном наведении подобных татуировок каждым гражданином). Каждый, наводивший себе такую, как бы показывал, что ему незачем скрывать от остальных свои эмоции. По крайней мере, первые люди делали именно так. Однако затем делать себе такие татуировки стал чуть ли не каждый человек младше двадцати пяти лет, у кого хватало на это денег. Чаще всего это играло против них, так как они не умели держать свои эмоции под контролем, а татуировка сильно упрощала определение состояния хозяина, позволяя обходиться без поиска косвенных признаков — ведь все это уже сделали бактерии.

В руках малец держал странное устройство явно кустарного изготовления размером со смартфон середины-конца второго десятилетия двадцать первого века, когда мир охватил бум больших телефонов дорогих и модных моделей. В нижней части устройства находилась пластина размером с ключ-карту от моей квартиры. Та-ак… стало быть, это приборчик для взлома замков, в просторечье «хак».

Вслед за татуированным, мягко ступая по полу, осторожно вошел рослый парень явно лет семнадцати-восемнадцати. На нем были матерчатые светлые брюки и светлая же рубашка; последние две пуговицы были расстегнуты. Парень сжимал в руках «перо» — небольшой карманный ножик с коротким складным лезвием. Кромка едва заметно поблескивала. Одна-ако… похоже на

кустарную электрификацию ножика. Стало быть, и сталь нестандартная. Неплохо…

Парень, как это ни странно, дверь не закрыл. За ним в квартиру вошел пацан примерно одного с первым возраста на вид. Однако выглядел он куда более серьезно: штаны из черного с синим отливом материала, скользкого даже на вид, и водолазка с узкими рукавами того же материала и цвета, что и штаны. Правая рука его металлически поблескивала. Водолазка на левом боку (левша, стало быть) топырилась в форме кобуры. А вот это уже серьезно.

Вошедший последним бесшумно закрыл дверь и стал позади остальных. Левая рука лежала на кобуре, освобожденной из-под водолазки. Дылда, как я про себя окрестил высокого, опасливо покосился на ауга. Ничего себе… да он его боится!

«Татуированный» окинул мою квартиру взглядом. Дракончик пацана светился оранжевым с примесью черного и красного. Смесь злости, радости и страха. О как. Стало быть, и он боится ауга… но явно не только его.

Малец радостно произнес:

— Ну что, парни, узнаем, что лежит в закромах у этого чудака?

Никто его не поддержал. Маленькая банда приготовилась расходиться для грабежа…

Щелчок затвора ГШ-18 прозвучал выстрелом в установившейся тишине. А в следующий миг я резко встал из-за кресла и сделал шаг в сторону.

Аугментированный член банды малолетних грабителей резво дернул рукой вниз, извлекая из кобуры игольник и одновременно взводя его. Ни фига себе реакция! Он боевой модели, что ли?..

Я резко перевел ствол на самого опасного противника и выстрелил. Пуля попала пацану в правую половину груди, разворачивая его и опрокидывая на пол. Игольник отлетел в сторону. Я выстрелил в ауга еще раз, вгоняя вторую ампулу Транквилизатора, заключенную в пластиковую пулю, ему в спину. Этой-то дозы ему должно хватить. Сами пули относительно безопасны, они не рассчитаны на нанесение серьезных ран, поэтому заходили в тело не глубже двух сантиметров и потом спокойно извлекались. Однако кровотечению, пусть и несильному, это не мешало.

Я перевел ствол на двух остальных, наблюдая, как дракон мелкого, уже начавший желтеть при звуке передернутого затвора и моем появлении, сейчас очень быстро перекрашивался в грязную желто-зеленую смесь. Вот именно поэтому я любил пистолет. К хорошей визуализации того, что может произойти и с тобой, добавляется громкий хлопок выстрела, пугая гораздо сильнее игольника или шокера.

— На месте! На месте стоять! — гаркнул я. Малолетние бандиты замерли статуями.

— Нож и хак на пол! На пол, я сказал!

Видя, что парень ломается, я выстрелил в стену. Мальчики вздрогнули от громкого хлопка. Нож мигом полетел на землю, вслед за ним упал хак.

— А теперь! Быстро! Взяли своего аугментированного дружка! И свалили отсюда! Пока я и в вас не всадил по пуле! — прокричал я.

Дылда мелко-мелко задергал головой, что, видимо, следовало расценивать как согласие. Штаны мальца в области паха стали быстро темнеть. Вот теперь никакого дракона не надо, и так все понятно.

Я коротко махнул стволом в сторону двери. Несостоявшиеся грабители подхватили раненого дружка и пулей вылетели из квартиры. Я поставил пистолет на предохранитель, подошел ко входу, закрыл дверь и заменил на замке двенадцатизначный буквенно-числовой код, записанный на карту. Саму карту потом перепрограммирую. А пока мне никуда выходить не надо.

Подобрав брошенные «бандитами» вещи, я вернулся в зал и проверил состояние Мурика. Он был очень слаб, но ухудшений не наблюдалось, состояние было стабильным. Я медленно провел по спутавшейся шерсти кота рукой, немного постоял, а затем пошел спать. В конце концов, делать мне сегодня особо нечего, за исключением настройки импланта, а спать хочется сильно. Тем более что до конца срока по импланту оставалось больше двух недель, а я уверен, что настроил все правильно.

Кинув трофеи в одну из шуфлядок стола, я поднял лежащую на полу фотографию, секунду посмотрел на нее, поставил на стол и лег на диван.

***

Сегодня мне явно не везло с пробуждениями. В этот раз это была переливчатая трель звонка, на котором у меня стояли соловьиные переливы. Соловья в наше время увидеть можно разве что в зоопарке или в заповеднике…

Судя по положению солнца, был вечер. Значит, спал я немало. Хоть что-то хорошее.

Первым делом я сменил в капельнице емкость, потому как жидкость почти закончилась. К этому моменту звонок насиловать перестали, зато дверь очень скоро задрожала от мощных ударов.

За дверью оказалось трое полицейских в полном снаряжении: в руках одного из них был ПП-19 «Бизон» последних модификаций, второй, стоявший рядом, держал в руках, правда, стволом вниз, полицейский игольник (мало чем отличавшийся от армейского: тоже мог за секунду фаршировать тебя десятком игл, разве что с Транквилизатором, а не с боевым ядом), третий, стоявший перед дверью, сжимал в руках металлизированную дубинку-шокер (использовавшуюся из-за негуманности только в ауг-таунах), которой явно только что колотил в дверь. Все трое были в защитных шлемах с затемненными стеклами.

Я потер глаза и спросил:

— Чем обязан доблестным служителям порядка?

Полицейский с игольником поднял затемненный щиток. Это был Саня, мой давний знакомый. Правда, после Инцидента ушедший из технического ВУЗа, где преподавал кибернетику, и подавшийся ауг-таунский отдел полиции — благо, боевой опыт у него, как и у меня, был.

— Привет, доблестный служитель науки. Мы войдем? — спросил он.

Я молча кивнул и уступил бойцам дорогу.

Спустя три минуты мы расположились за столиком в гостиной. На столике лежала электронная книга старого образца еще первого десятилетия. Ведь иногда так приятно посидеть вечерком за чашечкой порошкового чая, похрустывая пресными галетами и вместе с котом наблюдать за приключении, к примеру, одного беловолосого охотника на чудовищ, поглаживая компаньона по «вечеру чтения». Киберпанк в литературе сейчас привлекает далеко не так сильно, как фэнтезийный мир, который никогда не воплотится в жизнь…

Я разлегся в кресле, временами потягивая из самоподогревающейся кружки, стоящей на столе со времен прошлого «чтецкого вечера», чай. Саня и боец с «Бизоном» расположились на стульях по другую сторону стола, а полицейский с дубинкой (и игольником в кобуре) присел чуть в стороне, на диване. Я мельком отметил, что третий находился в таком положении, из которого мог быстро нанести по мне удар дубинкой (которая была, как я успел понять, с персональной модификацией — раздвижная) или нашпиговать по самые брови из игольника. Это также было классической техникой патрулей ауг-таунов — один из бойцов располагался чуть в стороне и был показательно готов к бою, в то время как остальные были обманчиво расслаблены. При такой позиции ауг, оценивающий противников при помощи компьютера, с очень большой долей вероятности атаковал самого опасного, что давало время двум другим на нейтрализацию противника со спины.

Впрочем, все трое были со снятыми шлемами, что было знаком доверия. Так что расположение по отработанной схеме было скорее привычкой, чем реальной необходимостью.

Саня отхлебнул из своей кружки, поставил ее на стол и начал.

— Сегодня у вашего дома нашли труп мальчишки лет пятнадцати. Ауга.

У меня словно оборвалось что-то внутри.

— Тело было сильно объедено крысами, поэтому личность удалось установить лишь по идентификационному номеру его аугментации.

Я прикрыл глаза.

— Сегодня к нам в участок поступила заява от мамаши этого мальчугана. Та еще стерва… она ненавидит… точнее, ненавидела пацана. Видимо, за то, что во время Инцидента он убил отчима. Она заявила, что этот мудак — так и заявила! — украл игольник ее мужа, и что она требует за это забрать его в колонию. Вот сука!.. — Саня выдохнул. И продолжил:

— Но дело не в этом. В теле мальца были обнаружены две ампулы Транквилизатора в пластиковых пулях калибра 9х19 миллиметров. А такими у нас в районе пользуешься только ты… кроме того, твоя соседка по площадке показала, что слышала в твоей квартире сегодня с утра выстрелы.

Я через силу улыбнулся, хотя улыбка явно вышла очень кривой.

— Вот ушастая старуха!

— Ага, с аугментацией-то… ладно. Как ты можешь объяснить все произошедшее?

Я посмотрел на Саню.

— Тебе в подробностях или описать в двух словах? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— В двух словах.

Я отхлебнул чая, чтобы хоть как-то успокоиться.

— Сегодня с утра ко мне вломились трое. Среди них был и этот мальчуган-ауг. Я не буду скрывать, я уверен, что именно его нашли мертвым. Но я его не убивал.

Я помолчал. Саня внимательно смотрел на меня.

— Они взломали замок моей квартиры и вошли, думая, что меня дома нет. Однако когда я появился, припугнув их пистолетом, ауг выхватил игольник. Я вынужден был стрелять.

Я потянулся, выдвинув шуфлядку, достал из нее игольник мальчика и бросил ее на стол между чашками.

— Почему два выстрела? — сухо спросил Саня.

— Его реакция на мое появление была слишком уж быстрой. Я подозревал, что он был боевой модифи…

— Ты серьезно?! Ребенок-боец?!

Я пожал плечами.

— Я не знаю, кто был его отец — настоящий отец. Я и мальчика-то видел впервые. Возможно, его имплантировали в специализированной клинике.

Я замолк. Затем произнес:

— Я вырубил его, а затем прогнал остальных, сказав забрать дружка. Но насколько я смог понять, два других грабителя довольно сильно боялись его. Скорее всего, они, вынеся бессознательное тело на улицу, бросили его к мусорке. А крысы там… — я покачал головой.

Саня хмыкнул.

— Мы видели, одна такая лежит перед дверью. Это она так твоего Мурика отделала? — спросил он, сходя с темы.

Я кивнул. И продолжил:

— И наверняка не одна.

Мы помолчали.

— Ты мне веришь?

Саня с хмурым видом отхлебнул из кружки.

— Я-то верю… но поверят ли в отделе?

Он помолчал.

— Я помню, ты устанавливал у себя камеры видеонаблюдения. Они еще работают?

Я кивнул.

— Можешь предоставить записи?

— Прямо сейчас?

Саня мотнул головой.

— Нет, если сейчас не хочешь, занесешь завтра в участок. Дело я пока заторможу на стадии «поиск свидетелей», но ты с данными не тяни. Сам понимаешь, они скоро тебе позарез понадобятся…

Я кивнул.

Саня, а за ним и остальные полицейские, встал. Произнес:

— Я не буду спрашивать, откуда у тебя пистолет, которого по документам у тебя нет. Но могут спросить другие. Ведь я не круглые сутки дежурю и езжу не только к тебе на вызовы… а впрочем, к чему я эти банальности говорю?.. Ты и сам все понимаешь.

Едва дверь за полицейскими закрылась, я грязно и витиевато выругался. Твою ж налево… гр-рабители, чтоб их… вместо того, чтобы в травмпункт его отнести, кинули на мусорке… уроды…

Мельком глянув на состояние Мурика, я направился на куню.

Алкоголь — хороший алкоголь, а не заводской суррогат или паленый самогон на смеси этилового спирта с метиловым — в наше время довольно дорог. Конечно, менее дорог, чем натуральные продукты, но все равно неслабо. Однако у меня еще с 2020, быть может, года стояла бутылка коньяка. А напиться хотелось очень сильно.

***

Видимо, последние несколько дней меня преследует какой-то злой рок на пробуждения. В этот раз верещала сигнальная программа на компьютере, свидетельствовавшая о взломе системы.

Я с трудом поднялся с кровати. Болела голова. Болела довольно сильно, до алкоголя я непривычный.

Верещащий сигнал отдавался болью в похмельной голове. Я сгреб со стола заранее приготовленный блистер «Похмелина» — эффективного средства русского изготовления, созданного одним гениальным химиком. Видимо, он тоже часто мучился похмельем…

К моменту моего возвращения из ванной голова перестала гудеть окончательно. Я развернул экран и несколько секунд тупо пялился на символ желтого треугольника на оранжевом фоне.

Пальцы сами собой заплясали над клавиатурой. Взломщик был хакером хорошим, но неопытным. Он не зацепился за основы системы, сразу полез внутрь, просверливаясь все глубже и глубже. Поэтому мне быстро удалось заблокировать ему доступ, а затем выдавить из системы.

Но в последний момент хакер отстрелил «щупальце» и коротко ткнул им… в систему импланта. Я коротко чертыхнулся, быстрым движением выкинул взломщика и рванулся к атакованной системе.

В системе безопасности поселился вирус. Он не нападал на саму систему, он аккуратно прокрался за периметр и затаился внутри.

Безуспешно попытавшись выковырять заразу из системы безопасности импланта (все-таки я не очень хороший программист), я коротко выругался и запустил форматирование его ОС. Настройки и основа были скопированы, а систему безопасности стоило взять новую.

Наспех перекусив галетами, я накинул пальто на магнитной застежке, покрытое «Подушечкой» — специальным уплотняющим составом, способным остановить иглу гражданского игольника. Затем, немного постояв, зачем-то

положил в карман хак, отнятый у малолетнего грабителя. Достал пистолет и положил его во внутренний карман, скроенный таким образом, что предметы, лежащие внутри, не прощупываются снаружи. Ножик лежал в заднем кармане штанов.

Уже на пороге я вспомнил, что так и не поставил Мурику усиленное питание. Чертыхнувшись, я прямо в обуви вернулся и поставил коту новую емкость, на этот раз с питанием для регенерационного импланта. Это должно было значительно ускорить выздоровление.

На улице было пасмурно. Едва заметно моросил дождик, однако темные облака предвещали ливень. Пущенная по забору, отгораживавшему ауг-таун от остального города, колючая проволока влажно поблескивала. Я поплотнее запахнул пальто и поднял воротник.

Путь мой лежал вглубь ауг-тауна, в трущобы, к одному гениальному программисту, предпочитавшему жить именно там (хотя с его капиталами можно было бы оплатить переезд в куда более элитные районы). У него я закупался «свежими» программными сборками примерно за несколько недель, а то и месяцев, до выхода их в более-менее широкий доступ. Мы с этим программистом были давние друзья. Работали в одной конторе… до Инцидента.

Пройдя по главной улице, захламленной, полной мусора, брошенных машин и хибар бомжей (в этой части ауг-тауна самым дорогим транспортным средством был велосипед, а машинами никто не пользовался: ауги-бомжи и просто завистники очень быстро превратили бы технику в груду металлолома), около полукилометра, я свернул в трущобы.

Трущобы были тем еще местечком. Некогда здесь был крупный торговый центр, в котором было и отделение имплантации, однако в последние месяцы перед Инцидентом, когда ненависть народных масс к ее киборгизированным представителям стремительно росла, террористы-ауги (что было доказано останками одного из террористов, которому «не повезло» явно не случайно), нанятые стороной-противником имплантаций, взорвали в главном холле здания несколько бомб с «грязной» начинкой суммарной мощностью около тонны в тротиловом эквиваленте. Бомбы практически полностью уничтожили первый этаж и повредили несущие колонны, заставив здание обрушиться на жилые кварталы. Спасатели работали в завалах до самого Инцидента. А после Инцидента и непосредственно во время него люди стягивались сюда в поисках убежища. И вот, спустя несколько лет, когда народные страсти несколько успокоились, а противоборствующая киборгам сторона несколько смягчила положение аугов и перестала сгонять их в концентрационные лагеря, администрация города решила: чем разбирать завалы и заново отстраивать жилые дома в центре, да еще и прогонять из руин всех укрывающихся там, проще сделать этот район эдаким гетто для киборгов.

С тех пор центральные развалины стали местом обитания большинства нищих аугов (да и просто нищих тоже), а окраинные дома, не пострадавшие от теракта, — жильем для несколько более зажиточных. Руины со временем обросли множеством мостков, хижин из мусора. В оставшемся сравнительно

целым подвальном этаже центра, считавшемся центром трущоб, даже открыли нечто вроде бара под названием «Механическое сердце» и принадлежащего ему частного «дома» для «более зажиточных нищих».

Ориентироваться во всем этот хаосе было очень сложно. Однако я приспособился, благо географического кретинизма у меня нет.

Пройдя множеством помостов, тоннелей и просто уцелевших коридоров, я оказался в практически целой квартире — «родном гнездышке» программиста, как называл свою хибару сам Марк.

Тот, как всегда, сидел за компом (навороченным монстром, выглядевшим как какой-то экспериментальный плазмоган на стадии разработки) и составлял какую-то новую программную сборку. Бросив на меня секундный взгляд, Марк буркнул нечто вроде «Хай» и продолжил работать.

Подхватив стоявший в углу табурет, я подсел к нему.

— Мне нужен антивирусник. Самый новый.

— Ты ж брал уже недавно! — не отрываясь от работы, мельком удивился программист.

— Меня взломали. Просверлили систему компа и запустили вирус в твою программу.

— Как взломали? — резко повернулся ко мне Марк.

— «Ползунком», — более понятным для друга языком сказал я.

Марк покачал головой.

— Да-а, от этого я защиту не предусматривал. Это же старая программа, кто ее может использовать, кроме малолеток… — и, вновь повернувшись к агрегату, он с удвоенной скоростью защелкал старой клавишной клавиатурой.

Минут пять спустя комп выплюнул одноразовый носитель — тонкую пластинку шириной в один сантиметр и длиной примерно пять с USB-портом на конце. Вручив носитель мне, Марк махнул рукой в сторону выхода, и я послушно направился туда. Если Марк не просит денег — значит, вручить ему их не получится. Я засунул пластину в кармашек на внутренней стороне воротника рубашки и вышел.

Всю обратную дорогу у меня из головы не шли слова Марка о малолетках, использующих «ползунок». Такие вирусы были до банальности просты и много сделать не могли, их вторжения очевидны и легко выковыривались, а потому защиту от них попросту не ставили — она занимала больше места, чем приносила пользы. Странно только, что я сам не смог его достать… неоднократно ведь уже излавливал. Какой-то более сложный, что ли…

Во дворе дома меня окликнули. Обернувшись, я увидел давешнего грабителя — парня в светлом, резко контрастирующим с темно-серым окружением.

Парень стал приближаться, держа руки в карманах, и я невольно напрягся. А ну как завалить меня вздумает? С него станется…

Однако малолетний бандит почтительно остановился в двух метрах от меня и робко спросил:

— Это вы — тот, кого мы пытались ограбить вчера?..

Я кивнул.

Пацан немного помялся, смущенно кашлянул, а затем спросил:

— А ножик мой вы сохранили?..

Я удивленно приподнял брови. Парень, заметив мое удивление, стушевался и затараторил:

— Понимаете, этот ножик дорог мне как память. Я его с самого… — тут парня подвели связки, но он просипел: — …Инцидента хр-раню…

Немного отдышавшись, он продолжил:

— Понимаете… у меня отец аугментированный был… и когда случился Инцидент, он напал на меня… а я его ножиком… он ведь всегда добрый был, отзывчивый… а тут — что-то невнятное прокричал и на меня бросился…

Парень не выдержал и разрыдался, пряча лицо в ладонях. Я молчал, пораженный. Вот ведь оно как…

Он резко поднял лицо и, словно в ответ на невысказанный упрек, прокричал:

— А что мне было делать?! Когда он с перекошенным лицом бросился на меня, все решали секунды! Либо он, либо я! Он же сам меня учил драться на ножах…

Запал закончился, и паренек, бессильно уронив голову на грудь, медленно сел на землю.

— С тех пор я всегда ношу ножик с собой. Как напоминание. Об отце, павшем жертвой технологий…

Я неловко кивнул, словно пытаясь поддержать пацаненка, совсем еще молодого, но успевшего сполна отхватить от мира. Достал из заднего кармана ножик, протянул его хозяину. Присел рядом.

— Пойми, ауги не звери. Думаешь, сами они не жалеют о произошедшем? Я сам ауг, я был не в себе во время Инцидента, я потерял семью во время него! Мы не хотели быть такими. Инцидент был спровоцирован извне с помощью какого-то сигнала, передававшегося на нейроимпланты. Ауги не виноваты в том, что их свели с ума. Виноват лишь один конкретный человек. Имя которого мы вряд ли когда-нибудь узнаем…

Парень поднял на меня заплаканные глаза.

— Я тебе верю. Мой отец не мог быть зверем. Но не все люди такие же, каким был он…

Я кивнул.

— Как звать-то тебя? — после паузы спросил я.

— Вася.

Я помолчал.

— А чего не переехали-то из ауг-тауна, Вася?

— А смысл? Менять трехкомнатную квартиру, пусть даже здесь, в ауг-тауне, на вшивую однушку в неблагополучном районе, а если не повезет — на вонючую коммуналку с соседями-бандитами? Нет уж, лучше здесь…

Я снова кивнул, подтверждая резонность ответа, и поднялся. Вслед за мной поднялся и паренек.

— Вы это… простите, что мы вас ограбить хотели…

Я невесело улыбнулся, произнес…

— Прощения просите у своего друга, съеденного крысами.

…а затем развернулся и направился к подъезду, подставляя спину ошеломленному взгляду парня…

Уже подходя к двери квартиры, я вспомнил, что так и не перепрограммировал ключ-карту, оставив ее на столе у компа. К счастью, в кармане у меня лежал хак малолетнего взломщика, коим я и воспользовался.

Осторожно введя карту в паз, я активировал хак. Приборчик не перебирал все возможные комбинации, он прорывался в саму систему замка и считывал записанный в памяти код. Это было умно, учитывая, что процессор замка делали примитивным, и код он принимал около секунды. Так что, учитывая количество возможных комбинаций из двенадцати знаков, каждый из которых имеет тридцать шесть вариантов, и небольшой мощности процессора самого хака, на это ушли бы сотни лет.

Я запустил программу взлома. Она пробила в примитивной защите замка брешь и сразу рванулась вперед. Стоп… почерк очень смахивает на почерк утреннего взломщика. Получается... малец хакнул мой комп? Но как он подключился к моему компу?..

Хак негромко пискнул, оповещая о конце взлома, и загрузил код на карточку. Через секунду пискнул и сам замок. Я снял приборчик с замка, положил его в карман и открыл дверь, мимолетно подумав, что стоит поставить старый добрый механический замок — его махоньким приборчиком не ломанешь, а профессиональных взломщиков механики в мире сейчас чуть менее чем никого.

Мурик лежал на диване. При звуке открывшейся двери он поднял голову и приветственно мяукнул слабым голосом. Ему явно было лучше.

Я, мельком удивившись такой скорости лечения, сбросил плащ на пол, на ходу снял ботинки и подошел к дивану. Взял Мурика на руки и сел туда сам. Положил кота на колени. Тихо спросил:

— Ну как ты?

Кот утвердительно мяукнул. Я кивнул.

— Но все же не стоило вылазить из-под капельницы. Давай, пошли обратно.

Мурик запротестовал. Ткнул лапой в журналы, лежащие на маленьком столике.

— Я понимаю, что лежать просто так тебе скучно. Но что я могу сделать?

Мурик вновь указал лапой на журналы.

— Тебе почитать дать, что ли?

Кот утвердительно мяукнул. Я скептически покачал головой.

— Ну ладно…

Снова расположив пострадавшего под капельницей, я сходил за пленочным планшетом и разложил его перед котом. Тот благодарно мяукнул и залез в электронную библиотеку. Я удивленно усмехнулся его выбору:

«Мечтают ли андроиды об электроовцах» Филиппа Дика. Книжка вполне неплохо подходит под современные реалии…

Сам я расположился на диване и прикрыл глаза, слушая тихое попискивание планшета под лапками кота…

***

Проснулся я от одинокого луча солнца, пробившегося сквозь пасмурное небо и, как назло, попавшего именно мне в глаз. Дождавшись, пока я проснусь, лучик спрятался за тучами, оставив меня недоуменно потирать глаза.

Мурик спал, положив голову на выключенный планшет. Пленка не была свернута. Стало быть, зачитался и заснул…

Я потянулся, захрустев спиной. Вспомнил, что за последние три дня ел всего один раз, не считая закуси к коньяку позавчера. Сходил на кухню и поставил разогреваться очередной ДПК. Вернулся в гостиную, посмотрел на спящего кота и запустил комп. Надо было наконец отнести запись с камеры наблюдения в полицию. И загрузить на имплант новое ПО.

Взяв из подставки для настольной лампы одну из четырех лежавших там флешек, я воткнул ее в комп, законнектился с передатчиком камеры и начал передачу данных. Достал из воротника пластину, положил на стол рядом с портом. Почуяв запах еды, направился на кухню. Передача все равно будет идти достаточно долго, успею поесть.

Сегодня желе было буро-фиолетовым. Я достал приготовившийся комплект из микроволновки, поставил на стол.

Из гостиной послышался громкий и выразительный «мяв!», в котором сквозила скорбь по еде, которую коту не предложили, боль в затекшей лапе, раздражение по поводу капельницы, под которой приходилось лежать. Потом оттуда донесся звон упавшей капельницы, кошачья брань, а спустя пять секунд в кухню бодро вбежал Мурик. Я покачал головой. Надо же, быстро импланты справились! И двух дней не прошло.

Щедро отделив от своей порции коту — ему после активной работы регенераторов требовалось много пищи, — я положил все это в его миску. Потом, секунду подумав, полез в шкаф за сверхпитательными галетами из ППК — полного пищевого комплекса, купленного около года назад по случаю дня рождения кота. Кот такой дорогой подарок с негодованием отверг, сказав оставить на потом. Сейчас же Мурик не возражал.

Я покрошил галеты поверх желе и подвинул миску коту. Тот с наслаждением вгрызся в пищу.

К моменту окончания трапезы камера уже передала данные за последний месяц — дольше хранить их не было смысла. Я переписал данные на флешку и положил ее в нагрудный карман рубашки. Тут она не затеряется, ибо карманчик маленький.

Я вставил пластину в порт и включил считывание. Затем вместе с базовой системой скопировал систему безопасности на имплант.

Моей руки, лежавшей на мышке, коснулась лапа кота. Я вопросительно посмотрел на него. Тот странно мяукнул и указал взглядом на комп, где шло копирование данных. Снова мяукнул.

— Ты думаешь, что ПО бракованное?.. — удивленно спросил я. Кот кивнул.

— Да брось, его же делал проверенный человек! Мы же у него не раз закупались, помнишь? — однажды я взял кота с собой, в трущобы. Тогда мы ходили за программной основой, по которой я потом написал программу нейростимуляции для Мурика. Он тогда погрыз Марку кучу проводов, пометил его любимое кресло и долго протяжно канючил, когда я засунул его себе за пазуху, мысленно молясь, чтобы он не напрудил еще и там.

Мурик вновь коротко мяукнул, выражая недовольство.

— Да брось ты! Я ему верю, — ответил я, хотя меня тоже терзало смутное, непонятное беспокойство.

Кот жалобно посмотрел на меня.

— Хорошо, ладно. Давай я перепроверю код.

Я открыл программный код, взятый у Марка, и внимательно его просмотрел, в итоге не найдя ошибок. Базовый код проверять не стал — ведь раньше он работал. Мурик вроде бы успокоился, и я отключил имплант от компа. Занес руку с ним за голову и воткнул контакт в штекер в основании шеи и включил устройство.

По телу прошла судорога. По коже словно жидкий азот пустили. На миг я перестал чувствовать тело, а затем прочувствовал каждый нерв, по которым на мозг накатывалась волна боли. В голове пронеслась мысль о хакере, который мог пролезть в базовую систему. Ее сменило осознание того, что интуиция предупреждала и меня и кота, но у нас обоих ее задушил разум. Затем всю голову заполнил беззвучный крик «МУРИК!». А затем я упал на пол…

Большой кот темно-серого в полоску окраса с белыми каемками ушей сидел на столе, ошеломленно смотря на еще теплое тело своего хозяина…

Аттестатчики (Евстигнеев Борис)

По тех. причинам не можем включить сноски — в случае затруднений читайте онлайн:
https://pisalius.fandom.com/ru/wiki/Поэзия:Аттестатчики

Вступление

Учёба уж к концу клонится,
Официально хоть идёт,
Но школьник не спешит учиться:
Каникул тень его зовёт.
А «старшаки» — другое дело:
И ДПА, и ЗНО —
На них всё разом налетело,
Передохнуть им не дано.
Как будто бы exams'ов мало,
Ещё концерты подавать,
Готовить вальс для как бы бала,
Учителей всех потешать.

Выпускники для всех приличий
Всей школе действо посвятят.
Девятый класс блюдёт обычай —
Концерт прощальный для ребят.

«Младшак» директорские пишет —
У старшаков учёбы ноль
(Об этом попрошу потише —
Узнать министрам не позволь).
Министр, будь умён, экзамен
Сместил бы несколько вперёд,
Концерты бы давать заставил
Только позднее, в свой черёд.
Но, слава Богу, ход учёбы
Никто из власти не видал,
И ликовали все (ещё бы!);
Всех кто-то чем-то занимал.

I

Eleventh form сюжет составил
Уж для концерта своего:
Там сочинил, а там без правил
Из Интернета взял чего.
Одна загвоздка — нет актёров:
Лишь в классе четверо сидят.
Лишь им не надо уговоров,
Так перечислим тех ребят.

Надежда, Боря — медалисты,
Всегда готовы ко всему.
Им говорят: «Машины, чисто —
Как всё успеют? Не пойму!»
Денис и Саня — не Платоны,
Но сверхответственный народ.
Ещё Алёша — знаний тонны
Имел когда-то, не в сей год.

Лицом ко классу восседала
Классрук-учитель (звать В. В.)
— Уж ситуация достала!
Эх, дать бы всем по голове!
Ну где народ, скажите, люди!
Что толку с вас-то пятерых?
Бессмысленно мечтать о чуде;
Я отрекусь долгов своих!
Готовьте сами, коль хотите…
— Э, нет, сыграем впятером!
Нас руководства не лишите;
В чужие роли мы войдём!
— Возможно, так и будет, лишь… —
И не смогла договорить:
Двери́ скрип вдруг нарушил тишь —
Изволил кто-то отворить.

Се Александра в класс ворвалась
И, задыхаясь, говорит:
— Я мчалась, опоздала малость,
Спешила, словно на магнит!
— Ты б на экзамен так спешила!
От вас таких стоят дела!
— Но я бежала, как горилла! —
Сказать без фальши не смогла.

Учитель поутих немного,
Деля всё впрямь на шестерых,
Но снова скрип дверей. Как строго
Глядит В. В. на вставших в них.
— А, Даниилы, Виктор, Владик!
Ух, вы получите сейчас!
Выпускники ж, не детский садик!
Балбесы все! Ох, уж я вас!..

Что дальше, приводить не стоит,
Скажу лишь: ноша нелегка,
Коль отчитать тебя изволит
Родного teacher языка!

Урока два тянулись нудно:
Предмет дочитан, нету дел,
Но все собрались — вот так чудно —
Трудиться каждый восхотел.

Недели две до выступленья —
Из трёх один не помнит слов.
Импровизация — спасенье,
Но всяк в ней пошутить готов.

Допустим, военруку сцена,
Где нужно револьвер достать.
Но разве простенькая тема
Весёлым старшакам под стать?
Едва учитель отвернулся,
Весь тут же класс собрался в круг,
Один пистон в «Наган» впихнулся,
И в руки «ствол» пошёл из рук.

С шести учёных пять глаголют:
«"Рулетка" вовсе не вредна»,
Один же не учёный боле,
Его никак достать со дна.
Но коль пистоны вместо пули,
Наука смолвит чепуху.
«Щёлк-щёлк» — все будто в карауле,
«Бабах!» — и каждый уж в смеху.

Дымок струится, запах серы,
Нервов натянута струна.
Вот бы такие револьверы
Шли в ход, когда идёт война!..

Но завуч вдруг игру заметил,
И не совсем проникнул в суть.
Умней не выдумали дети,
Чем пригласить его примкнуть!

II

А завучка, сказать бы надо,
Девятого была классрук.
То не одиннадцтый, не стадо:
Не отбивался он от рук.
В ладу девятиклашки, дружно
Концерт готовили-то свой;
Им и приказывать не нужно:
Не дала дисциплина сбой.

Сюжет хранился в тайне строгой —
Пришибли б, кто бы разболтал,
И оттого уроков много
Снутри закрыт концертный зал.
Но чтобы лучше вжиться в роли,
Героев надо быт познать.
Для этой цели-то по школе
Шпионов стали рассылать.

Девятый класс — замок на двери:
Там совещание идёт.
— К друзьям прокрасться кто б хотели? —
Е. С., классрук их, так речёт.
И с первых парт Эрнест, Никита
Привстали — делу помогать.
— Пойдём. Всё будет шито-крыто!
Разведка — наше. Дай-ка пять!
— А ты стратегию составил?
Ввалиться просто в класс нельзя!
— В шпионских лучшем стиле правил!
Уж не раскусят нас друзья!

Решив, помчались в коридор,
Друг друга будто погоняя,
К выпускникам ворвались в door.
Там ситуация такая:
Народ в столовую ушёл —
Борис творит же в классе.
Желудку пища — хорошо,
Но для ума — прекрасней.
Сидит Боряныч, рифму клеит,
Влетают двое тут.
Ну кто же не оторопеет,
Без стука коль войдут?

Едва приветствия все да́ны,
Эрнест такое учудил:
Достал баллончик из кармана,
Никиту не предупредил.
Борис глядит с недоуменьем,
Второго первый как опрыскал,
Никита же в сие мгновенье
Ругательств сотню смолвил быстро.
Хоть бурно действо совершалось,
«Шпионы» всё поподмечали,
Не упустили даже малость,
Там распрощались и умчали.

— Доклад готов! Их класс играет
Всё время в «Мафию» — вот так!
На парте карты оставляют;
Вестимо, в моде и «Дурак».
— Ещё у них наборчик спрятан
С «Блэкджеком», шахматами в нём.
Короче, так сужу, ребята,
Их класс — сплошной игорный дом!
— Игорный дом? Учтём. Одначе,
Придётся подгонять сюжет.
Да, и наборчик этот, значит,
Доставить бы в наш кабинет.
— Да, ну! То ж палево какое!
Его так просто не стащить.
Все карты вскроются, и с воем
Набор вернуть придут просить!

С Е. С. тянулись споры долго,
Вопрос с набором всё ж подвис:
Считали дети первым долгом
Готовить песни, чтоб «На бис!»

III

Меж тем одиннадцатый класс
Все репетиции прервал:
Учиться вальсу пробил час —
Спустился весь народ в спортзал.
Учитель музыки, О. Л.,
Детей давно там поджидала.
Никто плясать и не умел.
— Я вот что смолвлю для начала:
Составьте пары. Пусть вы — брёвна,
Никто от танцев не уйдёт.
С моею муштрой спляшет ровно
Хоть поросёнок, хоть койот!

Пошли по двое — глядь: девчонок
И не хватает пацанам.
— Пусть Лёха сам. — Ах ты, чертёнок!
В девятый марш, и Дашу к нам!

Вот пары все. — Шаги разучим.
Айда за мною: раз, два, три…
Ты что, медведь в лесу дремучем?
Не топай пяткой! Вот, смотри!

Уж ходят полчаса на месте
(И в смысле образном, й в прямом).
Сплясать, конечно, — дело чести,
Но вы связались со слоном!
Вот, наконец, пошли движенья
Чуть посложнее, чем шаги…
Когда партнёр — не загляденье,
Остаться можно без ноги!
Набрала сложность обороты.
Глаголет Витя: — Что сказать?
Коль так нужны сии хлопоты,
Уж проще школу не кончать!

Слова как будто подтверждая,
Уж каждый третий ошибался.
— Где трудность, не пойми какая?
Чего вам вальс ещё не дался?
Ну что уж проще — повторить?
Я показала всё наглядно,
Вы ж, — крутит у виска, — фить-фить,
Как дурни… Будь оно неладно!

— Вы распишите все шажонки,
Всё по порядку, на раз-два:
Гуманитарии — девчонки,
У мужиков рацсклад ума!
Насилу написавши схему,
О. Л. осталася довольна:
С инструкцией врубились в тему
Мальчишки, заплясавши вольно.

IV

День ото дня шли подготовки,
Неспешно времечко текло,
Но кроме действ ещё уловки:
И ДПА, и ЗНО.
И, от концертов отрываясь,
Выпускники брели зубрить,
В учебник с яростью вгрызаясь,
Пыталися понять чё-нить.

Та ДПА в классе девятом
Как будто в рабство всех вогнала:
Уж сон презревши, все ребята
Схватить мечтали больше баллов.
Фактически, все обсужденья

Сводилися у них в одно:
Где нужен тренинг, где зубренье,
Чтоб было всё сие сдано.

Совсем тогда другое дело
Уж обстояло с ЗНО:
Весьма приня́то было смело,
Плевать всем было на него.
Казалось бы, провал exam'a
В последний год недопустим,
Но пессимистом быть — не тема,
И все подумали: «Шут с ним!».

И вправду, если сдать паршиво,
ВУЗ распрощается с тобой,
Но, если и отбросить диво,
То в ПТУ пройдёт любой.

Одно, пожалуй, что пугает,
И то лишь только мужиков —
Что их вояки поджидают,
Но взял отсрочку — будь таков.
Защита выучена с толком,
Не поступаешь — ход конём:
Чтоб не забрали, можно только
Творить потомство день за днём!

Хотя, конечно, кто отличник,
Тот сразу делал много дел:
Учил, писал, играл прилично —
Так даже б Цезарь не сумел.
Смешались в кучу книги, люди,
Их роли, знания и шутки.
Успех — все верят — точно будет,
Коль поработать хоть минутку.

V

В десятый раз прервав учёбу,
Влад всех сзывает на совет:
— С концертом всё пучком? — Ещё бы!
— А для классрука дара нет!
— Вот это лажа! Упустили!
— Что будем делать, господа?
— Стихи б ей, может, посвятили?
— Нет, надо так, чтоб на года.
Писать под окнами не будем:
Уже так делали до нас…
— Мыслишка есть крутая, люди, —
Плакат размером с целый класс!
Замутим фотку, текст короткий,
Да и повесим на фасад.
Вот то подарок будет чёткий!
— Ох, уж и выдумал ты, Влад!
— Добро? По сотке с вас, камрады. —
Так молвил, и достал блокнот.
— Мы и по двести будем рады,
Но как повесить сей улёт?
— Спецоперацию наладим,
В ночь пред концертом замучу.
Не забывайте: с вами Владик —
Любой проект нам по плечу!

Вот так решили это дело
И ощутили сил прилив.
Но и двух дней не пролетело,
Как вновь произошёл созыв.

— Я перетёр с типа́ми чутку,
Они нам сделают любэ.
Ща демократии минутка:
Плакат во цвете иль ч/б?

— Конечно, цвет! Ведь ясно, вроде:
Мы ж не на похорон идём!
— Но чёрно-белый нынче в моде!
Его для крутости возьмём!
— Хоть то и стиль, не для училки:
Оно так выглядит на глаз,
Что не раскрашена картинка,
Поскольку жаба душит нас!
— Ну, хорошо, согласен с вами
(Пусть не совсем, но так и быть).
Уж вскоре сей сюрприз доставим,
Да и пойдём его монтить!

VI

Казалось бы, всё в шоколаде,
Но слишком много «может быть»:
Ответственность — как в детском саде,
Да и техчасть нельзя забыть.
На сцене чтоб сказали складно,
Компьютер чтобы не сломался,
Не вышло с вальсом чтоб неладно,
С плакатом план чтобы удался,
Экзамен чтоб не завалить,
Чтоб в сборе все, кто в деле, —
Сии вопросы разрулить
Под силу только вере.

Вот воскресение настало —
Последнее пред выступленьем.
И нужно ж совершенно мало,
Чтоб week начался с наслажденьем!
В воскресно утро глупо спать,
Коль служба в храме Бога.
Одно лишь слово — благодать —
Хлопот нет, счастья много.
Увы, не всякий представляет,
Какая в этом радость.
Кто службы с верой посещает,
Тому ничто не в тягость.

Хоть верных не так много:
Один иль два от класса,
Чрез них пройдёт дорога,
По коей двинут массы.
Уж с час идёт богослуженье —
Чтоб описать, слов нет:
Послушай только песнопенья,
Взгляни на свечек свет!
Бог рядом, слышит все прошенья —
Сие яснее звона.
Для дел просить благословенья
Пришли Борис, Иона.

Когда окончилася служба,
Священник вышел в двор —
Ребята из двух классов дружно
К нему свой обратили взор.
— Благословите нас, отец,
Концерты в школе дать,
Учений дабы всех конец
Прекрасно увенчать.
— Бог в помощь вам, о, прихожане,
Благословение я дам.
Как хорошо, что вы во храме,
Так пусть по вере будет вам.

VII

Звонок последний в паре дней,
И пашут все усердно:
Ни часу пропустить не смей,
Сработать чтобы верно.
Уже уроков нету толком,
Не будет знаний боле.
Балбесы, что не сдали, только
С тетрадкой мчат по школе.

Но к танцам возвратимся,
Ведь вальс в самом разгаре.
— Во двор, ребята, мчимся!
Чтоб были все в ударе!

Музон играет, в парах дети,
И вот начало пляски.
Не так просты занятья эти —
На всех серьёза маски.
Девчонки как-то рефлексально
Вняли сию науку,
Мальчишки же — рационально,
Всё мысля через муку.
Партнёрши как-то так,
Прелёгко пляшут чудно —
Партнёры каждый шаг
Обдумывают нудно.

Но чтоб дела шли ровно,
Нелишне взвеселиться.
Глядь: на балконе дома
Хозяйка копошится.
И громко тут воскликнул Даник:
— На красный посмотри халат!
— Эгей, у вас шикарный банник! —
Поддакнул тут же Влад.
И вот уже десятки глаз,
Смеясь, уставились туда.
Хозяйка засмущалась враз.
— То ж комплимент! Куда?

Такого пристального взгляда
Халат ни разу не видал.
Хозяйка скрыться была рада,
Хоть класс её и восхвалял.
— Прикид! Вот мне б таким
разжиться!
— Явися в нём на выпускной!
— А вы сумели отличиться!
У нас терь будет зритель свой!

Уж шарм исчез со глаз долой —
Плясать бы дальше надо,
Но образ вдруг возник другой,
И снова ржут камрады.
— Эй, посмотрите на дом слева:
Халат там рыжий пролетел!
— Он вам идёт! Прекрасно, эва!
Я тоже бы такой надел!

Но человек в халате чу́дном
Лишь только глянул удивлённо.
Да, жить у школы будет трудно,
Коль ты детьми не закалённый!
Но, невзирая на потехи,
Поставлен вышел вальс на раз,
Почти исчезли уж огрехи.
— Однако вы́гоняли нас!
Не знаю, на кой вальс мне нужен:
На диско с него толку ноль…
— Зато с искусством станешь дружен,
В высоком танце — как король!

VIII

Прошли дни школьные невидно,
И завтра уж концерту быть.
Немного даже и обидно:
Все в ритм стали лишь входить!
Едва стемнело-свечерело,
Под руководством Влада
Отправился народ на дело:
Повесить «баннер» надо.
Вахтёр поставлен был в известность
О том, что думали творить,
И положился он на честность
(Хотя могли бы подкупить).

Хоть это делалось легально,
Народ ся вёл, как в фильме:
Хотели всё заснять нормально,
Смотреться чтобы стильно.
По коридору крались, словно
Сбирались сейф взломать,
Во двор вошли и встали ровно,
Фасад начавши изучать.

— Гляди, Витёк: недурно место —
Прицепим вот под то окно.
— Согласен. Но боюсь я, честно,
Не вышло кабы то смешно.
Прикинь: внизу стоит учитель,
А сверху будто бы ковёр.
Тут кто-то выкрикнет: «Смотрите!» —
И засмеётся целый двор.
— Да ты расслабься: вздор
полнейший!
Рулон с плакатом — ерунда.
Не заприметят, коль, конечно,
Сам не укажешь ты туда!
— Идём. — Постойте, вы, минутку!
На камеру сниму я трюк.
— Так догоняй нас! Ну-тка, ну-тка…
Да, будет нужно много рук.

И в школы здание вернулись,
Взобрались на второй этаж,
Чрез подоконники нагнулись,
Пустив в ход свой проделок стаж.

— Не изолентой ли прикрепим?
Предмет всему сей голова:
Любой механик будет happy,
Коль дать ему моток иль два!
— На безысходность было б круто,
Но проволку сейчас возьмём.
Пихай в рулон. Так… Ну-ка, ну-ка…
Эгей, держите там вдвоём!

Плакат на славу был повешен:
Лишь только распустить «хвосты»,
И тут нежданчик неизбежен,
Он развернётся с высоты.

Однако в тот же час во зданье
Явился и девятый класс.
Набор игральный взять заданье,
Се лучше провернуть сейчас.
Идут они по коридору,
Запасши дубликат ключей,
У кабинета были скоро,
А уж внутри ещё скорей.
Эрнест, Иона и Никита
Приня́лись лазать по шкафам,
А Даша, как охрана-свита,
На «шухер» подошла к дверям.

Уже наборчик был похищен,

Когда забили вдруг тревогу:
Послышались внизу шажищи
И голосов весёлых много.
— Да то одиннадцатый, люди!
Сейчас мы спалимся, беда!
— Спокойно! Ничего не будет,
Коль не зайдут они сюда.

Но выпускной люд почему-то
Желал явиться в свой удел:
Почуяли подвох как будто,
Иль скинуть кто-то что хотел.
И довелось в срочном порядке
Всё так, как было, возвернуть.
Бессмысленно играть уж в прятки,
Чтоб чрез мгновение продуть.

— О, одношкольники, привет!
Какою здесь судьбой?
— Концерт готовим, но — секрет!
А вы? — Готовим свой.
— Ну, хорошо. Не помешаем,
Лишь только забежим в свой класс.
— А… мы и так уж убегаем…
Уже, глядите, поздний час!

Итак, попытку проваливши,
Ушёл девятый по домам,
Однако, вовсе не унывши:
— В концерта день всё дастся нам!

IX

Уж в школе все с утра пораньше,
Стоит линейка там и тут.
Идёт директор. Что же дальше?
Толкнёт он речь, все это ждут.
— Так, господа, прошу вниманья!
Прошёл ещё учебный год,
И суть всего сего собранья —
Чтоб подвести итог. Так вот:
Вы потрудились на отлично,
И се достойно похвалы
Вручу я грамоты счас лично
Тем, кто работал, как волы.
Олимпиады и не только
Дались вам чудно, господа,
И награждений нынче столько,
Как не бывало уж года.

И началися поздравленья
Учеников, учителей.
— Сдаётся, всё. Я, с позволенья,
Свой прекращу поток речей.
Уж солнышко поддало жару —
Нам предстоит ещё немало:
Прочтут детишки стихов пару,
Ну а затем бывать и балу!

Вот первоклассников отряд

Стал поздравлять выпускников,
И улыбались все подряд
От их немалоценных слов.
Затем воздушные шары,
Блюдя обычай, отпустили,
И сразу взоры детворы
Они надолго прилепили.

Но раздали́ся вальса звуки,
И расступается народ.
Выпускники взялись за руки —
Теперь настал и их черёд!
Кружа́тся пары, как учили;
О. Л. насуплена стоит,
Все в изумлении застыли,
Она ж за промахом следит.
Ошибок было не так много,
Их не заметили почти,
И хоть глядела teacher строго,

Хотела вместе крест нести.

Но что уж там недоработки —
Попробуй-ка спляши вот так!
— Шедевр-танец! — Шаг их чёткий.
— А как танцорам йдёт пиджак!
— Гляди на платья! — Ах, движенья!..
Их можно и на сцену, право!
— Здесь сложность —
умопомраченье.
— Перфектно, дети! Браво, браво!

Уже последние моменты:
Шаг, «лодка», «змейка»… Всё, финал!
Со всех сторон — аплодисменты.
Непревзойдённый, супер бал!
Танцоры аж побагровели
От столь усердного труда.
— Народ! Ещё бы шоу хотели?
Мы ждём вас в актовом тогда!

Последний вскоре дан звонок,
И гимн, как надо, был пропет,
И мчатся все — не на урок,
Но созерцать большой концерт.
Пока захлопнуты кулисы,
Актёры носят всяк предмет,
Ну а тем временем актрисы
Себе наводят марафет.

Вот распахнулись занавески,
И уж ведущие стоят.
Как из-под кисти выйдут фрески,
Так юмор мчит из уст ребят.

— Ну, математику прославим!
— Кто в ней силён, а, господа?
Со сцены смело так заявим:
Лентяй — котангенс пи на два!

— Вы информатику учи́те!
— Друг, обучи меня компу.
— Вот это — мышь… — Где?!
Покажите!
— Да вот она. — Ух, зашибу!

— Бабло получить я хочу на ТВ,
А экономика — ужас и страх.
— Ты и подвоха не у́зришь нигде,
Срубив миллион в белорусских рублях!

— Своей истории не знают —
Её те будут повторять.
— А кто её чресчур копают,
Рехнутся могут как пить дать!

Но пересказывать всё действо,
Пожалуй, будет слишком круто.
Тем более, и запись есть-то —
Посмотрит, кто найдёт минуту.
Как завершилось выступленье,
Никто не думал уходить.
— Концерт — ну просто загляденье!
Ещё хотим! — Ещё чё-нить!
— Ну, уж, увы, конец, камрады.
Ведь надо нам же отдохнуть!
Но лучше всяческой награды,
Что вы признали: действо — круть!

И все по классам разбрелися;
Девятый вшёл к выпускникам:
— Народ! В вс. сюда явися:
Сюрприз мы подготовим вам!

X

Опять настало воскресенье,
И вновь храм Божий ждёт.
Каким б ни было устремленье,
Без Бога не произойдёт.
Свершится нынче вправду много:

Медали, аттестат дадут;
Концерт, гулянка выпускного…
В поддержку — вера тут как тут.

Иона молится усердно,
Чтоб труд их даром не пропал.
Чтоб выпускной без инцидентов,
Борис ко Господу воззвал.
Пришёл и Алексей в храм тоже —
Про что-то молится своё.
Неважно, что и чем тревожит,
Но слава Господу за всё!

А во второй уж половине дня
Выпускники в школу явились.
Работ в сей год — как у коня,
Но лишь для них теперь трудились.
Войдя в зал, дети, по привычке,
Уселись где-то позади.
— Нет-нет: вам лучшие местечки —
Эй, выпускник, вперёд иди!

Директор вот стоит на сцене,
Учитель первый и классрук,
И стали вспоминать пред всеми,
Чем класс понравился им. Вдруг
В. В. едва не рассмеялась:
— Когда классруком стала я,
Мне заявление попалось,
Что помню, как сейчас, друзья.
Лишь пятый класс, а что читаю!
«Прошу Вас обратить вниманье
На госпожу, что отвлекает
Меня от знаний добыванья
Своим напрасным монологом» —
Понятно сразу: люд серьёзный;
Я аж поражена немного.
И выросли из них всех звёзды!

— Да, класс во правду сей отменный –
Как первый teacher знаю это.
По жизни шли чтоб безпроблемно,
Я дам вам несколько советов:
Читайте книги, как и раньше —
В них мудрость собрана веков,
Дружите меж собою дальше,
Ведь старый друг ценён — нет слов.
Родителей любите больше всех на
свете —
Для них ведь вы превыше всех.
Напутствия просты, банальны, дети,
Им следуйте — придёт успех.

Теперь директор взял уж слово:
— Пора раздать всем аттестаты
(Увы, с отличьем не готовы,
Но дать медали будем рады).

Пока всё это совершалось,
Девятый подскочил вдруг с места:
— Набор не взяли! Вот так жалость!
— Бери уже: вся школа здесь-то —
Свершим «аренду» без проблем! —
Но тут Е. С. к ним подошла:
— Не надо мчать, спокойно всем:
Ваш реквизит возьму сама.

Вот так нежданно разрешили
Две weeks висевшую проблему.
Когда врученье завершили,
Взошёл девятый класс на сцену.
Неважно, кто кого играли,
Что были за слова в куплетах,
Но превосходно подобрали
И роли, и оплот сюжета.
— Коль в классе провести раскопки,
Лас-Вегас курит в стороне!
Глядите: в этой вот коробке
Быт виден явно, как в окне!

Едва узрели свой набор-то,
Выпускники открыли рот:
Возник вдруг, как из телепорта,
И уж пред ними — вот так вот!

— Наверно, посреди урока
Из вас уж каждый был «убит»:
Учителя́ смотрели строго,

Как класс за «Мафией» сидит!
— Летели часто обвиненья:
«Я комиссар, а это дон!».
Но к игрокам терь, с позволенья:
Расскажем, кто и в чём силён!

Узрев себя со стороны,
Смеются все и каждый:
Гиперболы весьма сильны,
И юмор очень важный.
Премного любопытных взглядов —
Их приковал к себе экран:
Там фотографии камрадов,
Чумные, просто как уран!
Что примечательно, часть фоток
Выпускники сами создали:
Кромь фотошопных наработок,
Всё просто с соцсети скачали.
Да уж, доверься Интернету —
И о тебе узнают все:
Защиты-то надёжной нету —
«Всплывёт», не угадаешь где.

Уж никого не обделили,
И все довольны, как слоны.
— Концерт вы классно замутили!
Спасибо вам всем, друганы!
— Красава! Угадал я тут же,
Что ты изобразишь меня.
— Ну, знаешь, ты сыграл бы лучше.
— Э, вздор! Да как ж играть себя?

XI

Концерт пречудно завершился,
Но следом сразу выпускной.
Учитель всяк туда явился,
Выпускники и люд родной.
Довольно долго обсуждали,
Где выпускной сооружать.
Ни центр, пригородны дали
Не satisfied всех гостьев-знать.
В конце концов, пришло решенье:
Поближе к школе — лучший ход
(Хотя тут было исключенье,
Ведь чебуречная — пролёт).

Сперва пофоткались немножко
(Не зря фотограф ведь оплачен!),
Но призывают детей к ложке:
Народ уж голодом охвачен.
Как будто креатива мало,
Нанять решили тамаду —
Своим та действом всех достала,
Не дав сперва принять еду.
Но коль уж отвалили «бабки»,
Придётся недочёт стерпеть.
Вот предречения из шапки
Всех заставляют посмотреть.
Но вот закончилась программа,
И тамада ушла домой,
А люд, что не вкусил ни грамма,
Стал просто жрать, как волк лесной.

Считают некие людишки:
Без выпивки гулянья ноль,
Но, коль подумать, это слишком,
Когда вино и есть вся соль.
Недурно было б достиженье —
Пройти сей день без алкоголя.
Такое твёрдое решенье
Приняла Саша, принял Боря.

Отличницы творят понты:
В шампанское медаль суют.
— Эгей, Боряныч, с нами ты?
— Не пью, да и медаль не тут.
С десяток лет, как конь, трудился
За позолоченный металл.
Я на гуляние явился —
Зачем медаль тащить бы стал?

Меж тем начало дискотеки —
Ди-джей включил хороший трек,
И, попротёрши сонны веки,
Уж пляшет каждый человек.
Ты можешь и не быть танцором —
Плясать на диско вправе вольно:
Что мастер посчитал бы вздором,
Здесь это кажется достойно.
Но чудное наиболе дело —
Танцуют как учителя.

Сего лишь ради можно смело
Прийти на выпускной друзья!
Уж в неформальной обстановке
Учителя — прекрасный люд
(И в школе тоже, но — уловка:
Коль ты лентяй, тебе капут).

Полночи уж идёт гулянье:
Танцполе, пир, природа, зал —
То фееричное сказанье,
Какое мало кто слыхал.
Конечно, было и такое,
Что недостойно быть воспето,
Но, в целом, вечеринка стоит
Затрат. Вот то начало лета!
Пора прощаться — уж рассвет —
И путь искать к своим домам.
Забыть сей день уж шансов нет,
И память не стереть годам!

XII

В гулянки ночь выпускников
Девятиклассники не спали:
Велик экзамен — нет аж слов,
Так материал все повторяли.
Хотя уже настало лето,
Зубренья столько же, как в школе.
«Моя, похоже, песня спета!» —
Сей афоризм припишем Толе.
Уж ДПА под носом. «Скверно!» —
Так мыслят все и каждый.
Кто не волнуется, тот, верно,
Иль сверхфлегматик, иль отважный.

Настал экзамена денёк,
И в школе все с утра пораньше.
— Удачу кто-то бы привлёк,
Комиссию — сослал подальше!
— Ну, teachers, вроде бы, хотели
С последним пунктом подсобить,
Но подстраховка, в самом деле,
Нелишня. Что же замутить?
— Имею — но всем тихо — план:
Коль все со мной без исключенья,

Экзаменатор схватит бан —
Для нас не станет устрашенья.
— Давай, Эрнест, толкай идею,
А вы все слушайте, народ.
— Такое предложить я смею:
Давайте… — Стоп, классрук идёт!..

Ребята всё ж договорились,
Но вот их загоняют в класс.
— Ох, сколько teacher’ов явились!

И все так пялятся на нас!
— На ДПА вас всех встречаем!
Для вас — ответственный момент…
— Да-да, конечно, знаем-знаем;
Торжественных не вижу лент!
— …Сейчас объявят из экрана,
Какие вам писать варианты.
— Чего там медлят? Разве рано?
— Коль первый иль второй —
charmante!
— Теперь мы раздадим вам ручки,
Писали все чтоб сходно.
— Что за бессмысленные штучки?
Своей писать удобно!

Однако, взяли лишь коробку,
Где это сберегалось,
Глядеть вовнутрь стали робко:
Куда же всё девалось?!
Ну а разгадка тут простая:
Коробка здесь уж долго,
И ручку взять, не покупая,
Считал любой священным долгом.
— Добро, пишите, чем угодно
(Не пальцем, не карандашом).
От комиссара вы свободны,
Но может он прийти потом.
— И про подглядывать забудьте:
Списать не выйдет никому.
— Ага, конечно, слово вот-те!
— Кто там бубнит, я не пойму?!

— Да это, очевидно, Толик:
Ему смешны те заявленья;
Обшарьте хоть его, хоть столик,
А не найдёте обвиненья!
(Он мастер: материал припрятан
И в башмаках, и в туалете,
И под окном, рекут ребята,
В горшке с цветком и прям в паркете!)

Но время тикает неспешно,
И варят головы ребят
Про то, как написать успешно,
Про корень, статистичный ряд.
Ну а директор между тем
Пошёл на вход «ловить» гостей:
Экзаменатор страшен всем,
Так перехватим поскорей!
Учитель заинтересован,
Чтоб ДПА нормально сдали,
А лишний страх пусть будет сломан
—
Порядок уж поддержат сами.

— Эй, Толик, ты чего разулся?
Списать, неужто, восхотел?!
— Да камень вредный подвернулся;
Мне до шпаргалок нету дел!
— Эрнест, почто глядишь в окно?
Сорока, думаешь, поможет?
— Ага, вот если б! Как смешно.
Се на раздумья не похоже?
— Никита, не скачи на стуле!
Ты не на велике, понятно?
— Однако вы и сказанули!
Но ноги затекли изрядно.
— Эй, Даша, подсказать не думай —
Балбеса лучше подлови!
— Совет мой куплен крупной суммой
—
Есть сделка сделкой. Се ля ви!

Вот распахнулись школы двери —
Из районо заходит чел.
Его встречает сразу дерик,
Чтоб тот пугать детей не смел.
— Здесь пишут ДПА? — Возможно,
Но раз вы тут, вас приглашаю
Пройтись экскурсией немножко,
Затем и выпить с нами чаю…
— Нет-нет, смотреть изволю лишь,
Как пишут школьники экзамен.
— На ДПА такая тишь,
Что шум шагов там будет странен.
Коль не хотите нам обиды,
Пройдите всё-таки за стол,
Да созерцайте школы виды:

Мой труд бесследно не прошёл.

И, спасовав пред обаяньем,
Уж гость в специальном кабинете —
Занялся чревонабиваньем:
Халявы мало ведь на свете.
Меж тем решенье йдёт усердно,
И лист под ручкою шуршит,
А Толик мнёт рукав — наверно,
Там калькулятор был зашит.
Exam достиг уж апогея,
Как тут директор входит снова.
Все смотрят на него, робея:
— Идёт комиссия. Готовы?
— Как пионер — готов всегда!
Ребята, не забыли план?
— Не надо, может? — Да айда!
Кто слов не скажет — не пацан!

Шагов уж шорох слышен близко,
Вот гость, вестимо, у двери.
Ребята все пригнулись низко,
Чтоб, как пружина, встать смогли.
Экзаменатор вошёл в двери,
Но разом потерял дар речи,
Как на него все посмотрели…
— Ты кто такой?! Давай, до встречи!

Висело семь секунд затишье,
И бегали десятки глаз.
— Ой, извините, я здесь лишний?
Простите, видно, спутал класс… —
И отступил он за порог.
Иона встал, дверь затворил:
— Так каждый ошибиться мог…
Продолжим не жалеть чернил!

Exam спокойно дописали,
Перенесли ответы в blank'и,
Но время вышло — труд свой сдали
И в классе стали ждать оценки.
— Ну, что? Кто знал всё без ошибки?
А кто беспалевно списал?
— С вариантом зафортило шибко —
Недурный ожидаю балл.
— Мой план сработал безотказно:
Списал вариант свой на ура.
— А мой успех в заданьях разный.
— А формул там была гора!

Болтали час иль два примерно,
Но вот проверены работы.
Труд teacher'ов тут был размерный —
Они пахали, словно боты.
— Ну, что ж, ребята, молодцы:
Дурных оценок почти нет.
Гордятся вами пусть отцы,
Ведь то — победа из побед!
Однако, кажется, средь вас
Отличник новый появился.
Весь год ленился, а тут — раз!
Во всей красе своей раскрылся.
— Так кто же этот мега-гений?
Сломать кто смог стереотип?
Кто от бездельных устремлений
Сумел отречься, когда влип?

— Боюсь, хватая часто двойки,
Он не обдался знаний светом.
На ДПА он хитрый, бойкий,
Да только толку? Толик это!
Двенадцать баллов! — Вот умора!
— Но я не списывал, народ!
— Не слышал в жизни круче вздора!
— Со шпорой, думал, трюк пройдёт?

— Ты и следы не заметал,
Списав, в воде не скрыл концы,
Так получи свой честный балл!
А остальные — молодцы!

XIII

На той же самой на неделе
Выпускникам — последний бой:
Два ЗНО уж пролетели,
Но вот и третье пред тобой.
Предметов много было в списке:
Физ-био-химо-всё-подряд,
Но большинство взяло английский:
Работы все его хотят.

Писать идти в другую школу —
Полкласса сослано далече,
И тот заране, кто не олух,
Решил разведать место встречи.
Но одного решенья мало:
Хоть весь район тот обойди,
Яснее место бы не стало —
И бункер проще-то найти!

В exam'ный день все встали рано.
Пришлось Борису взять такси,
И всё сначала шло по плану…
Сначала: «пробке» тут «мерси».
Запас по времени разумный —
Стоят авто, как истуканы:
Запарковался кто-то дурно,
Иль за рулями есть бараны?
Как бы то ни было, «тянучка»,
А опоздать нельзя. Тик-так!
До школы не подашь тут ручкой,
Но и не едется никак.

Не зря учили физкультуре —
Машину бросил — и бегом!
А не поспеешь — бывать буре,
Плевать, владеешь ль языком!
Минуты пролетают быстро —
А ну, попробуй их догнать!
Сейчас бы с закисью канистру
Да вертолёт сюда подать.
Да, не успеть никак почти,
Но не пропал ведь целый год!
Быть может, дверь с ноги снести?
Или со справкой ход пройдёт?

А, впрочем, «пробка» позади —
Не шевелилась ни минуты.
— Попутка, эй, сюда иди!
Не объезжайте! Фу ты, ну ты! —
Остановился бусик всё же,
И из него глядит братва:
— Чувак, хотел чего, похоже? —
И враз — волшебные слова:
Почти профукал ЗНО!
— Ого! Что ж медлил, как осёл?
— Я рано вышел на него,
Но приключился форс-мажор!
— Тогда немедленно подбросим.
Залазь давай. Водила, газ!
Мы благодарности не просим,
Ведь ЗНО трясло и нас.

Коль на компе играли в гонки,
Поймёте, что же дальше было:
Мотора гул раздался громкий,
И скорость набирает силу.
И по обочине, по встречке
Так мчится бус, аки дракон.
Раз опоздать — что прыгнуть в печку,
Придётся нарушать закон.
Да, перегрузки, ускоренья,
Что космонавтам дают фору!
И вот, в последнее мгновенье,
Борис таки заходит в школу.
— Где документы? — Take them all
And let me be where I be should.
— Экий английский балабол!
Такие чудно посдают!

В аудитории расселись,
И всем инструкции читают.
— Сто раз уж слышал эту прелесть;
Пакет пускай уж открывают.
— Пакет откроет с парты третьей…
— Hey, he is absent, what to do?
— С четвёртой? — Тоже нет,
заметьте.
— Так с пятой! — Yes, уже иду!

Пакет осмотрен — нет подвоха,
И розданы тетради, бланки.
— Как пропечатано? — Неплохо.
— Let's work, not waste time like a
monkey!
— Чего в задании хотите?
А, present simple! Это в кайф.
Как говорила наш учитель:
Его учить хоть целый life!

Не всё, однако, просто далось,
И кто-то даже скорчил рожи.
Алёшу аж взяла усталость
(И он писал английский тоже).
Картёжный опыт-многолетка,
Возможно, и поднял удачу.
Не знаешь — просто тыкай в клетку,
И шанс решить есть тест-задачу.
А вот списать здесь невозможно
(Хотя есть всё же мастера):
Не привлекать вниманье сложно,
Так что не стоит свеч игра.
А кто сумел — хвала ему,
Но что тем делать в универе?
Таких ВУЗ, судя по всему,
Прескоро выставить за двери!

Вот в тишине и беспокойстве
Экзамен подходил к концу.
Кому являлась леность свойством,
Тех было видно по лицу.
Вот труд весь собран, в пакет сложен —
Отправится, видать, в столицу.
Министр, коль писал бы тоже,
Не получил бы единицу?..

XIV

Вот и конец событий многих —
Две трети лета впереди,
И отдых от учений строгих
Теперь неплохо бы найти.
Компьютер? Это не решенье,
По крайней мере, little part:
Зачем же продолжать сиденье,
Когда лишь встали из-за парт?
Читать? Уже получше тема,
Ведь книга многое хранит.
Кто книги чтит, тот правит теми,
Кто перед телеком сидит.
А, кстати, в лете выпускничьем,
Пожалуй, дивен тот прикол:
Искать лит-ру придётся лично,
Ведь список не дают на стол.
Ещё писательство, заметьте,
На выходных — хороший шаг:
Вы б не читали строки эти,
Коль это было бы не так.
А спорт, походы и гулянье —
Какое лето же без них?
Каникул в том-то и призванье,
Чтоб физактив зазря не стих.

Однако между всем вот этим
Нельзя и веру ослаблять:
Чтоб день прошёл в счастливом свете,
Молитвой надо начинать.
Не знаешь, чем себя занять,
Иль слишком тяжко твоё бремя?
Стяжай во храме благодать,
И не потратишь даром время.

Сегодня в церкви все, кто можно,
За всё ведь благодарны Богу:
И год прошёл учебный сложный,
И доброго случилось много.

Звучат хвальные песнопенья,
И Бог в души стучится дверцу.
За что воздать благодаренье,
Пускай тебе подскажет сердце.

Алёша грустен саму малость,
Но и не ропщет ни чуть-чуть;
То испытание досталось:
Еды нет в доме (why — не суть).
Когда простое не тревожит,
Излишеств много хочет тело,
И образумиться лишь может,
Когда идут преграды в дело.
Увы, лишь повстречав тревогу,
Когда подкралася беда,
Народ идёт скорее к Богу,
А надо ведь с Ним быть всегда.
Но, может быть, узревши милость,
Вернее станет человек:
Во скорби вера утвердилась
И сохранилася навек.

Так Алексей, познавши горе,
Лишь верит Богу: «Всё управь,
И как Твоей кориться воле,
Меня, о Господи, наставь».
А служба длинная сегодня,
Но тем и лучше: ты стоишь —
В душе лишь благодать Господня,
Покой лишь, сладостная тишь.

Пришло к концу богослуженье,
И тут священник изрекает:
«Для прихожан есть объявленье:
Сегодня праздник, каждый знает,
И храма день. Так мы желаем
Поздравить всех по мере сил.
Во славу Божью угощаем
Любого, кто б ни попросил».

Собралась очередь большая,
Но нет толкучки, как в столовой.
От счастья Алексей, рыдая,
Благодаренья молвит слово.
Вперёд не лезет, уступает,
Но вот в конце его черёд.
— Избыток есть. Не помешает?
— Спасибо, если можно… — Вот.

Так не осталась без награды
Та вера, что смести нельзя.
— Ну, слава Богу. Лету рады?
Тогда идём гулять, друзья!

Эпилог

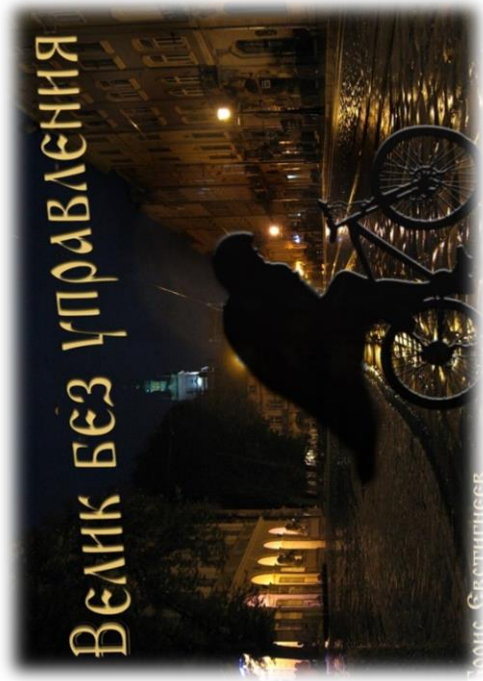
Этап огромный в жизни сзади,
И школа с детством позади.
Уж можно снесть в костёр тетради…
Но лучше их потом найти!
Недолгой будет передышка:
Грядёт ведь скоро институт,
Но до тех пор свобод — с излишком,
Так силы на год пусть придут.
Уж скоро бегать подаваться,
Следить за рейтингом онлайн,
И за «бюджетку» волноваться,
Надеясь, что всё будет fine.

Июль уж; сервер перегружен,
Где подаются документы
(Админам будто и не нужен —
Потерпят абитуриенты).
Но огласили вот итоги —
Душа студентов очень рада:
Пройти на «top» не вышло многим,
Зато солдатом быть не надо.
Что будет дальше — молвить сложно,
Но мненья сходятся на том:
Расширить круг камрадов можно,
Друг друга не забыв притом,
Направить в море знаний парус.
Не захлебнуться б жизнью новой!
Знай: не содержит «Gaudeamus»
Про неученье, пьянки слово!

Но то уже другой рассказ;
Потом его подам вам, братцы.
А что ж творил девятый класс,
Десятым став именоваться?
Вздохнули дети с облегченьем:
Минул экзамен, словно сон —
Вкусили лето с наслажденьем,
Науку сбросив в дальний фон.
Не всем учиться вместе снова —
Уходят кто, тем в добрый путь…
Но можно students'ов ждать новых —
Кто в класс придёт, всяк другом будь!
Лишь год грядёт учёбы мерной,
А дальше — бремя выпускничье:
Пройдя дорогой знаний верной,
Пронесть свой клад везде с отличьем.

На сем и завершим поэму
(А может, и в стихах роман —
Смотря, какую выбрать схему:
Здесь не один сюжет был дан).
Первей всего, я благодарен,
Что вы дошли до этих строк:
Иной сейчас такой прям барин,
Что в чтении не видит прок.
Что б ни искали в сих страницах,
Надеюсь, вы смогли найти.
Возник, быть может, смех на лицах
Во время книжного пути.
А коль вы сами — персонажи
(Иль други ваши) в сих куплетах,
Пускай же каждый из вас скажет:
Аль удалась затея эта?
Ведь кто героями случились,
Тем благодарен я вдвойне:
Чрез вас всех строки те родились
И под перо попали мне!
Ну, а сторонний пусть читатель
Лишь укрепится в мысли той:
Прекрасна жизнь, и школа, кстати,
Всегда в ней словно дом родной!

Велик без управления *(Евстигнеев Борис)*



— Народ, вы только представьте: такое только что увидел, что просто ужас! Чуть с байка не упал.

Столь эмоциональное сообщение, к которому ещё и была прикреплена ссылка на новостной сайт, наверняка обещало нечто примечательное. Несколько любопытных одноклассников, участвовавших в общении и просиживавшие воскресный вечер на просторах социальной сети, мгновенно отреагировали и полезли читать, чего же такого узрел их товарищ.

Новость и вправду была занимательная, даже слегка пугающая (слегка потому, что одиннадцатиклассники вообще ничего не боятся, кроме экзаменов). Сообщалось, что на просторах города несколько жителей заприметило велосипедиста, ехавшего не держась за руль. Такие экстремалы и ловкачи встречались часто, любой уважающий себя велогонщик хоть раз пытался ездить без рук, так что вряд ли новостники хотели доложить лишь об этом. И вправду, дальше шло дополнение, превращавшее безобидную картину в нечто экстраординарное.

Дело в том, что упомянутый велосипедист не просто ехал — мчался по дороге, да ещё и по встречке, со скоростью автомобиля, абсолютно презирая всю её «гладкость» и неумолкающие сигналы возмущённых водителей. Но пугало всех не столько безбашенное поведение велонаездника, сколько его внешний вид: низенького, как гном, роста, в кожаном развивающемся на ветру плаще с накинутым капюшоном, он, ещё и засвеченный клонящимся к закату солнцем, выглядел далеко не безобидно. Ещё сильнее выделял его слышавшийся, очевидно, из наполовину засунутого в карман мобильника с динамиками боевой марш (не идентифицированный перепуганными очевидцами, но явно смахивавший на взятый из какого-то фильма или игры), который перебивал гул моторов автомобилей.

Дальше писалось ещё что-то, но никто не стал утруждать себя прочтением, лишь промотав вниз и поглядев на фотографию, прилагавшуюся к новости.

— И что, ты испугался какого-то умалишённого байкера? Ну, Борис, даёшь!

— Ерунда! Скоро на ментов нарвётся, и ему конец, — посыпались комментарии от уже ознакомившихся с сутью дела.

— Ерунда?! На фотке-то оно бестолково, а вот вы бы столкнулись с ним вживую, да ещё в сумерках! Он нёсся прямо на меня, будто хотел сбить велосипедиста-конкурента!

— Да мало ли всяких идиотов. Оно, конечно, опасно теперь ездить по городу, пока этого типа́ не устранили (или он сам не разбился), но не более.

— Думаю, кто-то специально выделаться решил и в новости попасть. Ну, учудил чудачок, бывает. Не переживай так, Боряныч!

— Эх, узрели бы всё сами, тогда бы по-другому реагировали! Ладно... Что на завтра по английскому?

Онлайн-беседа одноклассников свелась в обыкновенное своё русло и разными темпами продолжалась до самой полуночи. Ученикам, собиравшимся завтра в школу, наверняка полезнее было бы уже час как спать, но биоритм старшаков всегда серьёзно отличается от общепринятого. Готовятся к бессонной студенческой жизни, видать…

Болтовня уже стихала, когда вдруг в угасавший огонь ночного чата было подлито масло. Писал Денис, которого все знали как спортсмена и нелюбителя просиживать ночь в сети с мобилки, так что должен был быть серьёзный повод, чтобы этот парень изменил своим здоровым привычкам.

— Слушайте, реально что-то не то творится! Улёгся я, значит, спать, задремал, и тут слышу: «Там-там-там-да-да-дам!», постепенно угромчающееся. Подскочил из любопытства к окну, и что вижу! Несётся по моей улице ночной велогуляка, крутит педали вовсю, то и дело оглядываясь, а за ним… За ним этот очумелый велосипедист! Как и был описан: за руль не держится, музон прилагается, да ещё и без фонарей!

— Э-э… Тебе не наснилось, часом? Я ничего не слышал, хотя ещё не спал.

— Да ты ж вдали от меня живёшь. А этот велосипедист и впрямь, похоже, на своих «коллег» охотится! Хорошо, что я свой байк профукал, хоть не обидно не кататься…

— Профукал?

— А, не спрашивайте. Ездил на днях за город с Юркой (вы его, наверное, не знаете), да и педаль отвалилась. Тащился назад так, без велика.

— Пипл, оно, конечно, всё занимательно, но не пора ли нам спать? Первый урок, линейка, как-никак. За учёбой поболтаем.

— Ага. Эдак до рассвета протрещать можно. Всем спокойной ночи, адью!

I. Учебный денёк

Школьное утро, вернее, школьная неделя началась совершенно обыкновенно: орды детей с ребячьими визгами влетели в учебное заведение, на мгновение сделав его развлекательным, и утихли лишь с первым звонком, призывавшим всех к построению. На линейке ничего особого не было: как всегда пели гимн, а затем завуч что-то вещал про приближающиеся каникулы.

Два дня плюс выходные — «каникулы», а как же! Возвращаясь в свои классы, большинство перекидывалось пустяковыми фразочками, кто-то шёл молча, и только Борис с Денисом обсуждали вчерашнее происшествие, продолжив разговор и на первом уроке, за что чуть не получили замечание.

Нынешние уроки тоже ничем не выделялись, ну, кроме разве что литературы. Да, некоторые произведения народ читает в сокращении или изволит вообще не читать, но иногда случаются такие авторы, против ознакомления с творчеством которых никто не может устоять. Увы, в последнем классе таких меньшинство, наверное, из-за того, что всеми любимые приключенческие рассказы самым наглым образом в один год заменяются философскими или, ещё хуже, психологическими романами. А может, в них недостаёт юмора. Впрочем, с сегодняшней темой ознакомились все, и было это «Собачье сердце».

Вероятно, анализ повести так бы и закончился чередой письменных вопросов типа «угадай-ка», если бы учитель не предложил проанализировать образ Шарикова. И, вероятно, и этот бы вопрос не вызвал сильного интереса, если бы не ученик, находивший возможность всегда пошутить. Подняв руку и сделав вид, что собирается с мыслями, он вдруг присел на корточки, забавно дёрнул головой и, перепрыгивая с ноги на ногу и двигая руками, словно играет на невидимой балалайке, стал петь, точно Шариков в экранизации повести. Учитель и одноклассники сперва замерли на мгновение, ничего не понимая, а потом разом залились смехом. Это действо надо было видеть! Может, шутник ответил немного не так, как ожидала учительница, но зато образ персонажа раскрыл ярко. Даже от «кола» за поведение ему удалось отделаться: больно уж весело было и в точку.

К сожалению, столь занятный урок быстро закончился, но приход большой перемены компенсировал это с лихвой. Вообще, если чуток образованного и в меру весёлого школьника спросить, какая его любимая песня, то с высокой вероятностью можно услышать, что это «Перемен, мы ждём перемен». Но это так, к слову.

Со звонком, обещавшим двадцатиминутный перерыв, во всей школе началось «броуновское движение», «великое переселение народов» — это, как нетрудно догадаться, все участники учебного процесса направились кто куда: в столовку, в другие кабинеты, к товарищам из других классов, или же просто пошли разминать ноги.

Проблемы, занимавшие двоих велосипедистов вчера ночью и сегодня с утра, в этой суматохе позабылись, но неожиданно вновь полезли в голову из-за довольно удручающей временами вещи — ряда ассоциаций. Дело в том, что Боряныч с Деней встретили ещё одного байкера, даже не просто байкера, а велотрюкача из младшего на два года класса. Тут-то и нахлынули воспоминания о пережитых вчера встречах с чокнутым велогонщиком, которыми ребята посчитали нужным поделиться с «коллегой».

— Здоров, Никит! Как делишки?

— Здо́рово, как всегда. На днях новый трюк освоил, поеду после школы его на видео записывать. Можете в группу поддержки записаться, хе!

— Это недурно. Только, слушай, не читал последних новостей?

— Последних? Лучше скажи «свежих» «Последние новости» как-то пессимистично звучит, нда. Так что же там говорится, в двух словах?

— Ну, нынче может быть опасно разъезжать по городу, ибо появился какой-то идиот, гоняющий без рук на полной скорости и норовящий снести всех и каждого, особенно других байкеров.

— А, так это я тот идиот.

— Что?! — Борис с Денисом аж подпрыгнули.

— Ха-ха, шутка! Первое апреля на носу, а вы заранее повелись! Видел где-то ссылку на похожую новость, только не вникал в суть. Но если появился такой болван, надо его проучить. Наверняка он просто понтуется, так пусть же врежется разок куда-нибудь, да и образумится!

— Наверняка хочешь предложить его отыскать и назвиздюлять ему, правда?

— Естественно. Никто не должен мешать народу спокойно катать, да ещё и светиться в городских новостях только из-за своей безбашенности. Я даже съёмку своих трюков готов отложить ради такого! Гоу после обеда втроём соберёмся? Если и не пересечёмся с тем понтовщиком, то погоняем вволю.

— Увы, без меня: велик сломал.

— Ох, Деня, как так? Ладно, тогда придётся вдвоём. Лады?

— Лады! Свяжемся.

Ученический разговор мог бы, пожалуй, продолжиться, если бы не оглушивший школу столь иногда приятный, а иногда мерзостный звук — звонок. «Блин! Так и не успели в столовку. Ладно, на алгебру опаздывать нельзя, а то придёшь через пять минут — и вся доска в интегралах, формулах и прочем, а ты только сиди да пытайся догнать, что к чему».

Вам никогда не доводилось испытывать математический азарт? Бывает так, дают задачу длинную, и ты как возьмёшься за её решение — ни за что не оторвёшься, пока ответ не найдёшь. И хорошо, если это на уроке, потому как если охватиться матазартом во время приготовления домашки, можно и вовсе не успеть сделать остальные предметы. Зато какое удовольствие, когда всё-таки находишь правильный ответ! Но, к сожалению, не всем дано понять глубинное наслаждение математикой, особенно если лень превосходит любые благочестивые устремления, а пропуски занятий, влекомые ею, не дают получить необходимых знаний. И не дай Бог такому прогульщику оказаться рядом с человеком, охваченным матазартом!

— Чё за комбинация? Только что размещение было, а уже комбинация!

— Ну так мы находим шанс подбора кода к механическому замку, значит, порядок не играет роли, а значит, берётся комбинация.

— Что это вообще такое?

— Надо было на прошлом уроке быть. Щас тебе формулу напишу, и решай.

— И всё-таки, почему порядок не играет роли?

— Ох… Код из трёх цифр, и они нажимаются сразу. Значит, порядок нас не интересует.

— А почему комбинация?

— Ну потому, что только комбинация плюёт на порядок!

— Так а почему на него надо плевать?

Тут Борис, уже думавший над пятой задачей, пока его сосед по парте пытался уразуметь вторую, не выдержал:

— Ну как почему?!! Мы нажимаем три кнопки одновременно! О-дно-вре-мен-но!!! Не по порядку!

— Но почему не взять размещение? Понапридумали кучу всяких формул, чтоб народ путать!

— Да размещение учитывает порядок! А нам это не нужно! Что не ясно-то?!

— Но нам же нужен порядок! Как без него-то?

Удручённый невразумливостью своего одноклассника, Боряныч вздёрнул руки вверх, словно призывал всех, кого можно, просветить этого господина, а затем, насилу сдерживаясь, попытался объяснить ещё раз:

— Код… нажимается одновременно! 3-2-1 и 1-2-3 — одно и то же! Три цифры сразу, не по очереди! Понял?

— Но…

Тут Борис уже выбился из сил доносить до товарища то, что тот не сумел принять от учителя, и просто махнул рукой да закрыл ею лицо. Класс, уже прервавший решение задач и с любопытством наблюдавший за исходом математической перепалки, вздохнул разочарованно, собрался продолжить работу, но тут и урок закончился.

Предметы во второй половине дня, требующие думать, обычно отличаются скучностью, и этот раз не стал исключением. Все только и ждали поскорее финала учёбы, а только он настал, с радостью разбежались по домам.

II. Наперегонки с трамваем

Иные, вдоволь насидевшись за партами, продолжают посиделки и дома, перед компьютером, мотивируя это тем, что после умственной нагрузки нужно интеллектуальное расслабление. Однако такие люди вовсе не учитывают физическую составляющую: лучший умственный отдых происходит при спортивной нагрузке, а не при безделии. И спасением в этой ситуации является велосипед — штука неприхотливая, универсальная и полезная во всех отношениях, единственным препятствием для использования которой может стать лишь погода (а для чего только она не препятствие?). Короче говоря, пока остальные ученики решили заняться, чем заблагорассудится, ребята, сговорившиеся покатать, не теряя тёплого и солнечного времени суток, вырулили на велопрогулку.

Никита позвал с собой ещё одного товарища-одноклассника, Эрнеста, заметив, что «катать на байках — это как пить: в одиночку совсем дурно,

вдвоём — как-то неправильно, а вот втроём — в самый раз». Прекрасная погода так и призывала объездить весь город, так что изначальное намерение ребят — найти чокнутого, про которого писали в новостях, — отошло на задний план. Было решено не заморачиваться по этому поводу, а просто накататься вволю, а если уж встретиться искомый субъект, то действовать по обстоятельствам. Думая, куда же направиться, велосипедисты вдруг услышали характерный скрип, а обернувшись, увидели и его источник — проходивший поворот трамвай. У Бориса сразу и родилась идея:

— Глядите, к конечной едет. А что, ежели погнать наперегонки с этой железной повозкой? Пусть узрят пассажиры и водила, что их общественный транспорт против великов и здорового образа жизни — кусок металлолома!

— Ха-ха, ну, ты сказанул! А давайте! Разомнёмся не спеша, пока трамвай на остановке будет маяться, а потом помчим прям от конечной до конечной! Вперёд!

Сказано — сделано. Покуда электротранспорт тащился, да его водитель устраивал перекур в конце пути, байкеры успели даже заскочить в ближайший киоск и запастись кто колой, кто квасом, а кто водой — неотъёмными атрибутами велогонщика. Ещё и на остановке пришлось покуковать: трамвай очень лениво набирал пассажиров. Но, наконец, раздался звонок, предупреждавший о закрытии дверей и чем-то смахивавший на школьный, велосипедисты поставили ноги на педали и приготовились к началу заезда.

На старте общественный транспорт сразу остался позади, но уже через десяток секунд стал набирать скорость, настигая гонщиков.

— Сильно не утруждаемся: ещё немало километров гнать. Всё равно будем иметь фору на остановках.

И впрямь, только трамвай набрал полный ход и опередил ребят, как тут же стал сбрасывать скорость, и велосипедисты снова оказались впереди. Впрочем, остановка длилась недолго, и вот расстояние снова сокращается. В этой части маршрута мчать было легко, поскольку пешеходы и машины оказывались на пути редко, так что имелась возможность значительно оторваться и иметь запас времени дальше. Почти удавалось выдерживать постоянную дистанцию, а между тем приближалась вторая остановка. Сейчас наверняка пассажирский «кусок металлолома», как его изволили окрестить, отстанет, и даже может оказаться неинтересно продолжать заезд. Но что-то пошло не так, как думалось…

Обернувшись на ходу, чтобы оценить обстановку, Никита с удивлением заметил, что вместо того чтобы сбавить ход и подобрать да выгрузить людей, трамвай вдруг наоборот ускорился, промчав без остановки и явно собравшись настигнуть велосипедистов. Сложно сказать, принял ли водитель брошенный ему вызов, или же какой-то очень важный сударь попросил доставить его куда-то как можно быстрее, но предполагаемая остановочная фора больше не действовала.

— Тревога, народ, нас догоняют!

Недолго думая, байкеры, уже вошедшие в раж, переключились на следующую передачу и поехали раза в полтора быстрее, проскочив в последнюю секунду на зелёный сигнал светофора. Электротранспорт, из окон которого виднелись лица обалдевших пассажиров, промчал уже на красный, трезвоном отгоняя двинувшиеся наперерез автомобили. На высокой скорости преодолён бордюр, удар колеса о который издал оглушительный звук, насилу успевшие отскочить пешеходы чуть не понаступали друг другу на ноги, а дежурившая неподалёку перекрёстка полицейская машина, вернее, менты, сидевшие в ней, разинули рты. Шут знает, пустились ли бы полицейские в погоню, но подоспевший трамвай, чуть не подрезавший их автомобиль, вызвал у стражей порядка просто шок. Посчитав, видимо, что от греха стоит убраться подальше, они завелись и поехали в противоположную сторону, лишь оглядываясь. А велосипедисты, то и дело ударяя по звонкам, полетели вдоль следующей улицы.

Гонка становилась опаснее: на пути встречалось всё больше людей, которых приходилось объезжать или распугивать, а иногда нужно было резко бить по тормозам, затем вновь ускоряясь так, что аж велосипеды под наездниками ходили из стороны в сторону. Одно лишь радовало: движение на дороге тоже стало плотнее, а значит, и трамваю приходилось временами задерживаться. Многие пешеходы возмущённо экали на проносившихся мимо них ребят, кто-то, кому удавалось понять суть заезда, доставал мобилки и писал видео, а пассажиры, которых трамводитель так и не высадил, наверное, орали на него благим матом. Поняв, однако, что это бесполезно, пользователи общественного транспорта вскоре прильнули к окнам, стали с азартом следить за ходом гонки и даже подгонять водилу.

Страсти всё накалялись, а между тем участники заезда въехали в центр, где на тротуарах народу — не протолкнуться. Сворачивать на проезжую часть было чересчур рискованно: можно было оказаться зажатым между трамваем и каким-нибудь препятствием, оказавшимся спереди, но не выехать на дорогу означало застрять надолго. Из замешательства байкеров вывела идея Эрнеста:

— А давайте трамвай пропустим и поедем прямиком за ним? Эта повозка сама расчистит нам путь, а потом останется только вырваться, как движение поредеет.

— Отлично придумано!

Велосипедисты притормозили, а довольный трамвайщик, вырвавшись, даже скосился на зеркало заднего вида и злорадно улыбнулся, как обычно улыбаются картёжники, когда их оппонент «гребёт». Тут-то ребята и пристроились прямиком за транспортом, да так, что исчезли из поля зрения водителя. Подумав, видимо, что их уделал, он расслабился, почти перестал сигналить встречавшимся на пути господам и даже наконец открыл двери на остановке. То-то обрадовались пассажиры, целой толпой выгрузившись на тротуар! Велосипедисты тоже остановились и в терпеливом ожидании успели пополнить запасы жидкости в организмах. Впрочем, без проблем это вышло только у Никиты, запасшегося водой, а вот Боряныч и Эрнест, чьи газированные

напитки изрядно взболтались, пожалели, что не последовали при закупке примеру товарища. Ну, облились ребята, зато освежились не только изнутри, но и снаружи.

Между тем трамвай стартанул, но ехал уже спокойно: стопудово, водитель был уверен в своей победе. Как он ошибался! Едва лишь самая что ни на есть центральная часть города подошла к концу, велогонщики, успевшие за некоторое время размеренной езды отдышаться, позапрыгивали на широкий тротуар и рванули вперёд. Трамвайщик не сразу их заметил, но едва лишь случайно скосился в сторону и узрел, что пари ещё не окончено, выдавил все кнопки и педали, да сразу поднял скорость вдвое. Новая группа пассажиров, которой повезло меньше первой, ощутила на себе все перегрузки ускорения, и салон транспорта оглушился визгами страха и возмущённого удивления. И что им не понравилось? Получили, считай, бесплатный проезд на экстрим-аттракционе, а ещё не рады!

Путь пролегал по длиннющей улице с небольшим уклоном вверх, после которой уже рукой было подать до конечной. Привстав на педалях, чтобы не сбавлять скорости на подъёме, велонаездники уверенно удерживали лидирующую позицию. Но внезапно их внимание, до сего момента полностью втянутое в гонку, было отвлечено послышавшимся откуда-то с боковой улицы задорным маршем.

— Что это там за «там-та-да-дам»? Неужто Дарт Вейдер в политику вернулся и снова на броневичке разъезжает?

— Навряд ли, все выборы уже прошли. Да и марш не похож на «Имперский».

— Стоп, а это часом не…

Продолжать не было нужды, поскольку аккурат перпендикулярно направлению движения электротранспорта и байкеров мчался тот, кого они собирались изначально сыскать — неуправляемый велосипедист, так вчера нашумевший. Его вид ничуть не обновился: всё так же не держится за руль, всё тот же кожаный плащ, весьма жарковатый для нынешней погоды, да и играющая из прилепленного где-то динамика музыка.

— Чё это за тип?

— Как, тебе Никита не рассказал о нём?

— А, так это тот очумелый?

— Очевидно. Короче, погнали за ним!

— А трамвай?

— Шут с трамваем! И так он отстаёт, мы бесспорно бы выиграли. Надо вразумить того экстремала, а то из-за него не один заезд сорваться может! Хорошо ещё, что он не прямо на нас вылетел из подворотни!

В последний раз оглянувшись на побеждённый общественный транспорт, ребята свернули с трамвайных путей и помчали вслед за велодурнем. В велонаездниках сейчас боролись только что полученный гоночный опыт и азарт с запыханностью и изрядной усталостью, и первое пока ещё брало верх. Расстояние между преследователями и умалишённым не собиралось

сокращаться, а между тем то, что любой геймер назвал бы запасом выносливости, было на исходе. К счастью, безбашенный почему-то не пожелал сворачивать с проезжей части, когда началась весьма «ровная» дорога, в то время как байкеры мчали по гораздо более гладкому тротуару, что дало им преимущество. До велосипедного идиота оставалось с дюжину метров.

— Эй, олень! — крикнул Никита в надежде, что преследуемый хоть обернётся, но тот, очевидно, проигнорировал. — Скок поубавь!

Внезапно ситуация, ставшая уже складываться обнадеживающе, вышла из-под контроля. Стремительно приближался перекрёсток с крайне оживлённым движением, а «олень» не собирался ни сворачивать, ни «убавлять скок». Осознав всю критичность текущих обстоятельств, ребята судорожно выжали тормоза, выворачивая вбок рули, и остановились одним колесом на проезжей части, а другим — на тротуаре. Очумелый же неизвестно каким чудом пронёсся через три ряда автомобилей, вызвав несколько аварий рода «сыграли в догонялки» и оставив троих не лишённых чувства самосохранения преследователей далеко позади. Ребята лишь проводили его взглядом, увидев, как он подобным образом преодолел ещё один перекрёсток, и поняли, что продолжать погоню бесполезно.

— Твою… дивизию! Этот тип, не иначе, чит-кодом на бессмертие пользуется!

— Или удачливость прокачал по максимуму. Нда-а-а… Ладно, поехали, что ли, домой?

Только теперь велосипедисты поняли, как же они утомились и вымотались: аж пар от них шёл.

— Поехали. Надо ещё к завтрему успеть приготовиться.

— А что у нас… А, день самоуправления в школе? Ну, я только физ-ру веду, хе. Можно считать, уже попрактиковался и подготовился.

Не прекращая разговора, враз отвлёкшегося от того, что происходило только что, байкеры со скоростью пешеходов двинули назад. Прикатив на место, где они встречались перед заездом, распрощались, и каждый отправился домой заниматься своим делом.

III. День самоуправления

На следующее утро у каждого школьника было приподнятое настроение: мероприятие, проводимое раз в год и позволявшее старшеклассникам ненадолго ощутить себя в шкуре учителей, всегда вызывало радость и у учеников, и у преподавателей. Оно и понятно: младшаки получали череду экстраординарных уроков, старшаки — официальное право пропустить занятия, а заодно и поделиться добытыми за все годы знаниями с детишками, а учителя законно почти весь день могли отдыхать, лишь сидя на задних партах и наблюдая, как проводят их урок ученики. Кто-то, участвовавший в самоуправлении впервые, брался вести по одному-двум занятиям, зато одиннадцатый класс расхватал предметов почти на весь день.

Борис имел дело уже с первого урока: шёл обучать пятиклассников математике. Портфель на одном плече, улыбка на лице, рой мыслей в голове. Остановившись на полминуты перед нужным кабинетом, чтобы приготовить приветственную речь, одиннадцатиклассник вдруг почувствовал, что кто-то его хлопнул по спине. Обернувшись, он узрел одного из соучеников.

— Давид? Хэллоу. В чём дело?

— Здоров. Слушай, мне очень, просто край нужно пропустить английский. Можно это… посодействую в проведении урока?

— Гм… Ну, ладно. Вперёд!

Дверь в младший класс отворилась, и почти тут же весь галдёж, доносившийся из-за неё, смолк. Ученики, хорошо вымуштрованные в начальной школе (не в пример выпускникам!), заняли места каждый у своей парты, ожидая повелений.

— Приветствуем всех! Сегодня мы, одиннадцатиклассники Борис и Давид, проведём у вас математику. Итак, вы изучаете проценты?

— Да! — чуть ли не хором ответили малыши.

— Превосходно. Значит, что такое процент?

Полкласса, нет, почти весь он поднял руки, и, когда преподаватели позволили одному из детей отвечать, громко прозвучало правило:

— Это сотая часть числа!

— Пр-равильно! — Борис и Давид выкинули вперёд по два пальца каждой руки, указывая на давшего ответ.

Этот жест вызвал улыбку у младшаков, впрочем, именно это и предполагалось при его совершении.

— А теперь повторим формулы и выучим новые. Нахождение процента от числа, числа по проценту и сколько процентов одно число составляет от другого…

— Извините, — перебил учителя один из ребят, — вы не сказали нам садиться!

— Ох, ха-ха, точно. Садитесь, садитесь, и пишем.

Борис стал вырисовывать на доске формулы, комментируя их, ну а Давид принялся деловито расхаживать по кабинету, как бы следя за дисциплиной. Последовало несколько простеньких задач, которые благополучно решались у доски с подсказками или же без них. Однако, невзирая ни на расположившегося в задней части класса настоящего учителя, ни на присутствие самовызвавшегося надзирателя за порядком, детишки потихоньку начали нарушать рабочую атмосферу. Видимо, выдержка, так хорошо продемонстрированная в начале урока, быстро иссякла, уступив место безудержной тяге поговорить.

Окончательно разворошила ребяческие инстинкты занятная задачка про императора Калигулу, сделавшего сенатором своего коня. Узнав забавный исторический факт, младшеклассники залились смехом и принялись это обсуждать, совершенно забыв, что им следовало найти процент лошадей в сенате Рима. Всё-таки добившись ответа, Борис понял, что пора пускать в ход

«тяжёлую артиллерию», чтобы вернуть в нужное русло рассеянное внимание учащихся.

— Ах вот вы как: болтать на уроке?! Ну, хорошо, придётся воспользоваться козырем.

Все враз стихли, перепугавшись, что учителя могут вызвать классного руководителя или и того хуже, но всё мгновенное напряжение враз было снято:

— А теперь решаем геймерскую задачу! Казак со здоровьем двести и уроном шесть вступает в бой с двумя пикинёрами…

Как и предполагалось, такого рода задача сработала безотказно: все враз отложили ненужные мысли и устремили свои порывы к решению. Всё-таки что-что, а компьютерные игры всегда уважаются любым школьником.

— А кто такой пикинёр?

— Солдат с пикой. Это как копьё, только более позднее, — пояснил Давид, вдобавок сделав движение, словно атакует этим оружием.

— А критический урон есть?

— А лечение?

— А казацкая сабля ломается?

— Нет, это всё не учитываем. Можно, конечно, но тогда считать намного больше придётся.

Математически-геймерский азарт охватил пятиклассников на ура, и даже найдя победителя в предлагаемой задачей схватке, ученики до самого конца урока внимали всему, что им говорили, с радостью и воодушевлением щёлкая задания. Если бы не звонок, казалось, проучились бы они весь день без перерыва.

Радости и младшеклассников, и старшеклассников не было предела, причём не из-за того, как это обычно бывает, что урок окончился, а именно из-за самого́ только что свершившегося процесса обучения.

— Так, Борис, куда дальше направляешься?

— Что, понравилось официально прогуливать, али за малышами весело наблюдать?

— Ну, и то, и другое, ха.

— Сейчас у меня «окно», так что будем сидеть на истории. Надеюсь, ты приготовил дэ зэ?

— Эм… прочитал параграф… La bliae, — это псевдофранцузкое псевдоругательство, вымышленное во время прохождения темы про Наполеона, давно вошло в лексикон некоторых одиннадцатиклассников, — там столько дат, причём с месяцами и днями! Кому, спрашивается, оно надо?

— Ну, кто не помнит своей истории, обречён повторять её. Правда, тот, кто изучает её слишком глубоко, обречён рехнуться, но это уже другой вопрос. Ладно, половина наших преподаёт, так что, скорее всего, будем работать по вопросам. Авось, проканает и без дат.

Как и думалось, урок оказался самым обыкновенным, зато после истории следовало нести знания математики в восьмой класс. Он имел славу одного из самых хулиганских классов в школе, но это уж пугало

самоуправленцев меньше всего. К Борянычу с Давидом возжелал присоединиться ещё один «учитель», и хотя три препода на одном уроке — многовато, возражений не было… поначалу.

Со звонком зашли к восьмиклассникам, однако выяснилось, что это был восьмой «б», тогда как требовался «а». Ну, что ж, не беда, ушли и вошли, куда требовалось. Незначительное опоздание (вернее, задержка, ведь учителя не опаздывают) никак не отразилось, поскольку всё равно пришлось ждать, пока подтянутся все ученики. Вот в очередной раз распахнулась дверь, однако на пороге оказались два одиннадцатиклассника.

— О, ведёте урок? Отлично, мы тоже тут поприсутствуем.

— Э… А в роли кого? Пять учителей — это явно перебор. Или хотите начала тригонометрии повторить?

— А, одно другому не помеха! И повторим, и поучительствуем. Зато дисциплина точно в порядке будет!

Восьмой класс с удивлением и любопытством наблюдал за ордой учителей и ждал фактического начала урока — не столько из-за тяги к знаниям, сколько из-за желания увидеть, как же их будут обучать впятером. Наконец, всё не особо великое количество учащихся собралось, и пошло объяснение темы. Впрочем, восьмиклашки быстро поняли, что урок будет полноценным, и что преподаёт только Борис, а остальные в лучшем случае помогают записыванием на доске или патрулированием кабинета. Ввиду этого каким-то шутником было решено попробовать отменить занятие:

— Народ, а давайте скинемся по пятёрке, и урока не будет?

Преподы опешили от такого заявления, не зная, как по уму ответить, и тут вдруг дверь снова отворилась, и в класс влетело ещё трое старшаков.

— Мы от физики сныкаемся, лады?

Теперь, наверное, впервые в истории школы в одном кабинете учителей собралось столько же, сколько учеников. Это явление, хотя и было из ряда вон выходящее, породило хороший ответ на предложение эдакой взятки за отмену урока:

— Господа, ну по какой, скажите на милость, пятёрке? Вы видите, сколько тут желающих научить вас уму-разуму? Если вам так горит отделаться от грядущих знаний, то накидывайте минимум по полтиннику.

Восьмиклассники враз обломались, и больше сорвать урок никто не планировал. Да и много ли пакостей напланируешь, когда рядом с тобой аж восемь старшеклассников и учителей в одном лице? Волей-неволей пришлось балбесам учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал сами знаете кто (а если не знаете, значит, историю было нечего прогуливать!).

Урок прошёл не слишком плодотворно (работало не более четверти класса), но и не дурно. После этого было проведено ещё несколько занятий у других младшеклассников, причём полуучителя-полупрогульщики наконец-то отставили хитрости и пошли на нормальные предметы, разрешив Борянычу самостоятельно работать дальше. Последующие уроки оказались поспокойнее, но, конечно, не настолько поразительные, как только что окончившийся.

Наведавшись в девятый класс, Борис столкнулся с определённой проблемой: Эрнест и Никита уже разболтали всем одноклассникам про вчерашние приключения, и вместо того, чтобы стремиться к алгебре, многие норовили расспросить про чокнутого байкера. Впрочем, очередная геймерская задача и тут пришла на помощь, целиком поглотив внимание учащихся. Когда один из девятиклассников вышел к доске, вдруг со стороны его товарищей раздались аплодисменты.

— Это у нас традиция такая: кто вызывается решать у доски, тому хлопаем, — разъяснили некоторое недоумение учителя ученики.

— Занятненько! Надо и нам такую традицию завести, хе!

После урока велосипедисты решили оговорить дальнейшие планы насчёт охоты за велодурнем, но вскоре сошлись на мнении, что нынче лучше покатать где-то в районе из-за надвигающегося, судя по прогнозам и тучам, дождя.

До конца учебного дня оставалось провести последний предмет, всю ту же математику, у седьмого класса. Здесь уже изначально планировалось вести урок совместно девятиклассником и одиннадцатиклассником, и такая тактика должна была быть весьма эффективной. Всё-таки два учителя, каждый из которых работает, лучше, чем восемь, из которых семеро просто присутствуют.

— Ну, что, Ионыч, готов нести свет знаний в обитель семиклашек?

— Конечно, а ты, Боряныч?

— Спрашиваешь! Ну, ни пуха, ни пера!

— Ни двойки, ни колá!

Дверь открылась, и перед учителями предстал почти весь класс в сборе, в меру дисциплинированный и в меру хулиганистый, всё ещё жаждущий знаний, и к тому же ещё не утративший оригинальность мышления. Кстати, для проверки последнего факта была припасена особая задача, которую приберегли под конец урока.

— Хорошо, а теперь задание на матлогику! Как с помощью арифметики из двух Лесь Украинок и одного Тараса Шевченко сделать Григория Сковороду?

Семиклассники сперва остолбенели, пытаясь понять, как такое возможно, однако очень скоро стали выдвигать различные предложения:

— Перестановка букв?

— Что-то с годами связано?

— Обращение букв имён и фамилий в цифры?

— Пластическая операция!

Автор задачи и сам не мог предположить, сколько всевозможных альтернативных ответов к ней вдруг появилось, но единственным разумно обоснованным был другой. Не ученики, а второй учитель сообразил, в чём подвох, и за пару секунд до звонка дал подсказку:

— Связано с купюрами.

Тут все ребята взялись за головы, поражаясь собственной недогадливости, и сразу же дали требовавшийся ответ. Фактический конец

урока и конец, указываемый звонком, сошлись просто идеально. День самоуправления завершился великолепно.

IV. Побег

Вечером, как и предполагалось, шёл дождь с весенней грозой, не то, чтобы ливень, но и не моросящий, а такой, что ни о каких заездах не могло быть и речи. Ну, зато хоть каждый имел возможность идеально подготовить домашку да вволю наиграться на компе.

На следующий день в школу многие не изволили явиться, видимо, переутомились или перевозбудились от вчерашнего мероприятия, а может, захотели как можно рациональнее использовать вновь вернувшуюся тёплую солнечную погоду. Те же, кто был в учебном заведении, обсуждали преимущественно только две вещи: чокнутого велогонщика и минувший день самоуправства. О байкере, кстати, вновь писалось в новостях, и хотя вчера его никто не видел (действительно, кто бы стал высовываться на улицу в непогоду?), аварии, вызванные им недавно на перекрёстке, не остались незамеченными.

Учение шло лениво, и в головах старшеклассников стали появляться мысли о побеге с уроков. Обсудив на второй большой перемене план, одиннадцатый класс вместе с кое-кем из девятого принялся действовать. Первая попытка покинуть школу внаглую не увенчалась успехом: вахтёр был бдителен и выпускал раньше времени только по запискам от классного руководителя или завуча. Но классрука сегодня не было, а идти к завучам было бессмысленно, так что пришлось искать обходные пути. В сущности, было всего два варианта выхода со школы: через парадные двери и через забор во дворе (спуск на канате из окна третьего этажа не рассматривался).

Решив попытать счастья, ученики двинулись во двор, однако и тут столкнулись с препятствием: там дежурила замдиректора.

— Вот и пригодятся навыки, воспитанные в нас некоторыми игрулями! Пока малыши будут носиться по коридорам с восклицаниями аля «Я принц Персии!», мы попрактикуем трюки этого персонажа. Ну-ка, миссия: преодолеть двухметровый забор, предварительно отвлёкши Веру П-вну.

— Угу, а потом совершить с заграждения «прыжок веры» в ближайший клочок травы!

— Ну, тут ты немного игры перепутал, но суть верна. Дерзаем же!

И беглецы с учёбы разделились на две группы: одна по извилистому маршруту, чтобы не привлекать внимания, двинулась к пню, торчавшему прямо у забора и дававшему возможность при некоторых акробатических умениях его преодолеть, а другая стала отвлекать заместителя дерика. Способ для этой цели был придуман неоригинальный, но вечно действенный — инсценировка драки.

— Вера П-вна! Там Давид с Никитой чего-то не поделили, кулаки и пинки в ход пошли!

— Да что это такое?! — возмутилась учительница, враз повернувшись в ту сторону, куда ей указали, и стала приближаться к «дерущимся». — Как дети малые! Ох, я вас!

Времени было в обрез, поскольку все проблемы, в которые включался этот преподаватель, решались в кратчайшие сроки. Ребята, как раз оказавшиеся у спасительного пня, принялись ускоренно переправляться за пределы школьного двора. Двое с разбегу наскочили на бетонный забор, надеясь оказаться достаточно высоко, чтобы ухватиться за верх, и набрать достаточный импульс, чтобы перемахнуть без лишних усилий, однако получилось это только у одного: нога второго соскользнула с бетона, и он едва не упал. Трое разом полезли на пень, затем поочерёдно принявшись перескакивать на ограждение. Кто-то, правда, переусердствовал и сразу перелетел забор, но, к счастью, приземлиться удалось довольно мягко. Тот, кто неудачно наскочил на ограду, решил лезть через пень, но тут завуч обернулся и, пригрозив кулаком, двинул быстрым шагом к задержавшемуся беглецу. Больше этим путём никто бы не смог удрать.

Между тем прозвучал звонок, и пришлось старшеклассникам возвращаться в здание, дабы не вызывать лишних подозрений. И как раз подвернулась ещё одна возможность прервать учебный процесс: гурьба первоклассников выходила со школы. Недолго думая, два самых хитрых ученика влились в их ряды и, присев почти до земли и передвигаясь на корточках, сумели пройти мимо вахтёра. А вот остальным пришлось двигать на урок, впрочем, оставалась надежда, что их отпустят из-за малого оставшегося количества учащихся.

После часу дня, гораздо раньше, чем обычно по будням, велосипедисты собрались вместе для очередного заезда и новой попытки накостылять сумасшедшему гонщику. Хотя где его искать никто не знал, предполагалось проколесить через все городские парки с надеждой, что их пути пересекутся. Байкеров нынче собралось гораздо больше, чем в понедельник, и хотя Эрнеста среди них в этот раз не было, зато к Борису с Никитой присоединились Давид, Иона и Виктор, одиннадцатиклассник. Прогремевший неподалёку трамвай так и манил вновь померяться с ним силой, но жара да тяга к разнообразию направили велонаездников в другую сторону.

На примете имелось шесть с половиной парков (с половиной потому, что два из них располагались совсем рядом), и объезд их всех мог занять часа два минимум, которые, впрочем, в компании пройдут незаметно. Маршрут был проложен, и вот уже велосипедисты «штурмовали» первый объект.

— О, водичка! Никто не хочет в озеро окунуться вместе с великом?

— Да тут такая водичка, что разве велик помыть и можно. И как народ только в этой грязи купается?

— Ну, учитывая, что у нас кроме этих да ещё одного озерца есть только речка-вонючка, куда все отходы сбрасывают, неудивительно, что пипл тут освежается.

— Ну, не скажи: ещё загородный карьер есть. А тут можно только замараться и уток попугать… Кстати! Мысль родилась!

— Ну-с?

— Мы же как бы охотимся за тем безголовым? А что охотнику нужно? А?

— «Ствол»?

— Правильно, ружьё! Будь у нас хоть какая пукалка, можно бы было быть уверенным, что тот байкер от нас не уйдёт!

— Гм! Уж не хочешь ли выпросить у одноклассницы Нади двустволку, или вообще позвать её с нами?

— Эм, вообще-то план был другой, но это тоже вариант. Ладно, то завтра, ибо сейчас разворачиваться нет смысла. Авось, и с голыми руками управимся.

Как нетрудно догадаться, чокнутого сударя тут обнаружено не было, но оно и не дивно: с его-то стилем езды колесить у воды было чревато нехилым шансом утопить свой транспорт. Между тем озёрный парк закончился, и для достижения следующего, согласно намеченному маршруту, следовало пересечь железную дорогу. Едва лишь байкеры выехали на рельсы, как Витя заявил:

— А теперь все достали по монетке!

— Зачем?

— Дань за пересечение железнодорожных путей… Шутка! Просто будет прикольно, если пару копеек расплющит поездом. Это традиция, можно сказать.

— Кабы паровоз от такой традиции с рельс не сошёл.

— Не сойдёт, «Разрушители легенд» проверяли. Их вердикт был следующим: от монетки поезду ничего не сделается, если только не вогнать её в глаз машинисту. Так что давайте, кому не жалко, отдадим должное обычаю.

Не жалко оказалось всем, и через несколько секунд одна рельса была прямо-таки устелена пятачками. Своеобразный «налог» был выплачен, и можно было продолжать путь.

Второй по счёту парк состоял на треть из кинотеатра, передвижных аттракционов, игровых площадок и прилегающих территорий, а остальную его часть занимал лес (если можно так назвать много густых деревьев, произрастающих в пределах города). Может быть, ребята бы с радостью посмотрели какой-нибудь фильм, но поставленная цель звала их к совсем другому. Да и кому нужны всякие боевики на экране, когда можно в реальности почувствовать себя героем какого-нибудь триллера? Увы, и в этом парке, равно как и в следующем, не было обнаружено никаких признаков чокнутого велогонщика, но зато скоростной спуск по автодороге между этими двумя зелёными объектами вдохновил байкеров на продолжение поисков в центральной части города.

— Ю-ху! Под сорок в час — мне это нравится!

— Кажется, начинаю понимать того велокретина! Спид из кул!

— А без рук таки прикольно ехать! На скорости вообще равновесие не теряешь.

— Ты всё же поаккуратнее: нам и одного неуправляемого велосипедиста хватит, хе-хе.

Центр приблизился мгновенно, и появилась возможность свернуть на велодорожку. Впрочем, казалось, велодорожкой она лишь называлась, а то и просто указывалась на знаках, ничуть никого не волнуя своим наличием. Небдительные пешеходы, то ли ленящиеся сделать один шаг в сторону тротуара, то ли так задирающие нос, что не могли видеть разметки под ногами, постоянно шарахались от то и дело раздающихся велозвонков и стремительно освобождали законную часть дороги байкерам. Да, сделать условия для соблюдения правил дорожного движения оказалось проще, чем убедить народ их соблюдать!

Ещё один парк остался сбоку: в нём всегда гуляло множество детворы, так что если бы там появился велосипедный «олень», как его давеча прозывали, то уж точно был бы шум на всю округу. Следовало добраться до самого крупного зелёного объекта в городе, расположенного на горе, где можно было вволю катать и особенно наслаждаться затяжным спуском. Именно последний факт и мог приманить сюда безумного гонщика.

Подъём наверх оказался довольно изнурительным, и, сберегая силы, байкеры решили временно перейти на пеший ход, толкая велосипеды в гору руками. Вот впереди открылась довольно обширная площадка, где можно было передохнуть, и хотя это ещё не самая высокая точка лесопарка, отсюда открывался прекрасный вид на город. Не желая упустить прелестный кадр, ребята решили сфотографироваться, но в то же время не желая уподобляться некоторым страдающим безвкусицей подругам, решили не делать селфи, а снять полноценное фото при помощи таймера. Мобилка, уже давно переставшая быть лишь мобилкой, а превратившаяся в некое универсальное устройство, была установлена на пенёк, велосипедисты поспешили занять фотопозиции, и начался обратный отсчёт до съёмки кадра.

Три, два, один… Вспышка! И вдруг, в этот же момент, из-за поворота высотной велотропы вылетело то, ради чего ребята сюда приехали. Резкое изменение обстановки, а следовательно, и выражений лиц байкеров сделало фотографию забавной, но сейчас никому до этого больше не было дела.

— Это…

— Это он! В погоню!

Все разом похватали велики и, стартанув с пробуксовкой, помчали за чокнутым, словно гепард за антилопой. Грунтовая дорога, усеянная небольшими земляными холмиками, вкупе с немалой скоростью устроила настоящую встряску, так что пришлось велосипедистам привстать на педалях, дабы хоть как-то амортизировать удары. Преследуемый же гонщик, казалось, вообще плевать хотел на всё, поскольку так и продолжил мчать сидя, ни на секунду не ухватываясь за руль, чтобы скорректировать направление.

— Интересно, чего он нынче без музыкального сопровождения?

— Может, батарею просадил, а может, на лету и всю свою звукосистему утратил — это было бы неудивительно.

— Меньше слов, больше дела! Ну-ка, поднажмём!

Пять почти одновременных щелчков ознаменовали переключение каждым передачи, и дистанция до цели стала постепенно уменьшаться. Сумасшедший ехал только благодаря инерции и гравитации, тем не менее, имея огромную скорость, байкеры же дополняли естественные законы физики кручением педалей, разгоняясь до умопомрачения. Любое неправильное движение могло вызвать столкновение или, не дай Бог, вылет с дороги на горный склон, но бурлящий адреналин помогал никому не думать об этом, целиком увлёкшись погоней и действуя на основе велоинстинктов.

Расстояние сократилось до трёх-четырёх метров.

— Вы глядите! У этого идиота приделаны боковые колёса, прям как у малыша! Теперь ясно, как он до сих пор не потерял равновесия!

— Сейчас попробую его подрезать!

Иона сдвинулся на полметра вправо, опасно приближаясь к краю спуска, и, что было сил, надавил на педали. Не желая оставить преследуемому шансов, Виктор сделал такой же манёвр, но с левой стороны, и вот безумный гонщик зажат с двух сторон.

— Стой, йолоп! Тормози, кому говорят! Когда пацанов много, надо с ними соглашаться!

Ноль реакции. Что ж, он сам напросился. Витя слегка притормозил, а Ионыч дёрнул руль влево, ударив колесом раму чокнутого. И надо же было в этот момент на пути ребят подвернуться какому-то бугорку-трамплину! Велоидиот как раз в момент удара оказался на нём и, будучи в воздухе и уже получив импульс, поневоле развернулся на сорок пять градусов и улетел с маршрута на лысый склон. Мало того, «хвост» его байка ещё и «отомстил» подрезавшему, едва не выбив его из седла.

Преследователям пришлось резко тормозить: продолжать погоню не по дороге себе дороже, да и не бросать же товарища.

— Ты как?

— В порядке. Синячище, конечно, будет, но то ерунда.

— Да-а, тому гонщику мало не показалось. Но… — Давид глянул на склон и увидел, что выбитый из колеи велосипедист был почти внизу, всё ещё оставаясь «на коне», — ядрёна вошь, он и вправду неуязвимый! Гонка не окончена!

— Боюсь, на сегодня окончена: ты ведь не хочешь пуститься следом напрямик? А пока доберёмся вниз по-нормальному, он уже из виду скроется.

— Опять всё сначала? Нет уж, без «пушки» я больше за ним гоняться не стану. Эх...

Возвращались велосипедисты домой, слегка упавши духом. Впрочем, физические нагрузки и пережитые ощущения целиком перекрывали досаду, так что печалиться никто и не думал. Напротив, присутствие компании создавало все условия, чтобы временно забыть неудачу, и скоро в ход пошли разные шутки — байкеры стали смеяться и вести пустяковые разговоры.

Уже под вечер, ближе к закату, отдохнув дома и справившись с домашкой, гонщики собрались вновь, чтобы просто покататься, подышать свежим воздухом, а заодно и забрать с железной дороги расплющенные поездом монетки. Ребята двигались вдоль улицы, на которой стояла школа, как тут к ним подъехал Эрнест, имевший довольно взволнованный вид.

— Всем привет! Ну, как, что наездили нынче?

— Здоров! Да так, нашли велоидиота, но он опять ушёл, причём при не менее критических обстоятельствах, чем позавчера.

— Ясно… Слушайте, а давно вы его видели?

— Да часа четыре назад. А что?

— Представляете, я его тоже сегодня встретил, и…

Все разом перевели заинтересованный взгляд на товарища, предвкушая поступление какой-то очень серьёзной информации.

— …и он, верьте не верьте, мчал по воде!

— А?!!

— В общем, поехал я сегодня на карьер: ну, хорошая погодка и всё такое, надо же уже открывать сезон купания в открытых водоёмах. Так вот, плаваю я, плаваю, и тут вижу: какой-то силуэт на велике летит прям по центру воды, да ещё и в моём направлении! Ну, думаю, привиделось, ан нет: протёр глаза, вернее, очки, а он лишь ближе. Только и того, что марша не слышно, а в остальном — точно тот болван. Нырнул тут я поглубже, а когда всплыл, то этот велосипедист уже исчез. Прям привидение какое-то!

— Мда уж, нехило…

— Что ж, значит, будем охотиться на призрака.

V. Подготовительная операция

Учёба следующего дня началась с нулевого урока — вещи довольно неприятной, изобретателю которой каждый ученик и преподаватель хоть раз мечтал набить рожу. Некоторые, конечно, утверждают, что лучше семь предметов и нулёвка, чем восемь уроков, которые тянутся аж до пятого часа, но им и невдомёк, что больше шести, максимум семи занятий в день вообще недопустимо. Что слишком рано, что после обеда люди думают малоэффективно, и практическая польза от нанизанных уроков минимальна. И даже несмотря на то, что нулёвка должна была быть занимательной, ибо на ней преподавалась астрономия, никто не хотел вникать, что такое, к примеру, параллакс, или почему в телескоп видно больше звёзд, хотя он и сужает радиус обзора. Всё, о чём думал, наверное, каждый, было лишь то, как бы отправить куда-нибудь в чёрную дыру свои учебники, это дурацкое расписание, а вместе с ним и того, кто ввёл нулевой урок, да как бы зарядиться энергией космоса, чтобы не хотеть спать.

А вслед за астрономией шла физика, на которую тоже перенеслась негативная аура недоспанных часов (вернее, всего одного, но крайне важного часа, ибо для школьника десяток минут полусна после пробуждения стоит доброй половины ночи). Дошло до того, что ученики стали путать буквы,

которыми обозначаются различные величины, получив силу тока в ньютонах, а омы вообще прилепив к массе. Масса, конечно, тоже может сойти за сопротивление, причём нехилое, но уж не в контексте тогдашних задач. Наконец, Денис, вызванный к доске, по ошибке не разделил на скорость света, а умножил, получив результат, в несколько раз больше в принципе возможного. Наверное, именно благодаря таким казусам наука когда-нибудь да придёт к гиперскачкам на сверхсветовых скоростях!

Под конец урока, правда, учительница была порадована, поскольку решать задачу взялся Боряныч, который, сам тому удивляясь, преодолел сонливость и напором взял крепость знаний, минуты за две «измарав» доску и добыв ответ. «Кажется, мы нашли вечный двигатель!» — прокомментировал шутничок, кивая в сторону стоящего у доски. Раздавшийся в этот момент звонок придал всем немного бодрости, как раз достаточно, чтобы поднять себя из-за парт и двинуться в собственную классную комнату.

С этого момента все ожидали лишь физкультуру (хотя нет, физ-ру признавала лишь половина класса, но второй его части предстояло пожалеть в конце года, когда оценки из личного журнала физкультурницы переносились в общий) да защиту Отечества, эксклюзивный для мальчишек и, несомненно, самый почитаемый урок. К слову, именно с защитой был связан план по добыче «стволов», который на одном из уроков велосипедисты успешно оговорили. В школьном бункере-тире хранилась пневматика: две вечные разломные винтовки ИЖки да ещё пистолет аналогичной конструкции, чем-то смахивающий на «Маузер». Стрелял из них уже каждый, причём по сотне раз: всё-таки почти бесплатные боеприпасы, предоставляемые военруком, не шли ни в какое сравнение с ценой выстрела в обыкновенном тире где-нибудь в городском центре, столь высокой, что, казалось, тамошние пули были вовсе не свинцовые, а как минимум серебряные.

Впрочем, защиты Отечества следовало ещё дождаться, да и для того, чтобы заполучить «пушки», предстояло проявить немало хитрости. Поэтому было решено всё же постараться залучить к делу Надежду с её собственной винтовкой, и оставалось лишь найти подходящие слова, чтоб затея удалась, ибо вряд ли фраза сродни «О, у тебя есть ружьё — хватай его и пошли с нами!» дала бы нужный результат. В конце концов, хорошенько продумав каждое слово, группа мальчишек подошла к однокласснице:

— Надя, слушай, есть одно предложение…

— Да? Какое именно? В кино хотите позвать?

— Ну, почти. Только не в кино, а на сафари. Вернее, просто на охоту.

— Даже так? Это интересно. Стоп, или вы шутите? Первое апреля ещё не наступило!

— Нет-нет, правда. Будем загонять добычу…

— Собаками?

— Нет, велосипедами.

— Ха-ха, серьёзно? Никогда не слышала про такой способ ловли зверей!

— Ну, это новаторский метод, только в этом тысячелетии изобретён. В общем, у тебя же есть велик? Отлично, тогда никому и одалживать не придётся. Будем прям как цари или иные высокопоставленные господа ездить верхом и из седла бить по добыче.

— Вау! А где, когда и, главное, на кого охотимся? Нужно учесть законы, так, например, охотник за всю жизнь имеет право лишь на одного оленя, на превеликое множество зайцев…

— Права на одного «оленя» нам вполне хватит. Как раз на него и охотимся. Может, даже рога раздобудем. — Наплёл Борис, про себя добавив: — Руль от байка — рога ещё те, а как же.

— Ух, ты! Ну, хорошо, а где собираемся?

— Пожалуй, под школой. В четыре, как раз после уроков. Словом, ты с нами, так?

— Ну, может быть… Наверное, да.

— А, и ружьё не забудь: у нас ведь лишних не будет.

— Это само собой. Я уже догадалась, что меня вы именно из-за ружья и хотите с собой взять.

— Нет, почему же. Скорее уж из-за навыков стрельбы.

— Да ладно, неважно, всё равно я с вами.

Уговорив одноклассницу на время стать охотницей, парни остались довольны и радостно помчали на физкультуру, последний предмет перед заветной защитой. Сейчас предполагался необычный урок: на следующей неделе должен был быть день гражданской обороны, и по этому поводу на физ-ре следовало отработать тематические эстафеты и упражнения. Вид преображённого с этой целью спортзала многих впечатлил: привычные пустота и простор куда-то исчезли, зато было вынесено много такого, о существовании чего даже не все ученики догадывались. Так, появилось не меньше дюжины набивных мячей, очевидно, символизировавших препятствия, канат, которым обычно редко пользовались, внезапно «раздвоился», а кроме того, каждый обратил внимание на прислонённое к двери подсобки чучело. Что интересно, в зале присутствовали не только две или три физручки, но и военрук, ошеломивший всех словами:

— Так, мальчишки, вы уже знаете, что будет день защиты, так что сегодня каждый из вас попробует надевать противогаз, а потом будет преодолевать в нём полосу препятствий.

— Бег в противогазах? Занятно.

— А то!

И враз учителя́ физкультуры вынесли откуда-то тканевые сумки цвета хаки, передав их военруку. В этих-то сумках, как оказалось, и хранились противогазы. Каждый из мальчиков с любопытством стал смотреть на учителя, не желая ничего пропустить, а военрук начал подробно объяснять теорию, подкрепляя это действиями. Слово за слово, противогаз вынут из сумки, привинчена фильтрующая «шайба», и вот нехитрое, но надёжное устройство

защиты дыхательных путей очутилось на голове военрука. Многие чуть не покатились со смеху: уж больно непривычное было зрелище.

— Валерий П-вич! Лучше снимите, а то уж слишком забавно!

— Забавно? — донёсся приглушённый и едва слышный через резину голос учителя, вызвав ещё большую улыбку. — Это хорошо, в критических ситуациях юмор не помешает. — И, одним движением стащив с себя противогаз, военрук продолжил: — Главное, про безопасность не забывайте. Ну, вперёд!

Теперь парням предстояло испробовать защитные приспособления на себе — каждый получил сумку и принялся разбираться. Впрочем, тут не обошлось без трудностей: кто-то всё никак не мог совладать с процессом надевания, и когда верхняя часть противогаза натягивалась на макушку, нижняя соскальзывала с подбородка, Вите попался слишком маленький противогаз, и он насилу его натянул, а кто-то и вовсе забыл вынуть защитную пробку и едва не задохнулся. Зато когда все наконец сумели «приодеться», начались прямо-таки фотосессии: всё же не каждый день приходится щеголять в таких защитных средствах.

— О, Деня, идейка есть: сфоткаемся в противогазах, и я «Фотошопом» на задний план ЧАЭС прилеплю. Потом сочиню какой-нибудь первоапрельский бред, что старшаков решили задействовать для уборки загрязнений, и закину в соцсеть.

— Угу, прикольная мысль. Кто-нибудь обязательно поведётся, хе-хе.

Когда все вдоволь собой налюбовались, началась, собственно, физкультура. Упражнения предлагались не сложные, но и не ординарные, а присутствие на головах противогазов делало всё ещё более занятным и непривычным. После урока те, кто не явился на физ-ру, слушали воодушевлённые рассказы её посетивших и проклинали себя за собственную глупость и упущенную возможность поразвлечься. Хотя долго им сожалеть не пришлось, ведь настала защита Отечества.

Не успел и звонок раздаться, как пацаны уже в турбореактивном режиме переодевались, чтобы не опоздать на, несомненно, самое занимательное, что может для них быть — стрельбы. Девчонки спешили меньше, поскольку с медициной, альтернативой военной подготовке, им не столь повезло: уж больно придирчивая была учительница. И пока дамы ещё только выдвигались из раздевалки, господа (правда, в половинном составе) уже стояли строем в своём кабинете, произнося традиционное «Здравия желаем, товарищ капитан!». Ещё пяток минут ожидания, пока все бойцы «приползут», и вот уже вслед за учителем «ворошиловские стрелки» (или слепые снайперы, это уж у кого как выходило) проталкивались в подвал-тир.

Школьный бункер имел мало общего с теми бункерами, которые многие привыкли видеть в фильмах или играх. Так, бронедверь совсем не походила на те, которыми запираются в ядерных убежищах, но, несмотря на самый обыкновенный вид, скрывала в себе сантиметров десять металла и предоставляла надёжное укрытие. Стены имели вид, как обычные стены в

подвалах: слегка обшарпанные и замазанные в этих местах чем-то, остающимся на спинах прислонявшихся к ним, в меру разнотонные и немного запаутиненные по углам. В одном месте на стене был развешен чёрный полиэтилен, из которого торчали крючки — вешалки для одежды. По обе стороны от двери и дальше стояло несколько шкафов, на которых лежало не пойми что, также присутствовало много стульев, едва ли не столько же, сколько в актовом зале. Этот бункер мог обеспечить кого угодно укрытием на случай любой чрезвычайной ситуации, и, наверное, даже на случай нужды упрятаться от какого-нибудь урока.

В который раз заглазевшись на обустройство подвала, Давид чуть не врубился в стену, но вовремя опомнился и вслед за всеми прошёл в тир. Здесь перед взором учеников предстало метров десять пустого коридора, который преграждался железными подставками под мишени и дальше тянулся во тьму на неизвестно сколько. Перед стрельбищем стоял стол, на котором уже была разложена всем известная пневматика. На пальбу выстроилась очередь, и вот загремели одинокие удары пуль об металл.

Если стрельба из винтовок велась довольно серьёзно (хотя и тут не обходилось без некоторых приколов), то вот из пистолета каждый боец норовил палить как можно эффектнее: всё равно без упора да с дёргающейся рукой точность низкая, ну так зато хоть повымахиваться есть шанс. Кто-то стрелял, словно на дуэли, медленно опуская ствол из вертикального положения в боевое, кто-то вставал в позу полицейского, кто-то бил по мишени как мафиози или гангстер, а кто-то и вовсе вёл огонь с полуоборота, почти не глядя. Словом, взяв «пушки» в руки, каждый ощущал себя кем-нибудь очень солидным и влиятельным.

Мишени поражены по неисчисляемому количеству раз, бойцы делали уже четвёртый или пятый заход, и пора было подумать об «аренде» оружия на время велоохоты. Однако как отвлечь военрука? В голову велосипедистам лезли различные, преимущественно дурацкие идеи, однако они, скорее всего, были обречены на провал: уж больно воодушевлённо, с не меньшим азартом, чем сами стрелки, учитель наблюдал за ученическими успехами. Решение, однако, подвернулось само собой, когда Борис в сотый раз обводил взглядом окружение.

— Валерий П-вич, а для чего здесь нужна кираса?

Учитель мгновенно отреагировал, сам удивившись неожиданной находке.

— Какая кираса?

— Да вот, на полке шкафа лежит, — и ученик поманил военрука в ту сторону, где был обнаружен дивный предмет.

Валет (такое прозвище получил в среде школьников учитель защиты Отечества) был отвлечён, пойдя проливать свет на факт существования кирасы, и Давид, Витя да Денис принялись действовать. Меньше всего возни было с пистолетом: он легко влез за пояс, а вот с ружьями пришлось попариться. Одно насилу было спрятано под куртку, причём постоянно приходилось его

придерживать, чтоб не выпало, а второе с трудом удалось в «разломанном» виде поместить в почти пустой от учебников рюкзак. Однако оставалась ещё одна вещь, о которой бойцы чуть не забыли — боезапас.

— Где Валет пули хранит?

— Тс-с-с, вон в той штукенции. Берём жменю, иначе пропажу заметят, и оставляем десятку денег, чтоб честно было. За выстрелы заплатим, а уж то, что они будут сделаны на природе — не беда.

Между тем военрук уже был у шкафа и разглядывал металлическую броню.

— Да, вот что у нас завалялось, оказывается… А, эта кираса для манекена использовалась: надевали на него, чтоб пластик не портить, и стреляли. Но теперь мы лишь по мишеням метим, так что ни в броне, ни в манекене нет нужды.

— Ясно. А примерить нельзя?

— Не стоит, она вся в пыли, да и маленькая наверняка — на такого-то парня.

— Угу, хорошо. Кстати, уже звонок, судя по времени, был.

— Так, а где винтовки? — забеспокоился учитель.

— Да вы же убрали только что, потому как мишени кончились. Ну, вернее, все изрешетились.

— Гм? А, наверное. Ну, тогда до свидания.

— До свидания, товарищ капитан!

VI. Охота на призрака

Учёба на сегодня была окончена, и можно было поспешить домой, чтобы подготовиться к «охоте» и поскорее её начать. Место встречи было выбрано традиционное, напротив школы, и не успели ещё некоторые покинуть учебное заведение, как велосипедисты уже поджидали на точке товарищей. В этот раз все были в сборе: Эрнест, Иона, Борис, Давид, Надежда, Виктор, Никита, даже Денис, доставший где-то запасной велик. Каждый так и предвкушал грядущую погоню и пальбу, и ребятам не терпелось поскорее начать действовать. Поскольку оружий было аккурат вдвое меньше, чем велонаездников, решили, чтобы один стрелял, а другой помогал с перезарядкой, а для увеличения шансов найти велосипедного дуралея придумали разделиться по двое и разъехаться в разных направлениях, постоянно пребывая на связи. Так и было сделано, едва лишь «пушки» оказались распределены между велобойцами.

Никита с Денисом отправились в загородном направлении, в противоположную от центра сторону. Путь пролегал по знакомым, изъезженным вдоль и поперёк улицам до моста через «железку», а дальше дорога переходила в автомобильную широкополоску, где из-за плотного движения велосипедисту было трудно приткнуться, но если удавалось, то сверхскоростной темп езды был обеспечен. Именно на этой трассе впервые

было зафиксировано появление неуправляемого байкера, так что это было подходящее место для поисков оного.

Съехав с непомерно сузившегося тротуара, парни влились в непрерывный автомобильный поток и стали усиленно крутить педали, чтобы не давать шанса машинам себя подрéзать. В выходной день здесь бы мчать было нереально, но нынче авто в большом количестве тормозили сами себя, и подстроиться под их скорость было не особо трудно даже несмотря на небольшой подъём. Интересно, каково тут было, когда чокнутый гонщик спускался по встречке, и каким образом его успели заснять на камеру? Впрочем, объяснить создание фотографии, приложенной к тогдашним новостям, было легко: современный народ ради особого кадра готов хоть в огонь полезть.

Трасса, вернее, её городская часть, уже подходила к концу, и пришлось свернуть на окружавшее город кольцо, чтобы возвращаться другим путём: продолжать поиски среди полей было глуповато, ведь если бы очумелый велосипедист туда заехал, ему бы быстро вправил мозги первый же попавшийся тракторист. Обратная дорога оказалась полегче и поприятнее, поскольку пролегала мимо каких-никаких зелёных насаждений, однако наслаждаться ездой было ещё рано, поскольку никаких следов велоболвана пока не появлялось.

А Давид с Борянычем двинули в сторону вокзала, от которого шла одна из ключевых улиц города. Если искомый субъект выбирал такие места для езды, где можно испугать побольше народу, то это был подходящий район, хотя скорее казалось, что чудной велогонщик вообще ни о чём не думал и ничего не выбирал. Тем не менее, поискать здесь следовало.

Ещё не доезжая до вокзала, байкеры могли увидеть скопления людей совершенно разного внешнего вида, треть из которых наверняка была туристами. Страшно было даже представить, какая толкучка творилась, например, на перронах, но зато хоть можно было не беспокоиться насчёт того, что безумный захочет проехаться вдоль железнодорожных путей: он бы просто не смог пролезть через народ.

— Хей, была бы с собой большая сумка, можно бы было бросить её в толпу и с вызывающим криком умчаться прочь. То-то бы люди в штаны наделали!

— Нда, отличный розыгрыш к первому апреля. Правда, жестковато.

— Интересно, с чего бы столько туристов? Оно, конечно, для имиджа города хорошо, но как-то всё чаще и чаще повсюду видно иностранцев. И нет же, чтоб они наш язык выучили — приходится нам зубрить инглиш в угоду этим лентяям!

— Видимо, решили у нас профессиональный праздник отметить — день дурака. У себя-то, небось, каждого встречного и поперечного поздравлять придётся, а здесь все поздравления — только им, хе-хе-хе.

— Мм-м, да. Ладно, погнали дальше.

Ребята поколесили в другую часть района, ближе к центру, попутно продолжая болтовню. Рассуждения насчёт всяких пустяков постепенно вернулись к основной цели заезда, как тут Борису стукнула мысль.

— Слушай, Давид, помнишь «Всадника без головы»?

— Кого? А, книгу ты имеешь в виду... Ну, читал по школьной программе давным-давно. А что?

— Да так сдаётся мне, что всё творящееся с тем очумелым байкером чем-то похоже на историю со всадником.

— Э, возможно. Погоди, ты хочешь предположить, что наш велосипедист — труп?! Как тогда его велик едет? Если безголового возил живой конь, то байк просто так никуда не двинется!

— Ну, тут уж не знаю: именно такого предположения я не строил. Просто показалась мне сама ситуация слегка похожей.

— Да, слегка...

Тем временем Надя и Витя колесили через один из многих парков, тот, который был не совсем в центральной части города, но и не особо далеко от неё. Велоохотница так и не была посвящена во все подробности дела, хотя всё же догадывалась, что предполагаемая «охота» будет чем-то совершенно не тем, что можно было представить. В конце концов, откуда бы в парке взялся настоящий олень, если до ближайшего леса, и то населённого преимущественно белками, изрядно километров?

Велосипедистов в округе было немало, однако того, из-за которого всё началось, и который заставлял всех шарахаться, пока не удавалось запеленговать. Напротив, двое «охотников» отчасти выполняли его работу по распугиванию народа: всё-таки торчащий из-за спины девушки приклад ружья заставляет задуматься, прежде чем с ней связываться или вообще подходить слишком близко. Ввиду этого факта путь по слегка заполненным людьми аллеям парка не знал задержек: каждый любезно уступал дорогу столь необыкновенным господам.

— И всё-таки, Витя, на кого мы вправду охотимся?

— Так на оленя же.

— Да врёшь! Ну скажи, всё равно я уже не отступлю. Просто нужно знать, на кого доведётся направлять ружьё: от этого и выбор боезапаса зависит…

— Эх, лады, хотели, чтоб это было нежданчиком, но так уж и быть. Мы ищем чокнутого велогонщика, который в последние дни изрядно нашумел в округе.

— Стоп, так мне придётся стрелять в человека?!

— Человека? Скорее в призрака или робота. Наверняка ты читала новости, но добавлю, что мы сами видели воочию: то, что он вытворял, притом уцелев, совсем не человеческое.

— Вот так дела… — задумалась Надя, видимо, мысленно прибавив: — И во что меня втянули?

Велоохотница даже сбросила скорость, как бы пытаясь отстать, но Виктор тут же напомнил:

— Не забудь: полминуты назад ты пообещала, что не отступишь.

— Нда, и чего меня дёрнуло с вами? Ладно, не буду пускать слов на ветер.

В этот момент Эрнест и Иона разъезжали по главной площади города, в самом что ни на есть его центре, высматривая искомую цель направо и налево. Сбоку остались несколько фонтанов, ещё не запущенных то ли вследствие лени, то ли экономности правительства, то ли того и другого; осталась в стороне и ратуша, где это правительство обитало. Преодолены и группы раздавателей рекламы, мимо которых обычно спокойно не пройдёт ни один пешеход, но всунуть бумажку велосипедисту эти спамеры бы ни за что не смогли. Даже королевская стража, наверное, не цеплялась так ко всем людям, как эти надоедливые, словно мухи, подрабатывальщики.

Площадь закончилась, и пошли различные боковые улицы, которые так и были усеяны бесконечными кофейнями, ресторанами и прочими подобными заведениями. Ни ума, ни фантазии: казалось, каждый состоятельный житель города видел, что его сосед открывает кафе, и тут же решал рядом отгрохать своё, норовя переплюнуть соседское. Глазеть на центр, дивясь ментальности здешних обитателей, можно было бесконечно долго, но сейчас не стоило рассеивать внимание, чтобы не упустить любых следов очумелого байкера.

Усердие ребят принесло плоды, и вот в другом конце одной из недлинных улиц был замечен пролетевший силуэт. Недолго думая, велосипедисты ускорились и помчали в том направлении, попутно доставая из карманов телефоны, чтобы уведомить остальных на случай, если это было действительно то, что и думалось. Едва лишь был обогнут угол старинного архитектурного сооружения, разделявший улицы, как перед взором байкеров предстал неизменный и всё ещё страшный своим безумием велоидиот.

— Всем охотникам, приём! «Олень» обнаружен! Улица М-ная, движется к центральной площади! Все на ловлю!

— Принято. Скоро будем.

— Ясно, Эрнест, сейчас подтянемся.

— Так точно! Едем.

Пока что до цели было с полсотни метров, и следовало получше разогнаться, дабы сократить расстояние до удобного для выстрела. Вместе с тем нужно было и подготовить к бою винтовку, что на ходу оказалось чуток затруднительным. На довольно высокой скорости Ионе удалось отпустить обе руки, выхватить «пушку» и разломить её для заряжания. Тут-то очень помогло разделение обязанностей, поскольку рыться в кармане в поиске пуль, другой рукой удерживая оружие, а телом балансируя, чтоб не потерять равновесие, было бы чересчур круто. Поданный товарищем патрон вошёл в ствол, и через пару секунд ружьё оказалось готово к стрельбе.

Надо сказать, байкер, едущий на велосипеде с винтовкой, выглядит просто несравненно. Хотя нет, сравнить его всё-таки можно — с кавалеристом, на полном скаку мчащимся на вражеский фланг. Велокавалеристы же успешно сократили дистанцию до противника вдвое, но всё ещё стрелять было рано: сила пневматики наилучше проявляется с десятка метров. Но тут на помощь пришёл

поворот, который чокнутый прошёл очень странным, безбашенным образом, заметно проиграв во времени более аккуратным преследователям: не трогая руля, он под углом врезался в бордюр, отчего развернулся достаточно, чтобы продолжить езду по дороге.

Теперь уже соперник оказался близко, и можно было прицелиться. К слову, предыдущая погоня хоть и не увенчалась успехом, следы кое-какие оставила: колесо сумасшедшего оказалось погнутым, но изогнулось как-то удачно, поскольку несмотря на это не мешало ехать прямо. Пора стрелять!

Прозвучал хлопок воздушки, и вылетевший из неё кусочек металла угодил в самый край плаща преследуемого.

— Ничего себе винтовка косит! Её пристреливать по ходу дела придётся!

— Ничего, держи ещё пулю! Как раз пока пристреляешь, остальные подтянутся.

Второй выстрел, и снова лишь задело, но уже ближе.

— Кабы ещё они нас нашли, а то шут знает, куда этого болвана занесёт.

— Найдут, и я даже знаю как. Эй, олень, что, кончились твои марши? Погоди же, теперь наша очередь заказывать музыку, причём в прямом смысле! — и с этими словами Эрнест выхватил мобилку и включил на полную громкость первую попавшуюся задорную, боевую мелодию.

— О, так намного веселее, — одобрил Иона, стреляя снова и всё лучше попадая.

Преследование продолжалось, и пули с равными промежутками времени летели в чокнутого одна за другой, однако гонщику было на них по барабану. Если презрение первых выстрелов можно было объяснить промахами, то вот очередной из них попал точно сопернику в руку, и не почувствовать его было нереально. То ли велоолень отличался крайней выдержкой, то ли абсолютным безразличием, то ли имел необычайно высокий болевой порог, но он не только не обернулся, чтобы хотя бы посмотреть, кто же его «угощает» свинцом, а даже и не дрогнул. А между тем боезапас изрядно поредел.

Очумелый байкер уже выезжал на площадь, как тут подоспели Борис и Давид. Боряныч уже держал наготове тировой пистолет, и вот прозвучал удар металла о металл: это выпущенная пуля угодила прямо в раму. Надо сказать, стрелять из «Маузера» на ходу было значительно удобнее, чем из винтовки, хотя и в обычных условиях всё было наоборот: на руку играла меньшая масса оружия. Теперь огонь вёлся в два ствола, и погоня стала больше походить на охоту. Заменить преследуемого на настоящего оленя, велосипеды — на коней, а городские строения — на лес — и можно бы было писать охотничью картину. Хотя и так действо выглядело достойно, особенно в глазах ничего не понимающих, но осознающих всю серьёзность происходящего пешеходов.

Окружающие едва успевали отпрыгивать с пути велокавалеристов, кто-то и вовсе стремился убежать, а иные, как это всегда бывает в критических ситуациях, доставали телефоны и снимали действо на камеру. По преследуемому было выпущено уже не меньше двух дюжин патронов, из

которых несколько угодило точно в спину, но это снова не волновало наездника.

Вдруг раздался характерный звук огнестрельного оружия, ни с чем не путаемый взрыв пороха при выстреле из гладкоствольного ружья, сопровождающийся прямо-таки клубами дыма. Было очевидно: это пальнула Надежда, всё-таки сдержавшая слово прямо включиться в дело. Жаканная пуля просвистела над брусчаткой и влетела в бок безумного гонщика, наконец-то заставив его шелохнуться. Тут же что-то капнуло на землю, но было ли это то, что сразу всем пришло в голову, проверить не представлялось возможности.

— Что я наделала! — воскликнула велоохотница, опуская ружьё и замедляясь.

— Спокойно, Надя, делается именно то, что нужно! Теперь уже поздно отступать, и надо остановить «оленя»! Давай из второго ствола, хотя бы по колесу!

Насилу вновь подняв оружие, Надежда сделала ещё один выстрел. Однако увеличившееся расстояние до цели, а в особенности волнение по поводу только что содеянного привели к промаху: жакан ушёл слишком влево и, отрикошетив от асфальта, улетел незнамо куда. Идеально бы было перезарядить ружьё и попробовать «угостить» преследуемого качественным свинцом ещё раз, но охотница уже не собиралась этого делать. Отправленные вдогонку пули из воздушек, конечно, попали в цель, но по сравнению с пулями из настоящей «пушки» они были лишь комариными укусами.

— Да что, у него, что ли, плащ бронированный?

— Ага, ещё со вшитой кольчугой, скажи. Хотя кто его знает.

— Ну-ка, дава… Опа, что это?! Менты?!

Задорная музыка, игравшая у Эрнеста всё время погони, была перебита воем полицейской сирены, а глаза велосипедистов на долю секунды были ослеплены появившейся из-за ближайшего поворота ярчайшей сине-красной мигалкой. Неясно, за кем гнались стражи порядка, но если бы они увидели вооружённую велосипедную «кавалерию», то у ребят бы наверняка возникли неприятности.

— Угораздило их тут появиться… Прячем «волыны»!

— Лучше бы они погнались за тем очумелым.

— Винтовку, винтовку за спину, и чтоб поменьше торчала! Тут уже не преследовать, тут самим удирать надо!

Едва лишь байкеры успели кое-как убрать «охотничью» атрибутику, как служебный автомобиль подлетел, остановился на дороге напротив них, и из него выскочили двое полицейских.

— Врассыпную!

Велогонщики помчали в разные (насколько позволяла улица) стороны, а полицаи, держась одной рукой за привешенные к поясу дубинки, трусцой бежали к тому месту, где «кавалеристы» только что были. В этот же момент из интегрированного в полицейскую машину «матюгальника» раздалось что-то угрожающее, но не особо разборчивое, и, к счастью, слова «велосипед» там,

кажется, не проскакивало. Оглянувшись, Витя заприметил, что менты следовали, судя по всему, за каким-то мужиком хулиганского вида, мчавшим от них во весь опор. Принятые байкерами меры перестраховки оказались отчасти излишними, но не напрасными: кто знает, какую бы цель выбрали стражи порядка, не спрячь ребята вовремя оружие.

Погоня за безумным велосипедистом была почти сорвана, хотя ребята всё же попробовали вновь слиться и продолжить преследование. Потерянные из-за внезапного появления полиции десятки секунд дали чокнутому уйти на приличное расстояние, и хотя ещё можно было взять его на прицел, этого делать не стоило: дистанция могла привести к промаху, а косая пуля могла поразить совсем не того, кого надо. Ситуация являлась почти безнадёжной, но тут на связь вышел Никита:

— Эй, я вижу безбашенного! Почему вы за ним не гонитесь?

— Да мы тут от ментов удирали. Гонимся, но уже далеко, почти без шансов.

— Тогда мы с Деней поднажмём, можете не париться.

— Превосходно!

Обрадовавшись, что ещё не всё насмарку, шестеро велосипедистов расслабились и предоставили Денису с Никитой право завершить начатое, а сами направили колёса домой. Со стороны «подкрепления» в обезумевшего полетели новые пули, благо, стрелял Деня метко. Один раз даже удалось поразить заднее колесо, но, видимо, толстая покрышка вкупе с касательной траекторией полёта не позволила пробить камеру.

Ребята появились очень удачно и очень вовремя, прямо-таки «подсев на хвост» преследуемому. Можно было даже ещё чуть поднажать и заехать очумелому прикладом, что, возможно, Денис и собирался сделать, но тут его взгляд замер на самом транспорте велодурня.

— Да это же… мой велик!

— Что-что?!

— Тот, что я дней пять назад профукал! Да, и педаль одна отломана, и модель та же, только боковые колёса прикручены.

— Не может быть!.. Аккуратно!

Засмотревшись на байк, преследователь утратил контроль над дорогой, и, когда вслед за безумцем пересёк бордюр, потерял управление и чуть не грохнулся. Винтовка выпрыгнула из рук, но Денис буквально в последний момент спас школьный инвентарь от удара о землю, заплатив столкновением колена с асфальтом. Никита притормозил.

— Помощь…

— …не нужна!

— Тогда я его всё же догоню! — выкрикнул байкер уже через плечо, максимально быстро крутя педали.

Преследуемый и последний оставшийся преследователь умчали вдаль, почти скрывшись из виду, а Деня поехал в противоположном направлении, вскоре догнав остальных. Повреждения были мизерными, но болючими, а сам

казус забрал немало секунд, столь незаметных, например, во время перемен, но столь драгоценных в некоторых подобных этой ситуациях. Сошедшие с дистанции велогонщики держали неспешный обратный путь, а затем разъехались по домам, лишь надеясь завтра в школе получить от Никиты хорошие известия.

VII. День дурака

Остаток дня все и каждый потратили на приготовление к завтрашнему. Но не уроки делались старшеклассниками: никакая домашка не займёт ученика на столько времени, на сколько его увлечёт подготовка к какому-нибудь мероприятию. И любой считал своим долгом сочинить ко дню смеха некое петросянство, чтобы не явиться в школу с пустыми руками, а иметь достойный ответ на чужие шутки, которые непременно посыплются в непредсказуемом количестве. Кто-то (более ленивый) принялся искать всевозможные розыгрыши в Интернете, а иные (более креативные) пытались выдумать нечто занятное самостоятельно. Вооружившись запасом юмора в сумме с небольшим количеством дурости (или большим, у кого как выходило), первого апреля ученики явились в школу в полном составе, как не приходили даже на контрольные.

Первый урок, труд, для крутости с прошлого года переименованный в технологию, прошёл довольно спокойно: никто не хотел открывать свои карты с самого же начала, приберегая шуточки до большой перемены или хотя бы до следующего занятия. Конечно, не обошлось без более усердного, чем обычно во время учебного процесса, хихиканья, но не боле. Хотя нет, одно событие всё же произвело всеобщее впечатление, но связано с днём смеха оно было чуть менее чем никак.

Дело в том, что именно сегодня Боряныч решил принести в школу свою работу, начатую дома, — стул со спинкой. Только представьте себе прохожих, наблюдавших шествие школьника, прущего в школу полноразмерную, ещё не отделанную мебель, и сохранявшего при этом серьёзнейший вид лица! А предположите реакцию завуча, дежурившего на входе, когда он увидел сперва проталкивающийся в двери «трон», а затем и самого его создателя! Удивлению народа не было предела, и большинство думало, что это какая-то шутка, что, например, стул — всего лишь макет, но это было неверно. Нешлифованность, отсутствие покраски и общий незавершённый вид лишь придавали изделию шарма, и любой вошедший в кабинет трудов считал своим долгом посидеть на «троне», убедившись в его практичности и совершенно презрев риск загнать занозу в известное место.

Но появление столь ошеломившего всех стула было лишь совпадением, а вот со второго урока начались спланированные первоапрельские развлечения, по большей части, впрочем, отличавшиеся исключительной «бородатостью».

— У тебя спина белая!

— У тебя тоже!

Посмеялись друг над другом и разошлись, да только разница в том, что в отношении одного это была просто провокация, а вот в отношении второго —

констатация факта, поскольку спинку его стула предварительно измазали мелом. Вот кто-то ухватил ведро воды, предназначенное для мытья доски, и сел с ним в засаду около двери в кабинет, надеясь обдать первого вошедшего. Но обливной понедельник путать с днём дурака не стоит, особенно с учётом того, что прежде остальных в класс может войти учитель. Так и произошло, и очень повезло шутничку, что, уже задрав ведро для обливания, он вовремя остановился, иначе бы заварушки с участием, возможно, самого директора было не избежать.

Урок, начавшийся после чуть не случившегося инцидента, поначалу был непримечательным, однако ближе к его концу полкласса, словно стадо баранов, вдруг принялось пялиться в потолок. Насилу борясь со стадным инстинктом и природным любопытством, Борис, Денис и несколько рядом сидящих пытались уразуметь, что стряслось, как тут им передали записку, видимо и ставшую причиной столь странного поведения многих. Её текст не содержал никакого приказа, но, несмотря на это, невольно побуждал его прочитавших к определённому действию, глася: «На потолке мандарин». Деня хотел было задрать голову, чтобы убедиться в правдивости поступившей «сверхполезной» информации, но одумался, не желая уподобляться другим. Было ясно, что кто-то решил сыграть на естественном поведении среднестатистического человека, так пусть же его ждёт хотя бы частичный облом. Надо сказать, мандарин действительно был на потолке, вернее, след от него, причём уже пару лет: будучи ещё в младшем классе, ученики пулялись этим фруктом, и в результате расплющили его об верх классной комнаты. Мандаринный сок оставил пятно на штукатурке, и с тех пор оно напоминает всем о былых временах. Несомненно, именно этот фрукт и имелся в виду, но вряд ли он стоил того, чтобы ради его созерцания отвлекаться от занятий. Улыбнувшись на записку, Денис взял ручку и приписал: «Автор — Петросян», отдав послание обратно тому, от кого его получил.

Со звонком старшаки поспешили покинуть класс, чтобы провернуть свои шутки по всей школе или дабы просто не засиживаться на месте. Сюрприз, однако, ожидал нескольких одноклассниц: желая прихватить свои сумки, обыкновенно лёгкие из-за не ношения учебников, дамы вдруг обнаружили, что их вещи оказались словно прибиты к земле. После нескольких безуспешных попыток хотя бы приподнять сумки началось перебирание содержимого. И впрямь, вскоре оказалось, что туда какими-то умниками были подложены несколькокилограммовые «блины» от гантелей. Насилу их выгрузив, ученицы двинули по своим делам. И поделом этим госпожам: не утруждаются с лишним грузом, думают, что всегда можно «стрельнуть» необходимую книгу у более прилежного мальчишки? Как бы ни так!

А покуда одноклассницы парились с собственными сумками, одиннадцатиклассники-велосипедисты вознамерились отыскать Никиту, чтобы выведать, чем же окончилось вчерашнее действо. В кабинете девятого класса, равно как и на всём этаже, его не было, значит, было логично поискать в

столовке — вряд ли бы ему захотелось вообще пропустить нынешний учебно-развлекательный денёк.

Спуск в полуподвал, и тут — опа! На лестнице обронена мелкая купюра — как не поднять? Однако ученик старших классов научен не доверять нежданному счастью, вернее, доверять, но проверять, так что прежде, чем засунуть халявную мелочь в карман, стоит хотя бы её осмотреть. И действительно: очередная чья-то уловка, поскольку на найденной купюре вместо полагающегося портрета исторического деятеля красуется изображение шута. И, кажется, даже ясно, кто устроил этот розыгрыш: вон он, стоит неподалёку и угорает. Ух, будет тому балбесу!

— Ну, что, фальшивомонетчик? С таким поддельным баблом тебя первая же продавщица раскусит, ха! На, забери и не смущай честной народ!

Радуясь, что не попались на чью-то удочку, старшаки забрели в столовую и тут же запеленговали товарища, достаивавшего в очереди за порцией. Хорошо ещё, что была короткая перемена, поскольку на большой здесь обычно собиралось две трети школы, и протолкнуться оказывалось почти нереально. Некоторые, конечно, пытались лезть без очереди, но получали за это такие «комплименты» от столовщиц и учеников, что делать это было себе дороже. Да и после простаивания доброй четверти часа в ожидании еды последняя становилась намного вкуснее, даже если в сегодняшнее меню входили нелюбимые продукты.

Дождавшись, пока Никита получит провиант, велосипедисты подсели к нему и принялись задавать вопросы (школьники почти никогда не пользуются правилом «когда я ем, я глух и нем», руководствуясь альтернативным: «когда я кушаю, я говорю и слушаю»).

— Здрав буди! Что ж, как там погоня вчерашняя окончилась? С успехом?

— Привет! М-м… почти с успехом.

— То есть? Неужели тот тип даже от тебя сумел уйти?

— Ну, в общем, да. Безумный в один момент просто взял и как сквозь землю провалился! Мне только руками развести оставалось.

— Да что за дела! Может, и вправду всё это время мы имели дело с нечистой силой?

— Ни в коем случае! Вы же видели, что наш гонщик вполне материальный, а потому, нет сомнений, мы его поймаем. Причём сегодня же! Хватит этих заездов — снова соберём всех, кого можно, поедем в центр, натянем на пути его следования трос и просто выбьем идиота из седла!

— Завидная уверенность! Но почему бы ему не оказаться где-то в другом месте? Может, стоит опять разъезжаться в разных направлениях?

— Э… не думаю, что этот байкер появится не там же, где он исчез. Сколько раз его встречали, он всегда был в центральной части города, ну кроме первого появления. Словом, считайте, чуйка мне так подсказывает.

— Ладно, будь по-твоему.

Звонок, раздающийся эхом на этажах и взбудораживающий всех, но едва слышный в столовке, призвал учеников возвращаться в кабинет, а Никиту — предварительно ещё и удвоить скорость потребления пищи, чтобы не опаздывать чересчур на занятие.

Прошёл ещё урок, на котором было найдено немало поводов посмеяться (спасибо учителю, попускавшему небольшие отвлечения от своего предмета ради недолгой разрядки). Однако ко второй половине школьного дня все начинания постепенно свелись в обыкновенное русло: шуточный потенциал многих исчерпался, и на кого-то даже стала надвигаться лёгкая скука. «И где же те времена, когда к часу дня нам уже можно было расходиться по домам?» — невольно думалось старшеклассному народу. Всё-таки нельзя по пятницам ставить более шести уроков, а то в преддверии выходных толку с учащихся становится как с козла молока.

Тем не менее, когда всё обучение на эту неделю благополучно закончилось, не было такого школьника, который бы не нашёл в себе силы, несмотря на общее утяжеление головы вследствие полученных знаний, вскочить из-за парты и радостно побежать вприпрыжку по улице, точно заяц. Велосипедистам же довелось после чуток изнурительного, но всё же незаменимого и радостного времяпрепровождения в школе собрать намного больше энергии, чтобы быть готовыми к очередным велоразъездам. Но стоит лишь взяться за руль байка, как тут же нахлынет приток сил, и никакая усталость не сможет помешать велогонщику катать вволю.

Намерение снова собрать целую велоорду было исполнено, и теперь на охоту за неуловимым байкером отправилось аж девять человек: те же, что и вчера, да ещё Юра, знакомый Дениса, с которым он давеча профукал велик. Увидев, что обезумевший разъезжал на его велосипеде, Деня решил допросить товарища, на которого был оставлен транспорт с отломанной педалью. Однако Юрка ничего вразумительного объяснить не смог, кроме того, что доставить байк друга до мастерской ему не удалось. Тем не менее, из-за этого он чувствовал какую-то вину, так что с радостью согласился помочь в велоловле.

«Отчалив» от своей неизменной точки сбора подле родной школы, велосипедисты двинули прямиком в направлении центральной площади города. Никита всех вёл, изредка подбадривая шуточками и задорно совершая прыжки на каждом попадавшемся бордюре, и ни у кого не возникало сомнений, что успех затеи обеспечен. Возможно, трюкач узнал что-то про чокнутого гонщика, но не хотел портить сюрприз, а может, ему была прямая дорогу на шоу сродни «Интуиции».

Как бы то ни было, без всяких возражений байкеры прибыли в центр и стали готовиться к засаде, что немного осложнялось нежеланием смущать прохожих, так что действовать пришлось наполовину под шумок. Главным, по замыслу Никиты, предметом для сегодняшней ловли должна была стать автомобильная лебёдка, которую следовало натянуть прям перед носом у несущегося противника, чтобы попросту сбить его. Разбив соратников на две группы по четверо, Никита развёл их на расстояние, какое позволяла длина

троса, вручив товарищам разные его концы, а сам стал колесить неподалёку, высматривая цель.

Лебёдочный трос стелился по земле, ничуть никому не мешая и не вызывая подозрений, но мог быть в одно мгновение поднят на нужный уровень. Велосипедисты же стоя сидели в ожидании (такое возможно только верхом на байке), усердно болтая и изучая взглядом архитектуру собственного города. А смотреть было на что, равно как и для обсуждений тем появилось немало: стоит лишь пару минут пройтись по собственному поселению не с делом, а просто с самостоятельной экскурсией, и можно открыть много нового даже в с первого взгляда знакомом тебе месте. И так приятно вспоминать то, что преподавали на предмете градове́дения (а не градоведе́ния, как ставила ударение одна ученица, — такую науку изучает разве что мэр), осознавая, что вот оно — то здание, про которое говорил учитель, и припоминая его занимательную вековую историю.

Например, отличным поводом для смеха и дискуссии был дом, в котором когда-то один зажиточный господин организовал винный погреб. Прикол был в том, что в эннадцатом веке на улицу из здания выходил кран, из которого можно было набрать вина (естественно, предварительно рассчитавшись), и однажды по поводу празднества поток алкоголя оттуда не перекрывался весь день: хозяин всех угощал на халяву. Да, сейчас такой щедрости ни от кого не дождёшься, увы…

А что, если оговорить занятную историю появления брусчатки в городе? Говорят, раньше тут дороги были уложены деревом: сильной потребности в камне не было, ибо вечные кони к покрытию менее прихотливы, чем современные авто. Однако, как это всегда бывает с отечественными дорогами, за этими никто не следил, и древесина гнила да подгнивала себе потихоньку. И угораздило же в злополучный момент наведаться сюда короля! Копыто его лошади в один прекрасный для жителей и не прекрасный для правителя миг буквально провалилось сквозь землю, отчего карета перевернулась. Слова, которыми король «награждал» бестолковых местных управленцев, не сохранились в истории, но после этого инцидента по личному приказу батюшки-государя центр города и подъезды к нему были вымощены первоклассной брусчаткой, что сохранилась до сих пор.

Будучи хоть мало-мальски образованным, вспоминать исторические факты и любоваться красотами родного города можно хоть до скончания века, но временами жизненные обстоятельства заставляют тягу к прекрасному отойти на задний план. Велосипедисты были отвлечены от высокого внезапно появившимся и неуклонно нарастающим звуком, вскоре перешедшим в отчётливый боевой марш.

— Он здесь, готовьтесь! — привёл всех в чувство голос Никиты, пересёкшего полосу ловушки и остановившегося с другой стороны.

Вслед за девятиклассником мчался многим поднадоевший, а потому вдвойне презренный безбашенный велогонщик. После стрельб его вид несколько поменялся, в частности, сидел он кривовато, капюшон совсем налез на глаза, а плащ в нескольких местах и в особенности в месте попадания жакана

был продырявлен. Но эти мелочи никого не волновали, поскольку каждый держался в напряжении, чтобы точь в точь тогда, когда нужно, потянуть трос и покончить с тайной велодурака раз и навсегда.

Даже не пытаясь замедлить свой ход и всё так же не прикасаясь ни на мгновение к рулю, очумелый «олень» летел навстречу своему концу.

— Ну же, теперь или никогда! Раз, два, три… Ну-ка, потяни!

За метр перед сумасшедшим велосипедистом выросла полоса надёжной скрученной в верёвку стали, как раз чуть пониже плеч. Последовал импульс, от которого все байкеры пошатнулись, но зато их цель наконец-то разъединилась с краденым транспортом. Велик умчался дальше — за ним погнался Денис, законный владелец, а на землю между ребятами грохнулось нечто. Велосипедисты побросали транспорт и подскочили к лежащему на спине субъекту; после пары пинков было решено распахнуть плащ и посмотреть, кто же скрывался под чёрной тканью.

Каково же было всеобщее изумление, когда безбашенным байкером оказался… никто! Не кто-то, а что-то было на земле, и даже ясно, что — большой туристический рюкзак. Все просто застыли на пару секунд, а затем следом за Никитой залились смехом.

— Ха-ха-ха-ха-ха! Ой, не могу! Над чем смеёмся-то? Над собой смеёмся!

— А и действительно, хе-хе! Но всё же, теперь время находить объяснения всему этому. Мозговой штурм: как эта сумка могла с неделю разъезжать по городу?

— Начнём искать ответы с конца, — неожиданно заявил Никита, ставя руки в боки и изображая хитро-довольную улыбку. — Честно скажу: последняя, только что случившаяся встреча с «велосипедистом» была подстроена мною.

Все аж отшагнули назад, но трюкач продолжил:

— Да-да! Вчера я таки довёл преследование до финала и догнал этого… этот объект. Байк тот в конце концов врезался в стену (не без моей помощи!), ну и даже боковые колёсики не помогли ему не перевернуться. Я точно так же осмотрел упавший рюкзак, был поражён не меньше вашего, ржал с себя, как конь. Но потом, просмеявшись минут десять, решил, что нехорошо как-то лишать вас столь великого удовольствия, пожиная все плоды самостоятельно. Вот тогда я и поднял транспорт, снова установил «всадника» на седло (можете видеть: сумка недурно привязывается ремешками), поправил слетевший плащ, ну и так далее. Потом наш велоолень был завезён повыше и спрятан до надлежащего момента.

— И затем ты нас позвал сюда, чтобы устроить шоу!

— Именно! Собственно, несложно понять, что только благодаря нашим неровностям рельефа и чьему-то участию чокнутый «байкер» и ездил по улицам града. В принципе, даже постоянно подсоблять ему не требовалось: наше поселение, как знаете, на семи холмах (точно как и Рим, хе!), так что достаточно было разок удачно спустить это чучело с горки, чтобы оно с час минимум самостоятельно гоняло.

— Ну, Никита, ты даёшь! Всех нас развёл и веселье устроил!

— А то! С первым апреля!

— Стоп, а что было остальные разы? Ты же не замешан в предыдущих появлениях «безумного»?

— Неа. Тут уж придётся «копать» и мыслить логически.

Тут вперёд шагнул Юра, одновременно косясь в сторону, куда умчал Денис.

— Пожалуй, я знаю, как возник ваш «велосипедист». Тут всё по моей оплошности… Только не хотелось бы, чтобы Деня слышал.

— Как это «не хотелось бы»?! — раздался из-за спины Юрки надуто-грозный голос Дениса, тут же ставший звучать по-приятельски, — Ты и так признался, что с моим великом тебе откровенно не зафортило, так что давай, глаголь всё, что знаешь. Мне обижаться не на что.

— Ну, лады. Видите ли, когда мы катались за городом, Денис случайно отломал педаль и попросил меня свезти его транспорт на ремонт, поскольку должен был спешить куда-то. Сам он двинулся на ближайшую маршрутку, а я решил сразу исполнить просьбу товарища. Ну, а чтобы меньше париться со вторым велосипедом, я решил использовать его в роли вьючного осла. Дабы байк мог ехать без поддержки, выдумал прикрутить ему боковые колёса, благо, у меня с собой какой только всячины не бывает. Потом прикрепил к седлу свой рюкзак, спасая плечи от усталости, а сверху накинул плащ, ибо становилось слегка жарковато. Дальше думалось привязать верёвкой Денин велик к своему, да только пока я налаживал узел, транспорт взял и удрал. Да, вот так! Всё это происходило на небольшой возвышенности, ну и я, видимо, нечаянно пихнул байк — он и поехал, вскоре выбравшись на трассу. А я двинул следом: надо же не подвести друга!

— Велик удрал далеко вперёд?

— Да, изрядно. Только и того, что удавалось не терять его из виду.

— Ага, значит, именно тогда его и заприметил народ, а вскоре появилась новость об этом происшествии.

— А музыкальное сопровождение к велосипеду — тоже твоя работа?

— А, да, моя. Чтоб скучно не было, воткнул в рюкзак собственную мобилку и портативный динамик, поставив случайный плейлист, куда вошли всяческие марши. Без музыки и радости нет!

— Ладно, ясно. А что дальше? Похоже, догнать транспорт так и не удалось?

— Почему же не удалось? Вышло, только нескоро и совершенно не в той части города. Уже стемнело, и пока бы добрался до мастерской, она бы точно оказалась закрыта. Поэтому пришлось везти велик к себе домой — я наконец-то привязал его к своему и помчал, приехав аж за полночь.

— Так значит, это тебя я тогда видел на своей улице, а безбашенный «гонщик» тащился следом на верёвочке? — сообразил Денис.

— Вероятно, по крайней мере, мимо твоей хаты я проезжал.

— Вот те на! Но ты же не возился с байком почти неделю? Что было на следующий день?

— Да что: отправился на учёбу с утра, а велик, вместе со всем навьюченным, оставался у подъезда, к сожалению, непривязанный: в моём районе воруют редко, да и кто бы окромя соседей стал лезть на улицу с огромадным уклоном вверх? Но вернулся к обеду, думал, пойду свезу уже байк на починку, а его нет!

— Удрал, вестимо? Когда же ты прибыл домой?

— Хм… Часам аж к пяти, наверное.

— О, тогда всё сходится! Как раз мы с Борисом и Эрнестом устраивали перегонки с трамваем, и в один момент что-то заставило «велодурня» «отчалить».

— Э… а ты музыку, что ли, на ночь не выключал? Она-то продолжала играть!

— Вроде выключал, но мой телефон любит иногда чудачить. Не вышел из проигрывателя — и музон сам собой мог активироваться.

— Хорошо, а дальше?

— Ну, а дальше я уже Денисов байк не видел. Извини, камрад, что не уследил за твоим транспортом.

Неожиданно самостоятельно начавшийся ход раскрытия дела остановился, и теперь для его продолжения необходимо было пошевелить мозгами. Все в раздумьях приняли различные философские позы, временами выдвигая всякие до смеху невозможные предположения, и лишь через пару минут Иона выдал дельную мысль:

— Народ, мы тут строим дурацкие догадки, а на деле всё могло быть намного проще! После смертельного пересечения двух оживлённых дорог велик не мог далеко умчать, вот его кто-то позднее и нашёл. А поскольку поднявшийся из-за этих событий шум был на руку, например, новостникам, то истории с очумелым байкером решили дать продолжение. Вот через денёк транспорт и затащили в самый высокий городской парк, отпустив в свободные разъезды.

— И вправду! Причём, возможно, его специально направили на нас: нужно же было, чтобы кто-то снова увидел это пугало. А может, нам просто повезло оказаться в том же парке в тот же момент.

— Вот так. А что касается последней погони, той, когда мы с винтовками охотились, то можно предположить, что тут были замешаны кто-то ещё, разгадавшие сущность «велосипедиста» раньше нас. Наверняка какие-то петросяны в преддверии дня дурака решили позабавляться с «чумным» байком, да и заставили его катать по центру.

— Ух, эти шутники, наверное, были поражены, увидев нас в роли охотничков! А как менты подоспели, небось, наделали в штаны похлеще нас!

— Значит, тайна чокнутого велогонщика, считаем, раскрыта?

— Похоже на то!

Возвратив Юре его рюкзак и плащ, а Денису помогши приспособить его велик для удобной транспортировки, старшеклассники-детективы неспешно двинулись центральными улицами города к ближайшему парку, чтобы просто

спокойно покататься, скинуть напряжение и провести побольше времени в компании. Оживлённое обсуждение свершённого дела, как это всегда бывает, медленно перешло в пустяковые разговоры, но тут Эрнест вспомнил один упущенный момент.

— Эй, а как быть с тем, что этот «гонщик» появлялся на карьере? Велик ни за что бы не смог ехать по воде!

— Да, не смог бы, но всему есть своё объяснение, — ответил Боряныч. Гм… Наверное, ты видел мираж.

— Привидение?

— Почти. Читал в какой-то книге, что при определённых условиях над поверхностью воды, а то и попросту над землёй могут возникать иллюзии удалённых объектов. Так, в тот день стояла жара, плюс имелись ещё какие-то оптические обстоятельства, позволившие образу велосипедиста, что был на горе, возникнуть над карьером.

— А точно! Помню, тоже читал легенды про корабли-призраки и их научное обоснование. И как я сразу не догадался?

— Люди, а что насчёт последнего неразрешённого вопроса: каким же образом, когда я выстрелила по «велогонщику», из него хлынула кровь? — поинтересовалась Надя.

— Ха, ну, тут проще пареной репы. Никакая то была не кровь, а просто, например, кола или, скорее, томатный сок. Бутылка с этим напитком присутствовала в рюкзаке, вот ты её и пробила.

— Фух, а я уж думала, что поразила человека. То-то я тогда переволновалась!

Вдоволь насладившись пережитыми приключениями, товарищи-велосипедисты до конца дня катали вместе, радуясь жизни. Ничто не сравнится с хорошей велоездой, а если совместить её с прекрасной дружбой, то никакие проблемы не станут препятствием, и ни одна секунда не будет потрачена впустую. И экзамены вовсе не страшны, если готовиться к ним вместе с приятелем и если упорядочивать в голове полученные знания путём велокатания. И школа тогда совершенно не удручает, а становится любимым местом, ведь там твои друзья, с которыми даже самое обыденное времяпрепровождение можно сделать незабываемым!

Весёлая писанина

Не всегда литература бывает глубокомысленной и серьёзной — порою и пошутить нужно, продлить читателю жизнь смехом и приколоться над чем-нибудь, достойным внимания. Предыдущие разделы уже содержали юмор, а сюда вошло то, что не подпало под их тематику.

Рыцарь *(Бахриддинов Назар)*

Об игроке-ролевике

Сверкают клинки его в тёмной ночи,
Скелеты бегут, некроманты, личи.
Он магией сильной разрушил врата,
Погибнут враги и уйдёт темнота.

Он жизнью своею за мир рисковал,
Он шёл средь пустынь и лесов, и средь скал.
Весь жизненный путь он бродил просто так:
Он преданный всеми, наивный дурак.

Поэты и скальды слагали стихи,
И падали замертво злые враги.
И слава о нём загорела огнём,
И свет её ночью светил, словно днём.

Он кости кидает на каменный пол.
Игральные кости, что пали на стол:
И крутятся дайсы, решая судьбу.
Несут ли удачу, пророчат беду?

Псевдохокку о математике, геймерах и жизни
(Евстигнеев Борис)

Рассуждения о невнимательности при интегрировании

Задумав взяти интеграл,
Мудрец константу потерял.
Тут титул мудреца пропал.

В назидание тем, кто дифференцирует

Взяв производную снаружи,
Решил, от внутренней не нужно.
Уж лучше брось тетрадку в лужу!

О важности помнить весь пройдённый материал

Забыл коль формулу бинома,
Себя считай глупее гнома
И собирай металлолома.

О том, как сокращается число студентов в группах

Схватив на сессии талон,
Отличник школы удивлён.
Забрал тут документы он.

По мотивам еврейской пословицы

Козла в раввина борода
Не превращает никогда,
Но чем-то привлекает коз она.

Про тех, кто надеется ответить на любой вопрос с помощью всемирной сети

Интернет когда пропал,
Велий умник осознал:
«Без Сети мой разум мал...»

Геймерский опыт о бесполезности всего в руках неопытного

В Counter-Strike играв с нубами,
Встретил двух, страшны́х «стволами» —
Оба те убились сами.

Лающие криволапые моськи, не имеющие баномёта

Забанить грозят,
Мастеров встречая ряд...
Админ — я, ребят!

Сожаление о поколении, которое не впечатляют игры со стыка тысячелетий

Сказал отцу он:
«Се отстой, плохой графон!» —
Отец издал стон.

Взаимная неприязнь троих участников дорожного движения

В авто рулю — так бесят пешеходы,
Хожу пешком — водилы самоходов,
А на велосипеде — все уроды.

Матазарт прелестней карт *(Евстигнеев Борис)*

Азартных дел немало в мире:
И карты, гонки, и стрельба.
Но все они на нервах лире
Бренчат, что виснет аж губа.
Замена есть для них чудна́я
И эффективная одна:
Для ощущений урожая
Нам математика дана!

Незнающий её порочит,
От цифр лишь дрожит рука,
Но просвещённый действа хочет,
Награда для него близка.
Он ни рулетки не желает,
И ни дуэлей, и ни карт —
В задачу длинную вникает,
И наступает матазарт.

Не втянет покер человека
Так сильно, как решенья ход.
Готов сидеть ты хоть полвека,
Усердно двигаясь вперёд!

И даже выйгрыш миллиона
Ничтожен по сравненью с тем,
Как, выйдя за предел шаблона,
К ответу ты пришёл совсем.
Ты не рискуешь ни копейкой —
Адреналин не меньше бьёт:
Как в битве, машешь ты линейкой,
От счастья воешь, как койот.

Картёжник курит пусть в сторонке,
Азарт стрелок не смог познать,
Ведь в математики воронке
Кровь славно будет закипать!

Антиверлибр *(Евстигнеев Борис)*

Не люблю белый стих, хоть ты тресни,
А верлибр признать не могу:
В первом только полформы на месте,
А второй — как босой на снегу.

Для славянских ушей что приятно?
Слоготон[8] — строк созвучность и ритм.
Режут слух нам нескладные пятна,
И всегда ожидаем мы рифм.

Белый стих кто придумал, вестимо?
Рифмовать кто на деле не мог,
Выпендрёж кто любил очень сильно,
Но познал только ритм и слог.

Не звучать чтобы критиком глупым,
Что ругает, не пробовав сам,
Покажу в этих строках чудацких,
Что легко-то без рифм сочинять!

Коли париться мало ты хочешь,
Лишь исторгнуть словечки из уст,
Белый стих здесь на помощь приходит –
Льётся всё, как вода из ведра.

Но не так уж звучит это дико
(Допустимо разок в никогда),
Как верлибр корявый, безликий,
Где по форме сплошная беда,

Где «поэт» (без кавычек не скажешь)
Только в прозе, пожалуй, горазд,
Но стихами бросает — а как же!
Мнит, сработает это на раз.

[8] Слоготон — силлабо-тоническое стихосложение (наиболее привычное для русской и европейской литературы).

Не сработает! Искривлённые строки,
Да разной длины,
Что смотрелись бы в рассказе нормально,
В сей разбивке лишь репу чесать заставляют.

Мало слов как для прозы получилось?
На конкурс стихотворения лишь берут?
Не беда! Изощряйся верлибром,
Не заботясь ничуть!

Изойдите, дух лени, дух дури,
Не смущайте вы честных людей!
Страсть к верлибрам поэтов погубит,
Кто и так уж не мёртв без идей.

Полёт ежа (Евстигнеев Борис)

Пародия на всю серию «Котов-воителей» от Эрин Хантер

Под зелено-жёлтой листвой осеннего леса, на поляне, окружённой со всех сторон валунами и кустарником, мелькали пушистые фигуры. Это были коты одного из местных кошачьих племён, живших и выживавших по своим особым законам. Было бы долго описывать уклад их жизни, так что просто вдумайтесь в слово «племя», представив, например, индейцев, и перенесите всё воображённое на кошачий лес.

Возле пещерки, где обитали кошки-мамы с малыми котятами, именуемые здесь королевами, резвился, гоняя за собственным хвостом, котёнок-подросток по имени Острозубчик. Вокруг него вихрем кружила разноцветная шерсть: клоки оной он пару минут назад вырвал у своих сородичей, теперь укрывшихся от хулигана в детской пещере. Вероятно, Острозубчик так бы и баловался до

потери сил, если бы не почувствовал, что тепло солнца куда-то отступило, и его накрыло тенью.

Котёнок поднял глаза и увидел своего отца, серо-коричневого в меру крупного мускулистого кота Спинодуга, в племени имевшего довольно высокий статус глашатая, — он-то и заслонил собой гревшее дитя светило. Папа смотрел строго, как и подобает советнику и заместителю предводителя, переводя взгляд поочерёдно с сына на клоки шерсти, с них — на потерпевших котят, робко высунувшихся из детской, а с них — опять на сына.

— Мда-с... — недовольно прокомментировал Спинодуг, однако Острозубчик ничуть не испугался и не устыдился, а как ни в чём ни бывало затараторил:

— Папа, папа, ты вернулся? Как охота? Слушай, можем пойти хоть мышку поймать? Я тут уже со скуки извожусь, силы меня разрывают, а применить их некуда. Ну когда я уже стану воителем и смогу драться за наше племя?

— Так, тихо. Во-первых, давай помедленнее, а то тебя понятно едва ли больше, чем двуногих. А во-вторых, что это тут творилось? Чья шерсть? — кот приблизился мордой к одному их клоков и понюхал его.

— Это наша! — запищали котята, — Острозубчик...

— Силы выпускал, — тут же объяснил всё сын Спинодуга, ничуть не смутившись.

— Сто дохлых крыс тебе на завтрак! Шёл бы лучше дерево драл, а не соплеменников!

— Да что дерево... Мне нужна охота, сражения! Когда уже меня посвятят в воители?

— С таким непримерным поведением — лишь когда ежи полетят.

Котёнок выразил крайнее расстройство, отцу показалось, что он даже сейчас захнычет, а потому Спинодуг поспешил успокоить дитя:

— Ладно-ладно, не переживай. Давай всё-таки сходим на мышеловлю, пока день не закончился. Для племени я уже постарался, так что всё, что поймаем, — наше.

— Мур-ра! — и Острозубчик, едва не сбив с лап папу и ещё пару котов, полетел к выходу из лагеря.

Отцу-глашатаю ничего не оставалось, кроме как побежать следом, попутно предупредив о недолгой отлучке оказавшегося поближе воителя.

Выйдя из кошачьего логова в лес, Спинодуг окинул взглядом окрестности, одновременно ища сына и наскоро продумывая маршрут. Смутные опасения, что сорвиголова Острозубчик умчится на радостях невесть куда, мгновенно развеялись: он завис тут же, у стен лагеря, встретив своего товарища Узлохвостика, что был немногим старше его.

Увидев глашатая, этот котёнок почтительно наклонил голову, но надолго формальности не затянулись, ведь Острозубчик тут же со всей своей нагловатой настойчивостью попросил папу взять и Узлохвостика с собой.

— Ну, добро. Вдвоём хорошо, а втроём лучше, — согласился Спинодуг, про себя добавив: — Если только третий не хулиганистей первых двух...

Каким бы уютным и надёжным ни казался лагерь этого котоплемени, и сколь бы прекрасной ни была растительность кругом, он имел один существенный недостаток: подходящие охотничьи угодья находились за тысячу хвостов от него, и почти за всей едой приходилось мотаться в даль далёкую, что несложно «налегке», но весьма обременительно с пойманной добычей в зубах. Поэтому-то ни для котят, ни для котяр-профессионалов охота не могла быть простым развлечением, а вкупе с переносом пойманного в лагерь становилась своеобразным видом спорта, граничащим с выживанием.

Преодолев большую часть пути до «рыбных» (вернее, мышиных) мест, Острозубчик, разрываемый желанием разрывать добычу, а не лапы о землю, стал ворчать:

— Эх, ну почему нам не построить новый лагерь поближе к угодьям? Каждый был бы рад, а то эдак все силы, нужные для охоты, уйдут вникуда!

— Поддерживаю мысль товарища, — осторожно заметил Узлохвостик.

— Хм... Честно говоря, я во многом с вами согласен, но наш предводитель Звездогон из каких-то соображений этой затее не даёт добро. Может, имеет место его личная привязанность к месту и некоторая... консервативность, а может, какие-то глубокие замыслы, которые пока рано оглашать перед всем племенем.

— Но уж с глашатаем Звездогон мог бы поделиться своими соображениями!

Спинодуг лишь издал «мяу», полное неопределённости, а, помолчав, добавил:

— Как сейчас помню его слова на предпоследнем собрании племени: «Новый лагерь начнём строить, как только взлетят ежи»... Ладно, не наше дело — обсуждать и осуждать предводителя. Его задача — заботиться о благе племени, так будем считать, что ежедневная насыщенная физкультура нам на пользу.

— Будем счи...

— Тсс! — зашипел вдруг Спинодуг, пригибаясь к земле, — Слышу шорох. Ну-ка, прислушайтесь.

— Кто-то крупный, — заметил Острозубчик.

— Может, заяц? — предположил второй котёнок.

— Лишь бы не лиса. Жалко, что ветра нет — придётся полагаться на глаза и уши. Зато и нас цель или противник не унюхает так просто.

Коты приникли к земле, больше не говоря ни слова, и стали со всей присущей им ловкостью и мягкостью шагов приближаться к источнику звука. Вот шорох повторился — охотники замерли, как вдруг из дальних кустов вырвалось что-то круглое и, пролетев по широкой параболе, рухнуло в опалые листья неподалёку от зверей. Коты провели взор следом за неопознанным летающим объектом, на несколько мгновений оцепенев.

— Вы это видели?! — одновременно спросили друг у друга трое, переглядываясь.

— Это точно не птичка и не белка...

— По-моему, самое время строить новый лагерь, — заметил Узлохвостик.

— Э-э-э... Глазам не верю, но... Так, котята, сидите тут, а я проверю. Если вдруг что — нападайте с двух сторон и бейте тревогу.

Спинодуг быстро, но тихо направился к предполагаемой точке приземления НЛО, осторожно стал раздвигать лапой листья и вскоре снова онемел. Тем не менее, быстро сумел взять себя в лапы, а тогда махнул хвостом, веля котятам бежать к нему.

— Ну, что там?

— Да, Острозубчик, скоро, видимо, придётся тебя таки посвящать в воители...

Котёнок вопросительно посмотрел на отца, но последний лишь указал носом на листву. В куче лежал самый обыкновенный ёж.

— Фыр, я не понял, мы что, наблюдали полёт ежа?!

— Я тоже ничего не понял, но то, что этот ёж полетел, — факт.

— Мда... Что-то ему не повезло с приземлением, хоть вроде упал и на листья. Ушибся сильно, похоже, но вряд ли опасно.

Ёж тем временем вертел глазками, то переводя взгляд с одного кота на другого, то пялясь куда-то между ними. Попыток ни уйти, ни до конца скрутиться в клубок он не предпринимал — было видно, что ёжик недоумевал не меньше, чем созерцатели его полёта.

— Ну и дела! Слушайте, тьфу на охоту — пошли в лагерь, доложим о виденном.

— Твоя правда. За мной!

Коты со скоростью зайцев прибежали «на базу», влетев туда ещё быстрее, чем вылетал из неё Острозубчик перед началом похода. Соплеменники удивлённо смотрели на тройку, но вежливо уступали дорогу: раз бежит глашатай, да ещё и по направлению к пещере главаря, значит, лучше не быть на пути помехой. Спинодуг, едва не врезавшись в камень, заскочил в пещеру предводителя, но обнаружил там лишь одного из котят-оруженосцев, нынче приставленных здесь заниматься уборкой.

— Где Звездогон? — выпалил глашатай.

— У Горькоязыки, кажется: у него сегодня несварение какое-то.

Горькоязыка — это была целительница племени. Стоит сказать, что целители занимались не только тем, что соответствовало названию их кошачьей профессии, но и отвечали за связь со Звёздным племенем — котами-предками. Как и предводитель, целитель был один, и, если хотите, играл роль шамана, толкуя знаки и сны.

Спинодуг весьма обрадовался, что не придётся повторяться, а его рассказ услышат сразу и Звездогон, и Горькоязыка: в конце концов, летающий

ёж — незаурядное событие, и он вполне мог быть знаком от Звёздного племени, так что требовалось мнение знатока.

Прибыв в пещеру целительницы, глашатай незамедлительно приступил к делу, поскольку и так сегодня успел поздороваться со всеми.

— Ну-с, Звездогон, что ты говорил про постройку альтернативного лагеря?

— Его никогда не будет.

— А я помню, что ты обещал начать постройку сразу же, как полетят ежи.

— И? Разве это не одно и то же?

— Отныне — нет. Ежи полетели.

И главарь, и целительница, и её ученик уставились на Спинодуга выпученными глазами, даже не заметив, как сюда подоспели Острозубчик с Узлохвостиком.

— Что-что, Спинодуг? Ты, часом, не перележал на солнышке? — недоверчиво спросила Горькоязыка.

— Повтори, пожалуйста, — потребовал предводитель.

— Ежи полетели. Ну, по крайней мере, один.

— Так-так?

— Мы с вот этими котятами отправились нынче на охоту. Услышав в районе наших угодий шорох, мы притаились, как тут из кустов вылетел ёж, пролетел на высоте молодого деревца и угодил в кучу листьев. То, что это был именно ёж, я проверил — сомнений никаких. Все трое видели и готовы подтвердить.

— Подтверждаю! — мяукнул сын глашатая.

— Аналогично! — поддакнул Узлохвостик.

— Мдау... Что скажешь, Горькоязыка?

— Прямо-таки теряюсь. Ну, если бы я услышала это только от котят, то не поверила бы, но Спинодуг не из тех, кто говорил бы чушь. Что-нибудь это да значит...

Все помолчали.

— Думаешь, знак от Звёздных предков?

— Весьма вероятно. Я, пожалуй, этой ночью пойду на особое место и попытаюсь поговорить с ними.

— Было бы замечательно. Э, Спинодуг, не рассказывай никому прежде времени, ладно? Думаю, мы тут столько друг другу понаобещали сделать, «когда полетят ежи», что может начаться непредсказуемая непредсказуемщина.

— Понял.

— И чтоб котята не болтали позаботься, добро?

— Угу. Ясно, котята? Язык за зубами, хвост в пасть — никому ни слова!

Острозубчик и Узлохвостик молча кивнули, символически пытаясь закрыть рты хвостами. Если последний хорошо умел молчать, то для первого это была непростая задача: всем хотелось поведать о приключении, похвастаться виденным, более того, многие заметили спешку глашатая на пути

к предводителю, так что сыпали вопросами. Крепясь изо всех сил, Острозубчик всё-таки проговорился, что они видели ежа, но подробности насилу-таки сокрыл.

Ночь для созерцателей ежиного полёта была неспокойной, как если бы лагерь находился под угрозой вторжения чужого племени. Меньше обычного спал и предводитель, а целительница, едва все поскрывались во своих пещерках, отправилась вглубь леса к специальному месту. Здесь, следуя обычаю, она испила считавшейся чудесной воды и погрузилась в сон, в котором ожидала увидеть Звёздное племя. И хотя этот ритуальный сон продлился немало, по пробуждении Горькоязыка выглядела взволнованной и разбитой, как если бы не спала вовсе.

Едва заблистал рассвет, Узлохвостик проснулся, растолкал Острозубчика, и они вдвоём самым дерзостным образом пролезли в логово Звездогона. На их счастье, предводитель уже тоже бодрствовал и с пониманием отнёсся к нетерпению котят.

— Эх, радовались бы, что у вас не напряжённые дни, да спали бы сладким сном, что ж вы это... Впрочем, раз уж на то пошло, сходите к Горькоязыке да гляньте, как она там. Если уже вернулась и не отдыхает, то зовите ко мне. И Спинодуга тоже — будем обсуждать ежей.

— Вас поняли, исполняем!

Ускоряя и без того спешные свои действия, котята разделились: Острозубчик помчал к отцу, а Узлохвостик — к целителю. Не успела бы и мышь в норку залезть, как все требуемые морды собрались у главаря.

— Я пригласил вас, господа, сами знаете, для чего, — начал Звездогон. — Итак, Горькоязыка, что удалось узнать?

Вместо ответа лекарь промолчала.

— Горькоязыка?

— Я.

— В чём дело?

— Ни в чём. Я просто только что пересказала, что мне говорило Звёздное племя.

— В смысле?

— В прямом. Предки молчат.

Подражая Звёздному племени, все тоже побыли в тишине.

— Мда... — начал размышлять вслух предводитель. — Что бы это значило?

— По-моему, всё предельно ясно, — заявил глашатай.

— Что тебе думается?

— То, что Звёздное племя молчит от нашей глупости. Ну какой знак может быть явнее летающего ежа? И с чем он может быть связан, если не с любимой нашей отмазкой?

— Согласна со Спинодугом. Уверена, что предки хотят, дабы мы выполнили всё, обещанное сделать, «когда ежи полетят».

— Гм! Сомневаюсь, что хоть кто-то сумеет вспомнить всё, ведь этот фразеологизм... я его заучил чуть ли не с самого рождения, и, полагаю, не только я, — стал рассуждать глава племени. — Покажите мне хоть одного кота, ни разу не сказавшего про этих треклятых ежей!.. В любом случае, становится явным, что нам следует научиться серьёзнее относиться даже к пустяковым словам и «отвечать за базар», как говорят некоторые коты-бродяги.

— Само собой, Звездогон. И, конечно, никто не вспомнит все свои обещания, но пусть предъявит то, что ему обещали другие. Чужие ведь обещания помнятся куда лучше собственных, неправда ли? А особое внимание я бы уделил крупным словам, например...

— Например, меня обещали сделать воителем после полёта ежей! — влез в беседу «правящей верхушки» Острозубчик.

— Ох, неугомонный!.. Ну, ладно, считаем, чтобы удовлетворить Звёздное племя, придётся посвятить в воины моего сына; провести массовые тренировки ловли зайцев, чтобы не отставать в навыках от соседей (это всё я наобещал); начать постройку нового лагеря (помнишь, Звездогон?); взяться за... Э, больше пока не приходит на ум. Кто ещё какие затеи привязывал к ежам?

— Когда охотники наткнулись на новое растение, я сказала, что не буду рисковать и исследовать его свойства ни на ком, если только не взлетят ежи. Может прийтись-таки этим заняться, объявив набор добровольцев.

— Крысу мне в... Нет, воздержусь от фразеологизмов! Из-за этого летучего ежа придётся вершить столько необычных дел, что можно с ума сойти!

Предводитель положил голову на землю, закатив глаза.

— Возьми себя в лапы, Звездогон! Надо действовать, иначе кто-нибудь ещё увидит этот знак, и тогда будет дурно!

— Спинодуг, сможешь деликатно ввести котов в курс дела и проследить, чтобы они не разнесли всё вокруг к блохам собачьим?

— Я бы не был глашатаем, если бы не мог. Обо всём позабочусь.

— Превосходно. Хотя постой! Через две ночи будет Совет всех племён. Может, подождать до него и спросить там, не видел ли кто ещё чего подобного?

— Не стоит. Во-первых, знамение может быть адресовано только нам — зачем знать другим племенам? А во-вторых, я же собираюсь аккуратно объявить, а на Совете наверняка ажиотаж начнётся, если до этого не проинформировать наших котов. Ну, и не исключается возможность повторения полёта ежа, если мы проигнорируем уже виденный.

— Твоя правда. Работай.

Спинодуг знал толк в ораторстве, и за это его уважали не только соплеменники, но даже и некто из соседей. Звездогон не ошибся, позволив ему стать своей правой лапой, и сейчас это в очередной раз подтверждалось.
Подождав, пока все проснутся, глашатай дал им прийти в себя, потом велел охотникам и воителям, заступавшим в патруль или шедшим тренировать оруженосцев, задержаться немного, а затем разослал тройку доверенных котов

собрать всех на поляне в центре лагеря.

Благодаря грядущей ночи Совета, повод оглашать не требовалось: каждый предполагал, что будут обсуждаться дела уходящего месяца и избираться события и коты, достойные явиться пред всеми племенами леса. Отчасти так и произошло: Спинодуг ловко вплёл летающих ежей в обыденные вопросы, так что новость не стала громом с неба и не привела ни к изумлённому замолканию, ни к напряжённому перешёптыванию. Не получая прямых указаний, каждый уразумел, что должен позаботиться о выполнении данных им ежовых обещаний. Закончил глашатай словами про то, что предводитель, в целом, не против перенести лагерь поближе к охотничьим угодьям, но сперва надо отыскать подходящее место, чем и следует заняться сегодняшним патрульным. Собрание племени прошло гладко, осложнений в ведении внутренней политики от летающего ежа не возникло.

Следующие два дня были спокойны, насколько это могло быть возможным. Может, в каком-то смысле даже более тихи, чем привычно: коты старались говорить без надобности как можно меньше, чтобы не смолвить лишних образных слов, могущих воплотиться в прямом смысле. Наибольшее беспокойство проявляла лишь Горькоязыка, хоть это и не подобало её профессии: она не могла удовлетвориться молчанием Звёздного племени, а потому снова пошла на особое место, где опять получила ничего. Пришлось ей смириться и заняться новым растением, для испытания которого быстро нашлось несколько желающих.

Настала ночь Совета. Для многих таковое мероприятие являлось не то чтобы обыденным, но привычным, а вот для Острозубчика и Узлохвостика нынешняя дата стала особенной и знаменательной, ведь это было их первое участие на Совете. Обычно оруженосцев не брали туда, кроме самых-самых, а нахальность сына глашатая могла стать ему помехой участвовать в мероприятии даже после становления воителем. Но каких только исключений не могут сделать для очевидцев невероятного!

Приставив обоих котят к Спинодугу, предводитель повелел выдвигаться на Совет и сам пошагал первым, идя не медленно, но и не слишком быстро, сохраняя величественную поступь главаря и не провоцируя ничьё отставание. Во свете полной луны цепочка котов, изгибаясь змеёй, поползла от лагеря к широкой поляне, условно считавшейся центром леса. Ночное светило отблескивало на шерсти котов серебром, как на чешуе, делая ещё больше похожей эту длинную вереницу на огромную змею.

Племя Звездогона пришло на поляну первым, и коты воспользовались возможностью занять наиболее комфортные места; сам же предводитель вскарабкался на дуб, предназначавшийся для восседания всех главарей, и, сорвав зубами пару желудей, принялся их жевать, дабы размять речевой аппарат.

Долго ждать не пришлось, ибо почти сразу и почти одновременно прибыли и остальные кошачьи племена леса. Едва все расселись, предводители начали вещать (Звездогон уступил другим право говорить первыми, желая приберечь свою речь напоследок и иметь возможность окончательно решить, надо ли другим знать о дивном знаке от звёздных предков).

— Перво-наперво хочу предупредить всех, — начал Яркозвёзд, глава одного из племён, — что наши воины пару раз видели не совсем адекватного двуногого с огненной палкой. Пока вроде никому не навредил, но мышь его знает, что он в нашем лесу забыл. Последний раз был как раз в окрестностях этой поляны, так что советую быть настороже.

— Спасибо за предупреждение, Яркозвёзд. Как дела у твоего племени?

— Всё добротно, коты полны сил, только добычи впритык. Звездогон, ваши охотничьи угодья так далеко от лагеря — вам, наверно, трудно туда-сюда мотаться... Не дадите моим воинам там поохотиться чуток? А то еда пропадает...

— Не наглей, будь добр. Мы уже давно хотим создать охотничий лагерь и сейчас за это взялись. Так что если кто увидит наших котов на границе владений, таскающих отовсюду стройматериалы, не волнуйтесь.

Подобные слова не были дружескими подколками — племена постоянно конкурировали в вопросах территории, прямо выливавшихся в вопросы пропитания, что иногда доходило до драк и вражды. Тем не менее, последний месяц выдался довольно мирным (может, благодаря всё-таки изобилию пищи), но зима, как-никак, приближалась. Не желая перегнуть палку раньше времени, Звездогон и Яркозвёзд помолчали, отводя друг ото друга взгляд. Тут в разговор, выставленный на всеобщее услышание, включилась Рыбозвёздка (стоит заметить, что все главари имели в имени «звёздную» часть):

— Хочу поблагодарить всех предводителей и воинов. С прошлого Совета не было ни одной потасовки, достойной зваться битвой, да и инциденты почти не случались. Благодаря этому, не сомневаюсь, процветает не только моё племя, и надеюсь, что все видят пользу от поддержания мира.

— Мир — это, конечно, хорошо... только скучновато, — шепнул Острозубчик оруженосцу из соседского племени, с которым лишь десять минут назад познакомился.

— Надеюсь, Рыбозвёздка, ты не будешь опять предлагать стереть границы между нашими землями и позволять любым котам охотиться в них? — с иронией в голосе заметил Звёздомрак, четвёртый предводитель.

— Именно. Холодный и голодный сезон не за горами, и лишь объединившись (пусть частично), мы сможем пережить его с наименьшими потерями. Я не предлагаю совсем убирать границы — я предлагаю открыть их друг для друга (не для чужаков!) и согласиться не враждовать без крайней-крайней причины.

Толпа котов загудела: часть — одобрительно, а часть — негодуя. Последних поначалу было больше, но предводительница своим медленным, сладким и властным голосом, всё подробнее раскрывая вносимый проект и приводя аргументы, склоняла некоторых на свою сторону.

— ...кроме того, вы помните прошлогоднее нашествие бродячих псов. Если хоть одно из племён будет недоедать, и уж тем более если мы станем грызться из-за границ, то кто-то окажется лёгкой добычей; собакам не удастся дать скоординированный и мощный отпор. А без любого из племён баланс леса нарушится, звёздные предки не одобрят такого. Правда, целители?

Лекари осторожно выразили согласие: сами они всегда стояли вне племенной вражды, поскольку так целителям повелевал закон, и потому миролюбивые устремления были им не чужды.

— Я предлагаю поднять хвосты тем, кто не против принять моё предложение на приближающийся сезон.

Вначале никто не отреагировал, видимо, обдумывая, но не успела Рыбозвёздка огорчиться, как постепенно стал вырастать лес хвостов, сперва редкий и несмелый, но со временем всё более густой и уверенный.

— Так, довольно! — выкрикнул Звёздомрак. — Я говорил в прошлый раз, повторю и ныне: не бывать этому! Когда ежи полетят!

— Осторожней, сосед, с ежами, — решился-таки Звездогон.

— Что ты имеешь в виду?

— Ежи по... по... пожалуй, я предоставлю слово своему глашатаю.

Главари подвинулись, давая место Спинодугу тоже залезть на дуб. Тот в два скачка оказался рядом со своим предводителем, кашлянул деловито и начал:

— Приветствую всех и собираюсь огласить нечто, могущее вызвать изумление, недоверие и ужас. Итак, кто стоит, сядьте, дабы не упасть. Я стал свидетелем того, что ёж полетел.

По поляне и вправду пронёсся вздох оцепеневающего изумления, и все коты, кроме большинства принадлежавших племени Звездогона, разинули рты и начали вопросительно переглядываться.

— Прошу прощения?! — смогла наконец выговорить Рыбозвёздка.

— Не мне одному пришлось это видеть. Прошу подойти к дубу двух будущих воинов, что оказались со мной в тот необычный вечер, бывший лишь несколько дней назад.

— Слыхал? Нас кличут! — толкнул Узлохвостика Острозубчик, и оба послушно подошли к дереву.

Все снова замолкли секунд на десять, как тут Яркозвёзд почесал усердно лапой за ухом и сказал протяжно:

— Да-а-а... А я-то думал, мой оруженосец просто шутил или был не в себе...

Коты вопросительно уставились на главаря.

— Дня два назад один из новопосвящённых оруженосцев утверждал, что наблюдал полёт ежа. Ясно, что я не придал сему значения, тем более, других свидетелей не было. Но если Спинодуг... мда.

— Позвольте-позвольте, и что теперь делать будем? — саркастично заявил Звёздомрак.

— Как что? Исполнять ежовые обещания! Это точно был знак от Звёздного племени, уверены и мы, и наша целитель.

— Вздор! Ежи! Не! Летают!!!

— Не упирайся, Звёздомрак. Это...

— Тсс! Слышите?

Совет мгновенно замолк, и до ушей его участников донёсся звук, напоминавший очень громкий хлопок, будто идеально гладкое бревно упало на идеально гладкую землю (по крайней мере, так показалось котам). Все ощетинились и замерли, однако в течение минуты звук угрозы не повторялся.

— Осмелюсь предположить, что это тот двуногий с огненной палкой, о котором я предупреждал, — вполголоса молвил Яркозвёзд. — Предлагаю продолжить Совет, но не шуметь и быть готовыми обороняться или бежать. Пусть глашатаи станут по четырём углям поляны и дежурят.

— Одобряю. Испол... — Звездогон не договорил и резко повернул голову в сторону, откуда вдруг донёсся шорох.

Коты, только чуть расслабившиеся, вновь насторожились и уставились в приполянные заросли. Тут-то ветви на уровне пары хвостов над землёй будто раздвинулись, и из них появился ёж, пролетел по воздуху и, врезавшись прямо в дуб, где сидели предводители, пал на землю. Все, включая и племя Звездогона, беспорядочно замяукали и бросились в стороны, мешая друг другу, а когда кто-то более смелый, трясясь, подошёл к летавшему зверю, обнюхал его и объявил: «Ёж», коты побежали врассыпную, куда глаза глядят.

***

По лесу, привычно чеканя шаг, шёл солдат. Вернее, ещё пару дней назад он был солдатом, но сейчас осеннюю листву топтал кирзовыми сапогами дезертир. К службе он относился по-раздолбайски, учился неохотно — недаром попал в армию, провалив вступительные экзамены в ПТУ. На последней тренировке, где метали гранаты, бывший солдат так хило бросил взрывчатку и так по-глупому и по-ленивому лёг после этого на землю, что получил контузию. На следующую ночь служивый, по дурости и упёртости начальства отправленный в патруль, толком не соображая и не помня, как, умудрился сбежать. Теперь он скрывался в лесу, не имея обратного пути.

Ступив на кошачьи земли (впрочем, не зная об этом), солдат вдруг ни с того ни с сего почувствовал себя хозяином, заржал, как лошадь, и пальнул пару раз в воздух из казённой винтовки. Затем он снова засмеялся, плюнул наземь, растёр плевок башмаком, и глупо-весело пошагал не по тропинкам, а так, как его понесла нелёгкая. Долго, однако, брести ему была не судьба, поскольку сапог споткнулся о мирно лежащего в кучке листьев ежа. Что в этот момент взбрело в бритую солдатскую голову, вряд ли кому известно, да только дезертира вдруг словно перекосило, и он со всей дури пнул ежа ногой. То ли округлый колючий зверёк показался ему похожим на гранату, то ли он в детстве ненавидел ежей, и сейчас это вдруг всплыло — шут знает, к каким сдвигам привела его контузия. Однако с того момента солдафон стал ходить по всему лесу зигзагами, останавливаясь на ночлег в совершенно незакономерное время, и пинать всех ежей, которые ему попадались. Благо, сапоги были старыми и

обмякшими от влаги, и опалые листья лежали буквально повсюду, что смягчало нелёгкую судьбу колючих животных.

В течение недели, коты рассказывали, в лес нагрянула «целая стая двуногих с огненными палками». С тех пор полёты ежей прекратились, однако все котоплемена леса так сохранили эти события в памяти и сказаниях, что ни от кого больше нельзя было услышать необдуманных слов или красноречивых фразеологизмов. Племя Звездогона построило новый лагерь, Острозубчика и Узлохвостика посвятили в воители, а мир на зимнее время котам таки удалось заключить — за время снегов не случилось ни одной стычки, не считая двух-трёх случаев с бродячими котярами и псинами. Даже голодать никому не пришлось: Звездогон и Рыбозвёздка охотно поделились запасённой впрок провизией в критический момент. Жизнь в кошачьем лесу потекла своим чередом, став чуточку более тихой, чем до ежовой истории.

S.T.A.L.K.E.R.

Основатели Википисалии — выходцы из S.T.A.L.K.E.R. Wiki, а потому вполне ожидаемо, что немало произведений посвящено тематике этой компьютерной игры.

Действия вселенной S.T.A.L.K.E.R. развиваются в Чернобыльской Зоне Отчуждения в параллельной реальности, где в 2006 году случился «второй взрыв» — выброс энергии ноосферы вследствие вышедшего из-под контроля эксперимента. Зона отчуждения стала Чернобыльской Аномальной Зоной: её наполнили мутанты, а также смертельно опасные аномалии, порождающие ценные артефакты, и, естественно, ищущие наживы или скрывающиеся от закона люди — сталкеры.

Имея своими корнями культовый «Пикник на обочине», вселенная S.T.A.L.K.E.R. не ограничивается просто фантастикой, приключениями и боями — в произведениях нередко встречаются философские мотивы, поскольку неприветливый мир Зоны обнажает моральные качества людей, часто скрываемые на Большой Земле, но сполна лезущие наружу внутри Периметра.

Щенки (Оглоткин Степан)

Весна — это чудо природы. Это её дар. Дар всем обитателям планеты. Весна есть Жизнь. Жизнь, побеждающая Смерть. Даже там, где Смерть властвует безраздельно. Даже в Зоне. Весна пришла сюда позже, чем на Большую Землю, но успела сбрызнуть мёртвые, монохромно серые равнины каплями зелёной травки, обречённой вскоре пожелтеть и увянуть. В Зоне все быстро увядало, а потому – не ценилось. Человеческая жизнь тоже. Люди здесь были чужеродными организмами. Людей в Зоне не любил никто — ни мутанты, ни аномалии, ни природа. Ни их же собратья. И люди платили той же монетой.

Сейчас четыре человека, серые, помятые, похожие на нахохлившихся воробьёв, медленно пробирались по полю, нещадно вытаптывая новорождённые травинки. Четыре живых мертвеца, обречённо плетущиеся на поиски своей смерти, сея смерть вокруг себя. Три новичка настороженно озирались по сторонам, крепко сжимая побелевшими от страха и холода пальцами рукоятки пистолетов и двустволок. Идущий между ними лидер, опытный сталкер в комбинезоне «Заря», держался иначе. В Зоне сталкера звали Фомой. Боялись, уважали. Недолюбливали. Сейчас Фома, в отличие от новичков, был уверен в себе и своём карабине. Карабин этот он ценил дороже, чем всех своих отмычек вместе взятых. Потому что карабин у него держался полтора года. Отмычек за

этот период сменилось... Около десятка. Он даже не помнил их имён. Так, радиоактивное мясо, которое обязано сдохнуть в аномалии и спасти от этой участи лидера.

Небо над Зоной нахмурилось. Простой обыватель не разглядел бы этой разницы — небесный свод над этой проклятой радиоактивной язвой почти всегда был свинцово-серым, но сейчас он наливался тяжестью. Это сулило дождь, возможно, кислотный. Фома накинул на угловатую бритую башку капюшон, не сказав ничего отмычкам. Пусть учатся чувствовать непогоду самостоятельно. Прямо по курсу из туманной пелены выплыла косая избушка. Чёрная, насквозь отсыревшая. Мёртвая, как и все вокруг. Но вполне пригодная для привала.

— Эй, шавки! — рявкнул Фома, звонко щёлкнув пальцами левой руки. — Пилите во-о-он в ту избу на цырлах. А я здесь подожду. Если чисто, маякните.

Отмычки синхронно кивнули и осторожно двинулись к домику, а опытный бродяга с вздохом облегчения присел на корточки, извлёк из поясной сумки жестянку с махоркой и, открыв крышку, с наслаждением вдохнул терпкий запах самосада. Курили в ходках только отмороженные смельчаки, которые, обычно, долго не жили. В том числе и из-за этой привычки. Запах дыма разносился услужливым ветром на огромные расстояния, а тлеющий огонёк сигаретки в темноте становился отличной мишенью. Поэтому Фома ограничивался только ароматом сухих табачных листьев. Блаженно зажмурившись, сталкер не увидел, как его отмычки исчезли в дверном проёме избушки, порыв ветра заглушил тихий возглас одного из «зелёных».

Опытный сталкер, намеренно издеваясь, нарёк их Бобик, Шарик и Тузик. Позорными собачьими кличками, которые грозили пристать к молодым сталкерам навсегда. Фому это не волновало. Он сразу предупредил своих подопечных, что такие, как они, в Зоне долго не живут. Что они могут продолжать гнить в деревне новичков в ожидании какого-нибудь добряка, который будет относиться к ним, как к своим детишкам, но вместе с ними и сгинет, а могут пойти с ним. Шансов на выживание почти никаких, но в случае удачи — ценнейший опыт. Если бы эта троица экс-студентов знала, что получение «ценнейшего опыта» выльется в череду унижений и фактически рабское положение, они бы не поверили этому бритому, мордастому краснобаю с рожей и повадками бандита. Однако теперь выбора не было.

«Щенки» чуяли — выйдя в эту ходку, они подписали себе смертный приговор. Нервы каждого грозили сдать. И это при том, что за спинами остался всего лишь Кордон, а до «Агропрома», на территорию которого пёр Фома, путь был неблизкий. А теперь ещё и лезть в эту халупу. А что, если внутри засел мутант? Или угнездилась аномалия? Правда, Шарику сталкер выдал детектор, но бывалые в лагере говорили, что иногда гаджеты не срабатывают. Будто намеренно принося своих хозяев в жертву Зоне. От страха дрожали колени.

Рядом с кровопийцей Фомой находиться было неприятно, но непоколебимая уверенность бродяги хотя бы частично передавалась его спутникам. Сейчас же никакой энергетической подпитки не было. Новички сгрудились у пустого дверного проёма, не решаясь войти. Шарик уткнулся в экранчик детектора, на котором мелькали цифры.

— Пойдёмте, — тихо шепнул Бобик, подталкивая товарищей в спины.

В избе было мрачно, темно и затхло. В своё время, небось, ещё в девяностые, мародёры вынесли отсюда все, что могли. Разобрали даже русскую печь и вынесли кирпичи. Остался пустой и грустный сруб, покрытый крышей. Парни остановились в сенях, напряжённо слушая мёртвую тишину дома, втягивая ноздрями его затхлый, гнилой запах.

— Там светится что-то, — тихо сказал Тузик, стоявший ближе всех к входу в горницу.

— Проверим? Или Фому позовём? — на всякий случай спросил Бобик.

— Сами разберёмся, — решительно отрезал Тузик, твёрдо шагнув в комнату.

И охнул от удивления. Так громко, что у его товарищей чуть не дрогнули пальцы на спусковых крючках.

— Артефакт! Огромный! – счастливо сообщил Тузик, тыкая пальцем в красивый голубой шар, светящийся в углу горницы, прямо под полочкой, когда-то ютившей иконы. Сейчас икон не было. Бог покинул этот дом, как покинул он Зону и её обитателей.

— Возьмём? — возбуждённо прошептал Бобик.

— Ты дурак? А если он радиоактивный? – шикнул на товарища Шарик, выставивший перед собой детектор.

— Это «Лунный свет», они не фонят, — с видом знатока сказал Тузик. А потом смело шагнул к голубой сфере и взял её в руки. — Ого! Тяжёленький!

— Что делать-то с ним? Не Фоме же сдавать?

— Хрен этому Фоме, а не арт. Себе оставим, где-нибудь в баре продадим, — распорядился Тузик, мигом занявший позицию лидера в своей крохотной группе.

— Тогда прячь его, пока этот придурок нас не запалил. А ты, Шарик, иди, позови Фому, лады? — мягко спросил Бобик. Шарик покорно кивнул и затопал к выходу.

Фома только-только собрался идти к избе самостоятельно, когда из дверного проёма высунулся один из отмычек и помахал ему рукой. Это означало, что дом чист, и сталкер потрусил к строению.

— Ну, чё, щенки, все облазили? — прорычал он, хлопнув подвернувшегося под руку Шарика по затылку.

— Так точно! – отрапортовал Тузик.

— Подозрительного не нашли?

— Никак нет! – стройно отозвался Бобик.

— Тогда выворачивайте рюкзаки, — лениво осклабился Фома.

— Зачем? – потухшим голосом, тем самым выдав себя с потрохами, спросил Тузик, как-то моментально съёживаясь.

— А те чё, шавка, есть чего скрыть, да? Рюкзак на досмотр! — заорал сталкер, щелкая предохранителем «Сайги».

Тузик, обливаясь ледяным потом, протянул лидеру свой хилый рюкзак с ценной ношей. Фома бесцеремонно схватил его, рывком растянул сморщенный зев рюкзака... И в его перекошенное от злобы лицо ударил луч голубого света.

— Вы че, п-падлы... Вы арт хотели заныкать? Я вам не ясно сказал: все находки — мне! Не ясно? — зловеще спокойным голосом прошипел сталкер.

— М-мы... — начал Тузик, заикаясь, но лидер не дал ему договорить. Он отшвырнул рюкзак в сторону и ударил юношу ногой в живот. Тузик как-то визгливо пискнул и согнулся пополам. Фому это не остановило, он врезал новичку прикладом по шее, а когда тот упал, продолжил избиение. Колотил он несчастного до тех пор, пока тот не перестал скулить и дёргаться.

— А вы, крысята, волыны на пол! – заревел Фома, поворачиваясь к остальным отмычкам, оцепеневшим от созерцания избиения товарища.

От безумного взгляда покрасневших глаз Фомы, «щенки» чуть не наделали в штаны и поспешили опустить на дощатый пол пистолет и обрез, а после — еще и поднять руки над головой.

— Значит та-а-ак! — протянул сталкер, расхаживая над Тузиком туда-сюда, будто тигр в клетке. — Сейчас выворачиваете вещмешки, и если хоть один, хоть что-то закрысил, в расход пойдёте, ясно?!

— Ясно-ясно, — нестройным хором зачастили насмерть перепуганные отмычки, сбрасывая с плеч мешки с нехитрым скарбом. Удостоверившись, что эти двое ничего от него не утаили, Фома как-то разом успокоился.

— Проверьте, чё с этим? – лениво бросил он, выходя в сени — покурить.

Бобик и Шарик бросились к другу, перевернули его на спину... И охнули от зрелища разбитого лица парня, теперь походившего, скорее, на гротескную маску. Шарик сунул палец к шее друга, задержал дыхание. И побледнел ещё больше.

— Пульса нет!

— Как нет? – истерическим шёпотом спросил Бобик.

— Раз нет, значит, прижмурился щенок! — грубо крикнул в сенях Фома. — Выкиньте его нахрен из хаты!

Отмычки переглянулись. Это было уже слишком. Этого спускать было нельзя. За несколько дней на Кордоне эти двое наслушались много ужасных, отвратительных рассказов. Во многих говорилось о сталкерах и их отмычках, дешёвом расходном материале Зоны. Сталкерских крепостных. Бывалые часто рассказывали, как проигрывали своих отмычек в карты, как эти зелёные юнцы тащили их, раненных, на своих горбах. Даже в этих россказнях не было

уважения. Потому что отмычка — не человек. Пора было положить этому конец.

Бобик тихо поднялся, подошёл к лежавшему на полу «Макару». Страха не было. Улетучился вмиг, словно ветром сдуло. Парнишка взял на мушку волосатую лапу Фомы (на счастье парня, просевший косяк спрятал от него башку сталкера), резко, не по правилам, дёрнул спуск. И попал. Маленькая, быстрая и злая, как оса, пуля ввинтилась в руку сталкера. Фома вскрикнул, выронил «Сайгу», заматерился.

— Ну всё, твари! Сейчас я вас убивать буду! — завизжал ублюдок, врываясь в горницу. И наткнулся на пустой взгляд двух ружейных стволов.

— Дёрнешься — замочу, — дрожащим от волнения голосом процедил Шарик.

— Ну и чё вы сделаете, сучье? Че сделаете, а? Вы ж без меня сдохнете, — зарычал Фома, прижимая здоровой рукой пулевую рану.

— То же, что ты. Отмычкой тебя погоним, — ухмыльнулся Бобик.

— Куда-а-а?! — выпучил водянистые глаза сталкер.

— На «Агропром». Пошёл!

Фома матюгнулся, сплюнул под ноги новичкам и повернулся к выходу.

— И ствол даже не думай подбирать. Так пойдёшь, сука.

Сталкер не ответил. Он не был дураком, понял: сопротивляться бесполезно. Ему поставили крепкий, хороший шах, выйти живым из которого можно было только в одном случае – дотащив мелких придурков до НИИ. А уж там он расставит все точки над «i». Обязательно расставит... А если на запах крови сбегутся мутанты — тем лучше для него. Потому что он-то, Фома, не раз выходил из передряг...

Зона. Как часто она ставит все с ног на голову. Извращает, выворачивает наизнанку. Главное, всегда помнить — первые в очереди на такую метаморфозу именно те, кто допустил её внутри себя. Потому что у Зоны — своя справедливость, но таких людей она наказывает всегда. И именно это правило на её территории работает безотказно. Хорошие сталкеры всегда помнят об этом. А плохие... Плохие познают на собственной шкуре.

Осознание (Савенок Тимофей)

Вечерняя Припять звенела тишиной. От редких уцелевших стёкол отражались лучи заката, с трудом пробивавшиеся сквозь облачную завесу, еще недавно просыпавшуюся дождём. Раскатывалось время от времени эхо редких выстрелов.

Егор медленно брёл по городу-призраку, глядя перед собой. Болела стёртая тесными берцами в кровь нога, болели грязные и исцарапанные, покрытые загноившимися ранами руки. А в голове звенела пустота.

Он помнил немногое. Воспоминания и мысли постоянно путались, цеплялись друг за друга. Яркой была только одна мысль: «Максименко, ур-род чёртов!..». Но кто такой этот Максименко и почему он урод, Егор не помнил.

Иногда вечерами, сидя в каком-нибудь подъезде, подворотне, а то и на уцелевшей лавочке, Егор пытался вспомнить хоть что-нибудь. Но когда, казалось, он был уже близок к результату, мысль девалась куда-то, ускользала из сознания. И тогда у Егора появлялось ощущение, что он забыл что-то очень важное. И тогда Егор кричал. Кричал страшно, по-звериному, разрывая непослушные, больные голосовые связки.

Ремень автомата, волочащийся по земле, зацепился за какую-то железку, и Егор, раздражённо замычав, дёрнул оружие, пытаясь освободить ремень. Однако плотная ткань крепко уцепилась за острый край и не желала отцепляться. Тогда Егор глухо зарычал и дёрнул сильнее. А затем ещё раз. Звонко щёлкнуло, сломавшись, крепление ремня, и тот осел, превратившись в бледно-зелёную змею, скользившую по траве.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. Последние лучи ещё отражались от стёкол, били по глазам, но темнота быстро забирала своё. Темнели подворотни, погружались в густой мрак пасмурной ночи улицы. Где-то на востоке сквозь тяжёлые облака виднелось бледное белое пятно — это луна пыталась пробиться вниз, одарить землю хоть лучиком отражённого света. Но облака не пускали.

Егор вышел со двора на улицу. Остановился на секунду, посмотрел по сторонам, пытаясь сообразить, где он. А затем бесцельно заковылял по битому асфальту, по разнокалиберным лужам, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. Темнело, стало плохо видно дорогу.

Под стёртую подошву попалось что-то острое и одновременно пологое, нога поехала в сторону, и Егор полетел лицом вперёд. Щеку пронзило резкой болью, по подбородку, по шее потекла кровь. Солдат глухо завыл, оттолкнулся

непослушными руками, перекатился на спину. Руки потянулись к лицу, ощупали щеку… Палец наткнулся на зубы, на обвисшие лоскуты кожи и мышц. Егор, подвывая, попытался подняться, оперся на что-то руками – но опора оказалась рыхлой и скользкой, и солдат вновь упал спиной в мусор.

Солдат заелозил ногами, руками, пытаясь найти опору, но все вокруг скользило и разваливалось. Егора захлестнула паника; он испугался, что уже не поднимется. Он задвигал руками и ногами сильнее, сметая влажный песок в стороны, углубляясь все сильнее. Наконец рука нащупала под песком и мусором твёрдый асфальт. Егор перенёс на неё вес, начал медленно наваливаться телом. Поставил рядом вторую руку, нащупал твёрдую поверхность ногой. Наконец выпрямился. Поискал глазами оброненный автомат, с трудом, едва не упав снова, нагнулся за ним.

Уже совсем стемнело. Мёртвый город смотрел пустыми глазницами на немногих гостей своих улиц. Мрачные подворотни чернели провалами в никуда, рваные заборы ломаными тенями рисовали страшных тварей. Остовы машин, дорожные знаки словно пытались вызвать призраков прошлого, скрипели ржавым металлом на ветру. Тихий, потусторонний разговор города, его скрипучий монолог гнилых оконных рам, завываний ветра в подворотнях, шелеста перекатывающегося по улицам редкого мусора, далёкое гудение огненных аномалий – это завораживало, заставляло вслушиваться в попытках разгадать послание Припяти, расшифровать её слова… И в то же время страшно пугало, пугало неуловимым запахом смерти и запустения – словно в древнем склепе, полном погребённых мумий.

Егор тоже слышал этот монолог. Но не мог его воспринять, осознать… Он ощущал лишь гулкую пустоту. И одиночество.

Солдат нащупал в подсумке штатный налобный фонарь, достал его, натянул на лоб. Начавшая разлагаться резина облепила грязный лоб, вдавила в него мелкие песчинки. Щёлкнул переключатель, слабое пятно света кое-как осветило битый асфальт. Батарея почти села, а отражатель давно разбился и наполовину вывалился из треснувшей оправы. Егор посильнее сжал рукоятку автомата и поплёлся дальше, вертя головой по сторонам в поисках ночлега.

Он не помнил, когда последний раз спал. В Припяти, наверное, ни разу. Город мешал ему своим шёпотом, ветер холодил кожу, а завывания осмелившихся зайти в бетонный лабиринт мутантов вызывали какой-то странный, на самом краю сознания, ужас, который Егор не мог осознать. Чаще всего он просто сидел, прислонившись спиной к стене подворотни или подъезда. Иногда удавалось набрести на скамейку. Тогда было чуть теплее. Но все равно холодно.

В просвете между домами Егор вдруг увидел детскую площадку, за которой виднелся небольшой навес. Радостно мыкнув, солдат свернул с дороги и направился туда. На пути вдруг оказались облезлые кусты, пучки голых, острых веток, торчащих в разные стороны. Егор вломился в них всем телом. Что-то кольнуло ногу, штанина запуталась в ветках. Рукав затрещал, открывая щель на локте. Солдат зло замычал, рванул левую руку из объятий куста, достал из ножен на бедре нож – и полоснул по зацепившейся штанине. Кончик ножа

прошёлся по коже ноги, оставив кровоточащую царапину. Егор дёрнул ногой посильнее, и лоскут ткани оторвался, оставшись на ветке. Кусты вновь затрещали, и солдат наконец выбрался из кустов.

Заброшенный детский сад. Весёлые рисунки на стенах наводили страх в густой, мрачной темноте. Статуя мишки казалась чем-то страшным, а горки в виде слонов и жирафиков рисовали ржавчиной пугающие узоры. Егор продрался сквозь разрыв в сетке забора и поплёлся к навесу. Провёл рукой по скамейке, сметая сухие листы и полуистлевший мусор, и сел, вытянув ноги. Оторванный ремень автомата ударил по ноге. Егор взял его в левую руку, недоуменно посмотрел, а затем принялся наматывать на правую.

Погода снова менялась. Луна светила уже довольно неплохо, заливая отдельные места бледной молочной белизной; где-то на севере грохотали разряды. Эхо негромким гулом долетало до города, терялось в пустых, безжизненных улицах.

Неподалёку раздался негромкий вой. Собаки?.. Егор встрепенулся, поднял понуренную голову. Вой приближался. Вот мимо пробежала собака, почти нормальная на вид – только облезлая какая-то. Она остановилась, принюхалась, поводила головой из стороны в сторону. Взглянула в сторону Егора, медленно подошла. Обнюхала берцы, ноги ниже колена. Оскалилась на не до конца засохшую ещё кровь. Понюхала ещё, взглянула в лицо солдату, странновато визгнула, отошла и побежала дальше. Милая собачка… Только с глазами у неё что-то.

***

Небо на севере сверкало; луна освещала пустые улицы Припяти. Ветер усилился, пустые оконные рамы скрипели и бились о стены. Выли подворотни. Шелестели голые кусты. Меж брошенных домов со слепыми глазницами окон медленно брёл одинокий солдат в рваном камуфляже. Автомат висел на намотанном на руку порванном ремне, берцы износились. Налобный фонарь с уже севшими батареями остался где-то позади, лежал на битом асфальте, рассыпав вокруг битый отражатель.

Над лесом вдалеке сверкнула молния, высветив на долю секунды трубу атомной электростанции. И Егор вдруг вспомнил. Он ведь видел её вблизи! Такая огромная… Даже с высоты. С вертолёта… А потом с земли… Аллея елей… И люди в серо-зелёных комбинезонах… Стрельба, взрывы… Вертолёт из какой-то винтовки сбили… Их зажали под теплотрассой… Снайпера… И Максименко, ур-род чёртов… А потом…

Егор зажмурился от нахлынувших воспоминаний. Что было дальше, он не помнил. Помнил только, что небо покраснело. И все. Больше ничего. Дальше – только смутные, секундные воспоминания. Мост. Пустая военная колонна. Знак «Припять. 1976». Бетонные многоэтажки…

Тут в глухую ночную темноту ворвалось что-то странное. Что-то вокруг было не так. Надо только понять, что… Егор поднял голову, провёл взглядом по высоким домам. Что-то… Вон! Свет в окне! Там кто-то живёт! Солдат радостно замычал и свернул к подворотне. Прошёл во двор. Какой же это подъезд… В

попытке угадать Егор ткнулся во вторую дверь. Она послушно открылась. Тёмная лестница… Не споткнуться… Егор осторожно начал подниматься вверх. Это давалось ему тяжело: ноги отказывались гнуться, были словно ватные. В один момент они подкосились, и пришлось навалиться на жалобно заскрипевшие перила, вцепиться в них мёртвой хваткой, бросив автомат болтаться на ремне, привязанном к руке. Усилие, ещё одно… Первый этаж. Темно. Только мусор в углу. Дальше.

Перила скрипят все сильнее. С хрустом сломалась металлическая перекладина, перила зашатались сильнее. Позади, металлически зазвенев по ступеням, выпала секция. Луна уже полностью выглянула, заливала бледным белым светом ступени. Следующий пролёт. Скрипят перила. На ступенях лежат ржавые прутья. Второй этаж. Темно. Дальше.

Здесь перил нет, они – на ступенях ниже. Плечом на стену, снова медленно вверх. Запылённые ступени крошатся под ногами. Пролёт. Осторожно, не выпасть в окно. Всей тяжестью на уцелевшие перила… Хруст, ржавая металлическая пыль. Егор завалился вперёд, ударился головой о следующий пролёт, глухо завыл от боли. Упёрся руками в ступени и пополз по лестнице. Осторожно встал по стене.

В щель под дверью лился слабый белесый свет. Оно!

Егор постучал в дверь. Затем ещё раз. Гулкое эхо разрушило тишину квартиры. Попробовал крикнуть «Откройте», но вышло лишь что-то вроде «Аойе…». Злость переполнила его. Дрожащими руками он вскинул автомат и выпустил в замок очередь. Грохот выстрелов странным потусторонним гулом отдавался в голове.

Квартира была пуста и заброшена. Запылённая, отдающая желтизной от старости люстра слабо светилась. Бледная жёлтая лампа. Разбитое окно в конце комнаты. Порыв ветра раскачал светильник. В голову вдруг ударила мысль, и Егор как мог быстро устремился в ванную.

Зеркало было цело. Серая пыль покрывала его сплошным слоем. Егор протёр рукой пыль в центре – и уставился на собственное отражение. На перекошенное, сведённое судорогой лицо, на бельмо на левом глазу, на порванную арматурой, уже гноящуюся щеку, на грязный, залитый кровью, рваный камуфляж, на ниточку слюны из уголка рта. Голову пронзило яркое воспоминание. Сослуживец Саша, единственный пришедший к части из рейда… Такое же перекошенное лицо, и слюни из уголка рта… Раскалённым металлом вонзилось в мозг название. Зомбированный. И что-то внутри Егора взбунтовалось, и рванулось вперёд, изо всех сил стараясь выбраться… Но ему не хватило места. И тогда Егор закричал. Закричал «Н-нен-навиж-жу-у!!!». И ударил зеркало прикладом. Осколки со звоном посыпались на пол. А он начал стрелять по ним. И потом ещё долго щелкал спуском пустого автомата…

Дитя Зоны (Иванов Владислав — основной автор, Савенок Тимофей — соавтор сюжета)

«Человек — живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда»
— Толковый словарь русского языка, С. И. Ожегов

Глава 1. «Конкретная цель ~Начало~»

Утро. Не такое, как всегда. Совсем не такое. Это не то утро, когда хочется подремать ещё, укрываясь десятью одеялами, совсем не то, когда ты под звон будильника живенько встаёшь и делаешь зарядку, и уж точно не то, когда ты только-только ложишься после упорной ночной работы. Это – совсем другое.

Утро в Зоне обычно являет себя вместе с громкими «Подъём! Пора валить мутантов», «Ветераны и охотники!..» или, невесть где, найденным «Союз нерушимый республик…». Но и тут утро может быть не похожим на остальные. По крайней мере, это утро началось с…

— Ребят! Встаём! Есть важное послание от командира!

Весь отряд, каждый человек из которого, скорее всего, только-только увидел свой лучший сон, конечно, был не доволен таким раскладом, но делать было нечего – под грозные и унылые «Ну, что ещё?» и «Какого хрена?» все начали медленно просыпаться.

— Итак, за проявленные успехи в ликвидации лагеря «Сверстников» командир награждает вас всех, друзья мои, возможностью… сегодня поспать до обеда!

— Слышь, глашатай, я вижу, тебе в лоб захотелось? — спросил один из отряда.

— Тих-тих, Гром! – старался его успокоить другой. — Лучше успокойся! Нам не хватало ещё одного несанкционированного уничтожения лагеря.

Весь отряд рассмеялся. Только Гром сделал недовольную гримасу, фыркнул под нос, лёг на свой матрац и зевнул.

— И только попробуйте меня ещё раз разбудить! — а вскоре послышался и громкий, едва ли не на весь лагерь, храп.

Но, как бы то ни было, спать хотелось уже только некоторым. Известный факт, что, когда тебя будят после хорошего и чистого сна, ты потом уже спать не особо хочешь, как ни старайся. Поэтому остальные пробуждённые

разбрелись по своим работам, нудным и скучным, за которые толком не получаешь и рублика.

В этот день не должно было произойти ничего необычного. Отряд должен был отдыхать от вчерашнего боя, те, кто не участвовал, работать, не покладая рук. Но работали почти все. Не сказать, что это доставляло удовольствия, но ни отдыхать, ни бездельничать как-то не хотелось. Все понимали — если ты хоть немного полежишь, то дашь врагу фору, чем не угодишь себе, а себе, как известно, «угаживать» надобно.

Постепенно начала просыпаться и вся остальная Зона. Где-то недалеко послышался пробуждающий крик командира одного из отрядов, после — был где-то включён громкоговоритель, объявляющий через мегафон, что ожидается приезд лагерного инспектора (какой группировке он принадлежал — поди пойми, но режим был, по-видимому, строгий). В общем, жизнь закипела, как пельмени в кастрюле.

Однако не у всех жизнь в этот момент была мёдом.

— Не-не-не!.. Опять, что ли? Не, я с ним не пойду! Извините, мне такого счастья и даром не надо, и с деньгами тоже…

— Я просто промолчу. Копировать его слова мне лень…

Куртяра и Палаш в очередной раз стояли в комнате командира и выслушивали его нудную «лапшенаушную» ди… речь о необходимости поддерживать дружеские отношения в отрядах, помогать друг другу в любую минуту и прочем. К сожалению, это было не про Палаша и Куртяру. Среди них витала атмосфера, которую дружеской можно было назвать с большой натяжкой. Куртяра – весёлый добродушный сталкер лет эдак 25–30-ти, сейчас которому только дай задание, за которое можно получить лишний рублик в карман, через полчаса оно уже будет выполнено. В противовес Куртяре, однако, стоял Палаш – наглый, ленивый и особо не доверчивый, по мнению Куртяры, человек. Да, Палаш, конечно, был в чём-то недоверчивым к остальным, да и обычно вёл себя довольно тихо, но обычно это объяснялось его опытностью в Зоне, а так порой и он был не прочь, например, пособирать артефакты или постреляться там с врагом. Правда, в одиночку – групповых заходов он не любил. Спрашивается, как такие два абсолютно разных человека уживаются «под крышей» одного отряда? Ответом являлся уже нам знакомый командир лагеря, которому, видите ли, виднее, кого с кем пускать на задания.

— Итак, — продолжал командир, — Как вы, господа, думаете, какое я вам задание вручу сегодня?

— Небось, опять что-то из разряда «Подай-принеси»… — протянул Палаш.

— Совершенно верно! — крикнул командир.

Куртяра фыркнул себе под нос.

— Ваша цель, — продолжал командир, — добраться до лагеря Яка в Собачьей низине, взять у тамошнего командира кейс… Замечу — без лишних вопросов, а не то!.. Так ладно… Ну, и, в общем, принести мне.

— А потяжелее ничего нету? Тут, я думаю, я бы, например, один всё сделал. Без всяких напарников, к которым я не напрашивался…

Командир перебил его.

— Нет-нет-нет! Здесь нужна именно командная работа! Я свяжусь с тамошним лидером, чтобы он сообщил мне, если вы придёте вместе. Поверьте мне, лучше вам прийти вдвоём… Ладно, всё, идите уже!

И командир вытолкнул их за дверь, на улицу. Куртяра с Палашом переглянулись – делать было нечего, надо идти. Пусть этот путь в очередной раз должен быть не самым приятным для их обоих.

Солнце, поднявшееся достаточно высоко, уже освещало лес, чуть позднее, к нему присоединились булыжники, так аккуратно разбросанные по округе, а ещё чуть позднее, уже каждая травинка могла ощутить приятную утреннюю теплоту солнца после морозной ночи. Болота отдавались в носу едким запахом тины, а где-то там за лесом частенько подвывал псевдопёс. Природа Зоны нисколько не переменчива.

Куртяра всё поправлял рюкзак, в который он, как всегда, наложил кучу всего, но только не еду. Нет, еда, конечно, была, но в очень-таки мизерных масштабах. По большей части его рюкзак был заполнен всяким барахлом да трофеями с предыдущих боёв или просто ходок.

Глава 2. «На контакт ~Первое знакомство~»

Куртяра медленно плёлся за Палашом, который старался показать себя, как командира. Куртяре это конечно не нравилось, мол, выпендривается. Но был ли у него выбор? Ответ, скорее всего, очевиден. Он был готов сейчас сорваться с места и, схватив детектор, бежать к ближайшей аномалии или, взяв свой старенький, полностью улучшенный Абакан, побежать навстречу толпе врагов. Но задание есть задание, и провалить его значило в жизни больше в лагерь не вернуться. Ибо командир, будь он неладен, жалует только своё мнение, остальные не очень. А сейчас его мнением был как раз таки этот подход.

Куртяра взглянул на часы в КПК. Час дня. Ну, и 23 минуты, конечно, но когда ты уже так сильно устал, что ели идёшь, на последнее внимания особого не обращаешь. Хотя, иногда бывает, что в такие минуты как раз заняться нечем,

и начинаешь считать минуты… Да что там! Секунды. Они становятся такими медленными, что кажется, будто можно медленно сосчитать от нуля до десяти, и ещё останется время.

— Так! — Палаш вывел Куртяру из раздумий. — Время дневного приёма пищи и отдыха вообще.

— Ура, обед! — обрадовался Куртяра.

— Ну и что ты радуешься? Готовить его тебе, если ты забыл.

Весёлый настрой Куртяры исчез за мгновение. Да, есть-то всегда хорошо, но готовить… Это другой случай.

— И из чего мне готовить? У нас ничего толком такого нет.

— Колбасу пожарь. Шашлычки будут, хех! А я пока осмотрюсь, может, тут где место получше есть. — сказал Палаш. Палаш направился к кустам неподалёку.

Куртяра фыркнул, полез в рюкзак и с немного раздражённым видом достал 5 палок колбасы, насадил её на подобранную ветку и поднёс к костру. Он не был слишком сильным, но достаточным, чтобы что-то прожарилось. Минут через черыре-пять, наконец, потянуло жареным запахом. Куртяра вытащил свою колбаску из костра, чтобы распробовать. Она оказалась не такой уж вкусной, но чувство голода всё же перебивала.

Костёр тихо потрескивал. Куртяра расслабился, слушая этот приятный треск. Вдруг ему показалось, что шумит не только костёр. Откуда-то сзади доносился едва различимый шорох. А ведь там его рюкзак!

«Ага! — подумал про себя Куртяра. — Значит кто-то обнаглел и решил еду потырить… Ну, держись, тварюга!» Тихо, чтобы не быть слишком заметным, он достал автомат и приподнял его. Выждав пару секунд, он резко развернулся и направил ствол в предполагаемого вора. Нельзя сказать, что Куртяра был из впечатлительных людей или тех, кто удивляются всему, что видят, но тут увиденное заставило его остолбенеть. Возле его рюкзака сидела на корточках девочка, на вид лет 12–13-ти (определить было немного проблематично, но возможно), с куском украденной колбасы во рту. Куртяру удивили её волосы — их цвет переходил от светлого к рыжему и, наконец, к чёрному на кончиках. Волосы были довольно длинными и подобный переход позволяли. Одежда её представляла из себя исключительно старый рваный свитер… и была очень рваной, почти тряпьём.

Незваная гостья тихо продолжала сидеть, не сводя глаз с Куртяры. Тут она перевела взгляд на ствол автомата. До Куртяры донёсся громкий крик, скорее даже визг, а затем его нос и щёки почувствовали сильную боль —

незнакомка хотела отбиться от опасной штуки, но промахнулась. «Эй!» — только и успел крикнуть Куртяра, придерживая рукой расцарапанную щёку.

— Ты кого там насилуешь? — донеслось из дальних кустов; девичий крик дошёл до Палаша.

Куртяра, только-только осознавший всю сложность ситуации, решил успокоить девчонку. Он быстро жестами (на долгие нудные разговоры в данной ситуации полагаться не стоит) постарался показать ей, что всё спокойно.

— Н-не убивай! — его собеседница всё так же умоляла, но уже тише, и на сей раз, прикрыв голову руками.

Куртяра встал, как вкопанный, стараясь не создавать лишних движений. Он убрал автомат и бросил его в сторону. Девочка медленно отползла подальше.

— Так, всё. Я без оружия. Всё-всё. Успокойся… Не кричи. — Куртяра хотел любой ценой побольше разузнать о незнакомке. В кои-то веки такое увидишь… Но ясно, как божий день, что просто так она не дастся. А лишний раз портить отношения — несподручно, мало ли...

Девочка с некоторым недоверием посмотрела на Куртяру, но всё же выползла к нему, стараясь выбирать движения, позволяющие, если что, сразу убежать. Куртяре такое недоверие к нему не особо нравилось, но ситуация требовала.

— Куртяра! Ты что там творишь? — послышался невдалеке голос Палаша.

Незнакомка уже приготовилась бежать, но Куртяра опять же своими многозначными жестами показал ей, что лучше потерпеть с этим. Палаш с громкими нелицеприятными комментариями вышел из-за кустов.

— Ну, и кто тут так орал, будто его резали?.. — Палаш прошёл мимо незнакомки, не заметив её.

— Ну, понимаешь… — Куртяра понимал, что фраза типа «да никого тут не было» уже не прокатит — девчонку за версту было слышно, но идеи всё не лезли.

— Ну?

Палаш смотрел на Куртяру с всё более напряжённым видом. Его собеседник уже заметно нервничал. Вдруг тишину прервал грохот среди рюкзаков. Палаш обернулся. Незнакомка пыталась убежать, но споткнулась. Палаш еле сочетал на своём лице сразу две эмоции — удивление и серьёзность. Осознав всю ситуацию, он быстро достал пистолет и направил на девочку.

— Эй, Палаш! — крикнул в его сторону Куртяра. — Тихо! Ты ребёнка убить хочешь?

До его спутника только стало доходить, что перед ним на корточках, закрыв глаза и прикрывая голову от страха, сидело существо, совершеннолетним которое ну никак не назовёшь.

— Так! — Палаш опустил пистолет и медленным шагом подошёл к девочке. — И кто она вообще такая?

— А чёрт её знает! — чётко сказал Куртяра, скрестив на груди руки. — На вид — человек, но какой-то необычный… Дикий, что ли? Не совсем доразвитый…

Девочка слабо понимала, о чём сейчас введутся переговоры, но, услышав слово «человек», посмотрела на Куртяру с немного удивлённым лицом, пошевелив ушами, от чего Куртяра довольно хихикнул.

— Ещё скажи, она охотится тут на всех и на всё!..

Куртяра промолчал, напряжённо посматривая в сторону. Да, он успел разглядеть пятна крови на теле незнакомки, и они были явно не от её собственных ран. Но тревожить своего спутника Куртяра пока не хотел. Мало ли что тот подумает, ещё на месте пристрелит без всяких расспросов. Палаш это умел, охотник из него был что надо. Да чего удивительного, он тут уже нехило так пробыл. Куртяра даже скрипнул зубами от зависти — сам он тут пусть и чуть-чуть меньше Палаша его всё равно считают, если не новичком, то в крайнем случае, опытным. Это если сравнивать с Палашом, коего уже в ветераны записали. Сам Палаш же этого не особо жаловал, но не он ставил порядки.

— Так, ясно. — сказал Палаш, выведя Куртяру из раздумий. — Ну и что мы с ней теперь делать будем?

— Я бы взял её с собой. Втроём веселее и как-то полегче путешествовать.

— Ты что, прямо так вот, думаешь, что её стоит брать? Ты вообще в своём уме, а? — тон Палаша становился всё серьёзнее, плюс он уже переходил на жесты. На лице Куртяры появился еле заметный пот, но он всё же решил не подавать виду.

— А что не так? Она всё равно тут одна бродит… Еду собирает. А так хоть компания её какая будет… Всем же друзья нужны… — сказал Куртяра и тут же заткнул рот. Он понял, что его уже не в ту степь клонит.

Палаш оглянулся и посмотрел на девочку. Затем он перевёл взгляд на рюкзаки с разбросанной едой. Его лицо всё больше хмурилось.

— Не думаю, что связываться с тем, кто у нас еду будет тырить, будет для нас же хорошо…

На глазах девочки появились еле заметные слёзы. Вряд ли она в полной мере понимала, о чём сейчас спорят на еле понятном для неё языке двое больших существ перед её лицом, но какие-то презрительные или негативные нотки в её сторону почувствовать могла. Палаш заметил это.

— Без намёков! — чётко высказался он. — Ну а всё же? — он повернулся к Куртяре.

— Ну, а что, всё-таки? — спросил тот. — Будет, кому нам спину прикрыть и еду иной раз добыть.

Палаш хмуро посмотрел сначала на смущённую дикарку, сидящую рядом на корточках и хлопающую удивлёнными глазами, потом на улыбающегося Куртяру, затем снова на девочку.

— И чтоб я тебе ещё раз доверился… — Буркнул он себе под нос. — И как, хотя бы, нашу новую знакомую величают? В смысле, как зовут-то тебя? — Палаш нагнулся к девочке, от чего та осторожно отошла назад.

Девочка склонила голову то ли от смущения, то ли от недопонимания сказанного.

«М-да, в лесу все свои годы проживёшь — и не такое забудешь…» подумал Куртяра. «Хотя, кто это существо знает — может, и не все? Я вообще в Зоне во-он сколько, а таких вот… Не, странно…»

— Но без имени, уж извиняй, нельзя. Хотя, это Зона. Тут больше погоняла любят. — Палаш усмехнулся собственной фразе. — Может, подобрать тебе чего?.. Будешь у нас… Эм…

— Ласточкой! — крикнул Куртяра.

— И почему? — с явно недоверчивой и вопросительной интонацией произнёс Палаш.

— Не знаю, но мне нравится. Звучит!

— Ох…— Палаш отвёл взгляд. — Ну, как пойдёт тебе такая кличка? — спросил Палаш девочку.

Та тихо и неуверенно кивнула.

— Ну вот и определились! — сказал Куртяра, поднимая брошенный автомат с земли.

— Лады. На сей раз, твоя взяла. Но учти, что я с этим мириться особо не буду! — угрюмо ответил Палаш и направился в сторону ближайшей опушки, благо она была недалеко. Там Палаш планировал обустроить мелкий лагерёк для ночлега. Это место, где они устроили привал, не очень подходило под нужные требования.

— Замётано!

Куртяра неспешно последовал за ним. Ласточка поползла на корточках за ними. Всё-таки в том месте, где находились они, было поопаснее, чем там, куда они направлялись. По крайней мере, в полной мере так казалось только одному из членов их группы. Но спорить с этим членом — то ещё удовольствие.

— Ну и как ты её уговорил? — буркнул Палаш Куртяре. — Она же даже из нашего с тобой разговора немного поняла…

— Животное всегда пойдёт за тем, кто может ему что-то дать. Даже если это животное — человек.

— Философствуешь?

— Разумничаю!..

Палаш в очередной раз нахмурился и отвёл взгляд. Нет конструктивного диалога у него и Куртяры не будет… Сам же Куртяра тем временем держался поближе к новообретённой знакомой. Та же, в свою очередь, стремилась поддерживать расстояние, но не слишком далёкое и просто шла рядом.

— Слушай, — тихо спросил Куртяра Ласточку, — А чего именно ты испугалась, когда со мной встретилась?

— М-м-м… — скромно замялась Ласточка. — Ж-животное… Пища. Тебе… Н-не особо… Боюсь б-больше… Та, твоей… Штука.

— Это какую? — с недоумением спросил Куртяра.

— Н-ну … Длинной… Серая… Ещё светится… Ш-шумит громко…

— А! — дошло до Куртяры. — Автомата, что ли? — он достал свой «Абакан».

Ласточка закричала и замахала руками, стараясь отмахнуться от опасной для неё штуки, так, что Палаш даже с удивлением обернулся, мол, чего они там опять вытворяют. Нахмурив брови, он дал знак Куртяре «Не чуди!». Тот тихо выругался.

— Да тихо-тихо…. Успокойся. В умелых руках он не опасен.

Но автомат Куртяра всё-таки спрятал. Он медленно шёл к новому лагерю, изредка поглядывая на новую знакомую, мало ли чего она ещё учудит, и думал. Он думал о том, что теперь, наверное, его с его не самым любимым напарником Палашом ожидает нечто большее, чего раньше не было. Возможно, новые приключения, а возможно, и новые проблемы. Кто знает? Но пока с ними Ласточка, о мутантах можно не беспокоиться. По крайней мере, Куртяра надеялся на это, их отношения выстраивались пока только на взаимном доверии, причём со стороны Куртяры в большей степени. Он и сам не особо хорошо доверял Ласточке, но скидывал это на малое время для лучшего

узнавания друг друга. Возможно, Ласточка и не такая, какой кажется с первого взгляда — такая, которая не разбирает, где еда, а где помощь. Возможно…

Глава 3. «Посиделки у костра ~Узнаем друг друга получше~»

Костёр горел неярко. Дрова были немного сырыми и не давали того эффекта. От него исходило каким-то домашним и очень знакомым теплом. Многие, наверное, любят такие костры. Возле них приятно греться, в них приятно подкидывать новые дровишки. В Зоне костров было навалом, но такие — редкость.

Сам лагерь тоже был на удивление хорошо обустроен. Пусть там и были всего-то пара-тройка навесов да небольшая сделанная на скорую руку оградка. Лагерь был, пусть немного сырым и неуютным, но вполне себе годным. А учитывая, что он был единственным таким на ближайший километр, он имел полное право считаться лучшим.

Троица сидела вокруг костра. Каждый занимался тем, что счёл нужным. Палаш практически дремал, уткнувшись носом в колени, Куртяра чистил свой автомат, попутно доедая последний кусок колбасы, а Ласточка просто сидела, изредка подбрасывая в костёр найденные палочки и смотря на всё это с неким удивлением, иногда она поигрывала с недавно найденной и прирученной ею мышкой.

— Мда… — протянул Палаш. — Три часа обустраивали лагерь, чтобы в нём просто так сидеть… — он взгляну на небо, затем на часы в КПК. — Уже часа эдак два с половиной.

— И? — спросил его Куртяра, одновременно с этим подбросив оставшийся кусочек колбасы Ласточке, которая его тут же ловко поймала. — Что-то не так?

— Да нет. Просто, как-то скучно, и… Я себе походы другими какими-то представлял. Более энергичными, что ли?

— Закупись энергетиками и «Геркулесами», и поход у тебя будет не просто энергичным, а…

— Я серьёзно, вообще-то. А хотя, ладно уж. С тобой спорить — себе дороже.

— Ну, извини, что моё мнение потревожило твои чувства… Эх-х… Просто я со своего 10-го года, как в Зону пришёл, до сих пор себе дело по душе найти не могу. — Куртяра грустно склонил голову. — И артефакты собирал, и по мелким поручениям бегал, но чтоб поход… Да ещё и долгий… Ух, нет, такого не было. Я с ними особо не знаком.

Куртяра отложил автомат, почистил руки от грязи, достал хлеб из рюкзака и молча, уселся возле костра. Доедая последние крошки, он смотрел на огонь, потрескивающий в тишине вечера.

Палаш посмотрел на него с некой долей понимания. Ему и самому пришлось испытать немало трудностей во время его похождений в Зоне. Хотя, если подумать, на Большой земле у него было куда больше проблем…

Кордон, 2010 г.

Палаш тихо перепрыгивал из-под кустов в кусты, чтобы его не заметили. Лишний шорох — считай, увиден, услышан, учуян и прочее, вместе взятое… Выпрыгнув из последних кустов, он перекатился за камень и начал перезаряжать старенький ТТ.

— Дать врагу перезарядиться, конечно, благородно… Но, я не думаю, что в Зоне много таких людей… — неожиданно сказал голос где-то сбоку.

Палаш тут же забыл, что перезаряжался, и резко направил свой пистолет в сторону предполагаемого противника.

— Ну-ну! — продолжил голос. — Лишний раз пукалкой не размахивай — тебе же хуже будет…

Палаш присмотрелся. Из-за камня вышел Дятел, местный охотник, пусть и не самый успешный, но славу среди новичков сыскавший.

— Уф… Дятел, ты хоть предупреждай, что идёшь…

— Хороший охотник всегда должен быть наготове, а противник тебе кричать «Я тут! Я к тебе иду!» вряд ли будет…

Палаш нахмурился.

— Ну, и зачем ты здесь? — с поддельной ухмылкой спросил он. — Явно не чтобы мне советы давать…

— Естесна… Ну, кхе-кхе… В общем, не для веселья сейчас минутка… Ты денег-то сколько уже собрал?

— Тысяч четыреста-пятьсот где-то. Ещё примерно столько же, и можно отдать, наконец, долг. Всё-таки старые добрые спецназовские навыки помогают иногда…

— Как тебе сказать… — Дятел отвёл взгляд. — Собирать денег тебе уже не придётся…

— В смысле? — удивился Палаш. — Не хочешь ли ты сказать…

— Да-да… Убили они его, брата твоего, всё-таки. Сказали, что ты уже месяца два с деньгами возишься, а им это не нравится. В общем, меня тут просил кто-то тебе передать, я передал. Не знаю, как ты там дальше разбираться будешь — это твоя забота…

Палаш сел под камнем, отбросил пистолет в сторону и склонил голову на колени. По его щеке прокатилась еле заметная слеза печали, что все усилия были напрасны. Дятел несколько секунд с сожалением смотрел на него, но, всё-таки, развернулся и ушёл восвояси, оставив Палаша наедине с самим собой.

Много лет уже прошло с того момента, многое забылось, но именно тогда Палаш навсегда для себя понял, что доверять нельзя ни одному человеку, каким бы искренним он не был, ибо даже самый чистый на вид человек может воткнуть нож в спину…

Костёр всё также потрескивал, напоминая о себе. На Зону всё больше и больше надвигалась ночь. Уже конкретно стемнело, и Палаш всё-таки потушил костёр, и так уже почти сжёгший последние ветки.

— Эх, спать уже пора. — заявил Палаш и повернулся к Куртяре. — Ладно, ты как знаешь, а я всё-таки побаиваюсь спать, так сказать, наедине с тем, с кем знаком меньше суток. — он указал на Ласточку, не обращающую на них внимания, сидя на корточках, и теребя какую-то палочку, одной ей известно, зачем. — Особенно учитывая её не совсем людские причуды…

— Не-не-не! — воскликнул Куртяра. — прогонять мы её никоим разом не будем. Покажем себя, как мирных заботливых людей…

— Ну, ты как хочешь, а я за свою безопасность волнуюсь!

— И что наш «гениальный ум» предлагает?

Палаш, нахмурившись, встал со своего места и подошёл к рюкзаку. Порывшись в нём, он достал толстую верёвку. Подойдя к девочке, он привязал один конец к её руке, а второй к дереву неподалёку. Ласточка с недоумением посмотрела на них обоих, но промолчала.

— Ничего личного. — чётко ответил Палаш, улёгся под своим тентом, накрылся старым куском ткани, который он таскал повсюду, и посоветовал своим напарникам также соблюдать режим.

Куртяра раздражённо закатил глаза, но лишний раз перечить не стал. Он бухнулся в заранее им собранную кучу листвы и устроился получше. Ласточка долгое время ещё сидела просто так, но затем, всё-таки, улеглась у дерева, свернувшись клубочком.

Луна возвышалась всё выше и выше. Вместе с тихим, но сильным ветром тёмные облака двигались куда-то на север. Скоро, возможно, до самой ЧАЭС дойдут, кто их знает… Едва различимые, и потому абсолютно чёрные, деревья ещё больше накаливали обстановку, постоянно перешёптываясь между собой на каком-то своём языке, а наглые голодные псы выли где-то вдалеке, окончательно показывая, что знак «Увага! Небезпека!» висит на входе в Зону не

случайно. Зная местную фауну, можно сказать, что безопасных мест тут, как пальцев на одной руке.

Куртяре всё не спалось, он всё ворочался на своём месте. Наконец, он окончательно встал и тяжело вздохнул — нет, уснуть сегодня определённо не получится. Он глянул в сторону Палаша. Тот, кто так ответственно относился к общей безопасности, дрых как убитый. Кто знает, может, он сам себя так хорошо успокоил? Затем Куртяра, прищурившись, посмотрел в сторону, где лежала Ласточка. Их спутнице почему-то тоже не спалось. Она сидела возле дерева, всё так же привязанная, и смотрела на луну.

Куртяра подошёл к ней и сел рядом, пытаясь понять, что её так заинтересовало. Кто её, в конце концов, знает? Может, сейчас в ней пробудятся животные инстинкты, и она под их велением начнёт выть? Может, она просто о чём-то мечтает, например, попасть на этот странный светящийся кружок (мотыльки же зачем-то бьются в лампочки)? А может, ей это просто нравится?.. Тут еще, поди пойми, что крутится в голове у человека, явно десяток лет прожившего в одиночестве, перебегая с места на место и охотясь на всё, что вкусно пахнет.

— Дождь… дол-жен… — пробормотала девочка, вставая со своего места, и идя обратно к дереву.

— Дождь? — переспросил Куртяра, взглянув на небо. Да, облака, конечно, становились всё темнее и темнее, а их общее количество увеличивалось, но о дожде он как-то не думал.

Ласточка тем временем снова устроилась под деревом, ибо с верёвкой она всё равно далеко не уйдёт. Однако на сей раз, их спутница легла под густым слоем веток. Возможно, в надежде, что там её не замочит ею же предсказанным дождём.

Куртяра не стал опять ложиться на старое место — всё равно не уснёшь там. Он решил уснуть под тем же деревом, опершись об него спиной, так как в любом случае он бы выиграл. Если бы уснул, то хоть бы отдохнул, а ежели нет, то хотя бы посидел на стрёме. Однако, всё-таки не всем справиться с Морфеем, так что пришлось выбирать первый вариант.

Глава 4. «Новый день ~Окультуривание~»

Настало очередное утро. Утро такое, каким оно и должно быть — красный горизонт, несколько мелких облачков и голубоватое небо на всей остальной его территории.

Собственно, сейчас было примерно шесть-семь часов утра (проверить точно никто пока не мог — все спали), так что наслаждаться утренней зарёй

было некому. После ночного дождя, который был не так уж и давно, осталось довольно много луж, что не особо могло радовать… Хотя, смотря кого. Некоторые любят и их обилие. Мокрым было и всё в лагере, более или менее. С навесов медленно стекали капли воды, падали на сырые заборчики и с них уже летели на землю. Казалось, что легче построить новый лагерь, чём просушить старый.

Утро всё приближалось к полному рассвету. Вслед за остальной природой проснулась и Ласточка. Ей было не впервой — выживая в дикой среде приходится быть жаворонком. По-утреннему зевнув, а после осознав, что строгой необходимости прямо сейчас вставать нет, она решила немного полежать и подумать о своём. Никому, конечно, её мысли в тот момент не узнать... Да и надо ли?

Долго не заниматься ничем не было в её интересах, и девочка быстро отложила это дело.

Тихо встав, чтобы никого не разбудить, она перегрызла верёвку и тихонько прокралась к ближайшему и довольно высокому дереву. Взобравшись на него, Ласточка села на толстой ветке. Отсюда было видно большую часть окрестностей — лес, поляны, насколько заброшенных зданий вдали и подходящая к ним дорога. Осмотр окрестностей ей вскоре тоже порядком надоел, ну что поделать, девочка-живчик, однако. Но, собственно, что обычно представляет собой обычный день дикарки? Охота на кого-нибудь да выслеживание последнего. Набор невелик, к сожалению.

Вдруг до её уха дошёл до боли знакомый звук — собачьи рык и вой, сигнализирующие о том, что хищники вышли на охоту. Спрыгнув с дерева, что не было для неё каким-то необычным делом, девочка перекувыркнулась и запрыгнула в высокую траву (инстинкты всё напоминают о себе), благо её тут было предостаточно. Выглянув и осмотрев быстрым взглядом территорию, Ласточка убедилась, что никого живого поблизости не наблюдается. Затем, чтобы казаться как можно более незаметной, она тихо прокралась за ближайший камень.

Сейчас Ласточке предстояло решить: или убежать, чтобы не быть разорванной собаками, или пойти в атаку? Второй вариант, кстати, тоже можно было разделить ещё надвое: напасть сразу на всех или на одного-двух каких-либо из стаи, возможно, самых слабых. Был и третий. Не ходить в атаку самой…

Тем временем, в своеобразном лагере, где и спали двое путешественников, никто вставать не думал. Ну, до поры до времени… Да, спать вечно нельзя, и Куртяра всё-таки проснулся. Обычно он был заядлым

лежебокой, но и спал он обычно в лагерях, на природе реже. Потянувшись и порадовавшись новому дню, он подошёл к рюкзаку и начал выискивать остатки еды. Особо ничего не нашлось — только несколько консервов. Куртяра нахмурился и сплюнул.

Тут его внимание привлёк один факт. Куртяра удивился, подпрыгнул с места и подбежал к Палашу, всё ещё дремлющему. Быстро мелкими пинками он добудился своего спящего спутника, на что тот проклял его, как только смог.

— Слушай, Палаш, у нас проблема небольшая.

— Что? — спросонья спросил его собеседник и далее с усмешкой. — Еда кончилась?

— Ну, не совсем… Но пропало кое-что другое…

Твоё желание спать?

— Да нет же! Посмотри! — крикнул Куртяра, указывая на дерево с верёвкой.

До Палаша дошло не сразу. Но как только дошло, он тут же быстро встал, подбежал к тому самому дереву и схватил верёвку. Рассмотрев её, он выдвинул единственный вывод:

— Перегрызла, тварюга…

Куртяра был в растерянности. По сути, взять Ласточку с собой была его идея. Палаш ей противился едва ли не всем телом. Учитывая, что, по сути, девочка сейчас сбежала… Нетрудно было догадаться, что могло сейчас вертеться в голове Палаша.

— Ну, и что делать будем? — тихо спросил Куртяра.

— Что-что?! Искать! Пока она ещё дел не натворила… — сказал Палаш, копошась в своих вещах. Он подобрал свой «Винторез», а Куртяре кинул его оружие.

Куртяра очень удивился. Он ждал явно другого ответа, типа «пусть себе бежит на все четыре» или «найду, пристрелю к чертям», но никак не «пойдём, поищем». Что-то в Палаше было странным… Что-то подкинуло ему иное мнение. Но что?

Куртяру отвлёк от мыслей лай собак неподалёку. Прислушавшись, он понял, что лай постепенно усиливался. Вот и зашевелились кусты. Внезапно из них выбежала целая толпа собак, слепых и из псевдо-видов. За собаками на четвереньках бежала Ласточка с мышью на плечах. Отборно выругавшись от такого неожиданного рояля из кустов, Куртяра быстро снял с плеч автомат и направил его на бегущих противников. То же сделал и Палаш.

Первая, вторая… Трупы только успевали разлетаться. Одна собака попыталась схватить Палаша за ногу, но он вовремя отпрыгнул и хладнокровно

пристрелил наглеца. Ласточка всё бегала, попутно охотясь, чем также помогала команде.

Наконец, все псы были перебиты. Картина была не из приятных. По всей опушке несло не то кровью, не то мясом. А то и вообще вместе. Палаш оглядывал место расправы, Куртяра пытался отдышаться после боя, Ласточка подбирала куски мяса с земли на завтрак.

— Вот уж точно «Ласточка день начинает»… Ух-х, бодрит! — сказал Куртяра, нервно поглядывая на Палаша.

Тот с серьёзным видом взглянул на Куртяру, перевёл взгляд на учредительницу беспорядка с куском тела собаки во рту, а затем просто опустил взгляд. Нет, он хотел спокойной умеренной жизни хотя бы сегодня, хотя бы в этот час, да хоть бы эту чёртову минуту… Но нет! Всё что-то мешает… Два человека. Один не знает, что вообще толком делает, а второй закрывает на всё это глаза. Как в таких условиях нормально работать?

Палаш не стал лишний раз срываться, а просто сплюнул и занялся своими делами. Куртяра развёл руками.

— Да, кстати! — резко сказал Палаш, но договаривать сразу не стал. Он подошёл к Ласточке, нагнулся и выхватил из её рта кусок мяса, на что та озлобленно фыркнула.

— …Накорми её чем-нибудь… Культурным.

— У нас из еды-то осталось несколько консервов… — съязвил Куртяра.

— Пойдёт.

Делать нечего, Куртяра достал несколько консервных банок с тушёнкой — одну положил перед собой, вторую кинул Палашу, едва не промахнувшись, а третью с наигранной торжественностью вручил девочке. Палаш быстро вскрыл свою банку ножом, подцепил им тушёнку и начал жадно есть. Палаш покачал головой, опёрся спиной на ближайшее дерево, закинув ногу, и тихо начал есть, думая о своём.

Куртяра быстро кончил со своей банкой и бросил её в рюкзак. Да, несмотря на свой ветренный характер, он был довольно чистоплотным. Почему бы и нет, собственно? Он глянул на своего спутника, Палаша, тот всё ещё стоял в той же позе с консервной банкой, по которой было видно, что он не съел и половины. Куртяра фыркнул и перевёл взгляд на Ласточку. Та всё мучалась со своей банкой: стучала по ней пальцем, скребла ногтями, грызла, но заветная тушёнка всё не являлась наружу.

Куртяра хлопнул себя по лицу и засмеялся. Действительно, он забыл, что Ласточка не сможет просто так открыть жестяную банку. Отобрав у неё эту самую банку, он всё же вскрыл её и подал Ласточке опять. Та, немного

смущаясь, всё-таки взяла банку, повертела её в руках, выбросила содержимое и начала есть. Куртяра довольно улыбнулся, Палаш покачал головой.

— Так, народ! — громко сказал он завтракающей парочке. — Идти надо, мы и так от графика отстаём.

Куртяра недовольно буркнул что-то себе под нос, Ласточка же с удивлением смотрела на всё происходящее с банкой в руках.

К полудню группа уже далеко отошла от старого временного лагеря. Впереди шёл Палаш, за ним уставший Куртяра. Сзади ползла Ласточка с мышкой на спине. Шли уже долго, хотя лагерь был уже относительно недалеко.

— Ро-дя… — послышался сзади голос Ласточки. — Ре… Реда-ци-я…

— Чего? — немного наглым тоном переспросил Палаш и повернулся к Куртяре.

— Радиация там. — чётко ответил Куртяра, оглядывая местность впереди. — Причём, судя по растительности, нехилая.

— Обойдём?

— Не… Тут, я так понял, длиннющая полоса этой радиации простилается. Время потеряем.

Палаш, выругавшись, спустил свой рюкзак с плеч, полез в него и достал два артефакта.

— Скажи спасибо, что хоть я о нас с тобой берегусь… Вот, припас ещё перед походом. — сказал он и кинул Куртяре один. — Извини, но на «третьих лиц» расчёта не было.

Куртяра посмотрел на артефакт, потом на Ласточку и подумал.

— Хм, я, кстати, тут как раз собирался проверить теорию одного моего друга…

— Что за друг? — спросил Палаш, надевая обратно рюкзак.

— Да так, ныне покойный… Не в этом суть. Он мне когда-то говорил свою теорию о том, что при близком контакте двух тел свойства артефактов должны передаваться, пусть и ослабленно, как при передаче от пояса с артефактом телу или при передаче между частями тела…

— Я к тебе прижиматься не буду!

— Тебе и не надо. Ласточка! — он позвал девочку. — Полезай!

Палаш некоторое время с удивлением смотрел, как девчонка залезала на плечи Куртяры. Со стороны это выглядело так себе, но это всё Куртярины странные идеи, с которыми Палашу всё приходилось сталкиваться, а чаще всего, ещё и мириться.

Палаш ступил на чёрную от радиации землю. Куртяра с Ласточкой на печах последовал за ним. Сам Куртяра воздействия не чувствовал у него

артефакт на поясе, но он взглянул на девочку. Та, вроде бы, не жаловалась, но всё же…

Заражённая поляна была пройдена достаточно быстро. Даже слишком. Но это было даже в плюс. Куртяра ещё больше устал, неся Ласточку, хоть она и была почти невесомой. Палаш опять же смотрел на всё это без удовольствия, но всё-таки не вмешивался — Куртяра, как-никак, сам себе проблему нашёл. Точнее, она его нашла. Он раздвинул кусты, прорастающие на дороге, и встал.

— Так, народ, мы пришли!

Глава 5. «Лагерь ~Не финальная точка~»

— Что значит «Нет, нам с нею идти нельзя»? — возмутился Куртяра. — Она уже стала практически частью нашей группы.

— И всё же… Это может показаться странным для присутствующих в лагере. Это ты-то у нас хорошо продержался, некоторые после такого пить бросают. Так что… Я предлагаю отпустить уже её. Да, она нам неплохо помогла. — в голосе Палаша искренности не чувствовалось. — Но на этом и всё!

Куртяра надулся. Он только начал привыкать к Ласточке, как теперь придётся её бросать. Не дело это. Но против Палаша всё равно не попрёшь. Куртяра подсел к девочке, поговорил с ней о чём-то (что опять же, больше напоминало монолог) и жестами начал показывать, что ей с ними нельзя. Девочка смотрела на Куртяру не то с жалобностью, не то с удивлением. Наконец, она всё же решила отойти, а затем и вообще скрылась в кустах.

— Ушла? — не оборачиваясь, спросил Палаш, в это время наблюдавший за лагерем.

— Ушла…

— Ну, тогда и мы пойдём!

Нельзя сказать, что лагерь, где командиром был Як, был таким уж мощным и неприступным. Нет, скорее наоборот. Собственно, как и все лагеря в Собачьей лощине. Вообще, он представлял из себя обычную старую деревеньку, где каждый дом имел своё предназначение. В центре — большой двухэтажный дом, ныне служащий главным командирским пунктом, в старом магазине расположилась каморка торговца, а в не менее старом медпункте — медпункт современный. Под одним большим навесом для дров был бар. Остальные дома уже жилые. В общем, идиллия.

Палаш тут был некоторое время назад, до прихода в нынешний лагерь, Куртяра вообще был тут впервые. Несмотря на это, оба они чувствовали себя здесь «в своей тарелке». Но основной целью всё же было взять кейс у Яка.

Куртяра вызвался пойти самому, так как «у него с этим дела обстоят лучше». О чём он точно сказал, Палаш так и не понял, но перечить не стал — ему не помешало бы отдохнуть.

Куртяра зашёл в главный дом и поднялся на второй этаж, так как в нормах любого командира сидеть на самом высоком этаже. Но Яка на месте не оказалось. Удивившись такому раскладу, Куртяра пошёл обследовать всё помещение, ловя при этом презрительные взгляды охранников. Снова ничего.

Палаш тем временем посиживал в местном открытом баре, раздумывая о возможных дальнейших после этого дела заданиях и способах заработка вообще. Он стоял за столом, облокотившись на него и скрестив руки. Возле него стояла рюмка, содержащая водку лишь наполовину. Палаш прошёлся по ней взглядом, тяжело вздохнул и посмотрел куда-то в сторону. Вдруг ему показалось, что там, в той самой стороне, что-то мелькнуло и скрылось за ближайшим зданием. Палаш оглянулся и посмотрел на других посетителей бара. Все о чём-то оживлённо болтали или спорили, кто-то просто выпивал, пока мог. Но никто, похоже, ничего не видел. Повертев головой, Палаш постарался отогнать дурные «видения».

Куртяра всё мучался в поисках одного единственного человека. Расспросы сталкеров тоже не особо много дали. Только тот факт, что Як ушёл из лагеря. В очередной раз ему тут постоянно не сидится. И как всегда, выдал, куда идёт только одному человеку, своему самому лучшему другу, Щеглу. Вызнав местоположение теперь уже Щегла, Куртяра направился к нему.

Щегол, приличного на вид количества лет сталкер, сидел в развалистой позе на небольшой почти разрушенной завалинке, покуривая сигарету. О чём он думал в тот момент никому не представится возможности узнать, но Куртяра всё же вывел его из раздумий своими криками.

— Чего ты узнать хочешь, друг мой? — тихо и немного наигранно спросил его Щегол.

— Уф-ф… — Куртяра пытался вдохнуть посте своих попыток позвать своего собеседника. — Короче, где Як?

— А, ты тоже один из тех, кто хочет это узнать…

— Ну, вообще… Да.

— Ну, а что ты стоишь? Присаживайся, в ногах всё равно правды нет. Ты ж, небось, устал, как-никак с дороги. Да-да… Я вижу, что ты не местный…

— Где… — попытался всё-таки выведать информацию Куртяра.

— Торопливый… А ты садись-садись! Историю хочешь послушать? Мою. Я ведь тоже люблю иногда посталкерствовать…

Куртяра заворчал. Ему говорили, что с Щеглом может быть немного сложно, но он не представлял, что настолько.

— Ладно, давай уж… Рассказывай…

— Так, тогда закрой глаза и открой уши — представляй и дальше слушай!

Глава 5.5. «Чужой поход ~В добрый путь!~»

Внимание! Данная глава является внесюжетной, её можно пропустить.

Щегол сидел за барной стойкой, изредка от безделья постукивая по бутылке водки. Содержимого в бутылке уже давно не было, так что звук был громким. За той же стойкой рядом с Щеглом стояли Кракс, Бекас и Тювик. Первый — человек лет 30-35-ти, смышлёный, атлетического телосложения, второй — его полная противоположность, возрастом приблизительно лет 25-26, ну, а дополнял сию картину третий — Тювик — не рыба, ни мясо в общей компании, а, скорее, что-то среднее. Все вместе они уже битый час посиживали в местном баре, отмечая последнюю, наиболее удачную, ходку.

По внешнему виду всей этой компании можно было смело заявить о нетрезвом состоянии каждого из её членов. Бекас, например, вообще уже видел N-ый сон. Щегол ещё держался, но всё равно чувствовал, что долго это делать не сможет. Внезапно его прервал неожиданный, в чём-то даже не к месту, вопрос его друга Тювика. Спрашивал тот шёпотом.

— Слушай, напомни-ка мне, что было в том КПК, что ты нашёл у того трансформатора.

— Что-то о тайнике на западной части лощины… Не помню уже… — так же шёпотом ответил Щегол. — На, вон, сам посмотри. — и он подбросил Тювику тот самый КПК.

Тот некоторое время с усталым видом порылся в нём, читая записи.

— Так… «31 июня мы шл…» Не, не то! «20 июля. Наткнулись на…» Нет, опять не то. Так, подскажи-ка, когда это примерно было?

— Где-то в середине августа, вроде бы… — зевнув, ответил Щегол.

— Хм… А, вот! «16 августа. Оставил тайник на Белой дороге. Проверить 25 числа». Судя по тому, что записей после 20-го нету, думаю, за тайник можно не переживать!

В разговор вмешался Кракс.

— А что за «Белая дорога» там? Никто не знает?

— Я особо не помню… — начал Щегол. — Но «Белой» её не за красивые глаза прозвали. Только дай Бог памяти…

Щегол всё время любил подыгрывать себе жестами, так и сейчас. Активно размахивая руками, он случайно опрокинул рюмку так, что её содержимое выплеснулось прямо на лицо Бекасу.

— Эй! — закричал проснувшийся от такого неожиданного действия Бекас. — Что за шутки? Человеку нормально поспать не дают…

Щегол с Тювиком переглянулись. Тювик отмахнулся, мол, «ну, бывает…». Щегол отвёл взгляд.

Внезапно их задушевную беседу прервал вбежавший из неоткуда старый друг компании Лобзик.

— Эй, ребят, слышьте, чё узнал! — крикнул он.

На него обернулись все четверо одновременно с одним и тем же выражением лица.

— Короче, говорят, что ночью на болотах… Тех, что южные… Ну, вы поняли. Короче, там, типа, это… Вояка накрылся. Вот теперь все легавые там собираются зачистку устроить… Они же говорили…

— «Они же говорили-они же говорили…» — передразнил его Щегол. — Ты, позволь узнать, от кого историю узнал? От Вертопраха, небось?

— Ну… — замялся Лобзик.

— Эх, Лобзик. Ты ж вроде хитрый, смышлёный, а ума, на самом деле, как у дошкольника… — Щегол с наигранно ругательной интонацией дёргал Лобзика за ухо. — Веришь всему попало. Не, я слышал про вояку, но чтобы зачистку… Кстати, как там его? вояку этого?.. Каспий… Ладога… Так, какое озеро там самое глубокое?

— Байкал. — отозвался Тювик.

— Во, точно! Ну, дык вот, Лобзик… Что скажешь?

— Ну… Э… — всё также мялся его собеседник.

— Да ладно уж, Бог с тобой!

Лобзик потёр больное ухо, оглядел компанию и задал довольно неожиданный вопрос.

— А вы что, куда-то собираетесь опять?

Щегол посмотрел на него и усмехнулся.

— А ты как догадался?

— Да у Тювика пистолет в правом кармане рюкзака, он его туда только перед походами кладёт…

Тювик нервно улыбнулся и осторожно пощупал рюкзак. Его действия «положить пистолет в правый карман рюкзака» были настолько отработаны, что он их и сам не замечал.

— Эх, Лобзик! Ну вот что-что, а твою наблюдательность я уважаю. Никого наблюдательнее не знаю. — нахваливал его Щегол.

— Ну, это да… Кстати, убери пистолет у меня из-за спины. Я же знаю, что ты меня на наблюдательность проверяешь…

Вся группа рассмеялась от такого поворота. Да, у Лобзика был острый глаз. Самым большим его достижением было то, что он заметил пробегающую крысу на расстоянии в сто метров невооружённым глазом. Щегол всё раздумывал взять Лобзика в группу снайпером или кем-то, где нужен зоркий глаз, но как-то не до того было.

Тювик отметил, что время уже позднее, поэтому, ещё немного посидев и весело поболтав, все уже собрались спать.

Следующий день выдался не самым удачным на погоду. Пасмурная, туманная, холодная — эпитетов можно было придумать много. Но надо было идти, так что группа выдвинулась. Лобзика с собой всё же не взяли, шли вчетвером.

Вдруг Щегла тихо позвал Тювик.

— Ты-то хоть знаешь, что нас там вообще ждёт?

— Честно? В душе сам знаешь, чего не делаю…

— То есть, может, мы прямо сейчас идём на верную смерть или…

— Тювик! Не строй глупых теорий. — обернулся Кракс.

Тювик надулся.

— Я просто пытаюсь хоть как-то обезопасить нашу группу.

— Да? — удивился Щегол. — А кто вчера едва ли не первым рвался?

— Ну, да. — Тювик скромно поправил рюкзак. — Ну был немного пьян. Ну, с кем не бывает…

— Тогда забей и иди рядом. Если что-то случится, то случится. Не нервничай раньше времени.

Тут их обоих прервал Бекас.

— Так, стойте, ребят! Дальше уже «Белая дорога».

— Может, мне, блин, хоть кто-нибудь, так, для общего развития, объяснит, что, всё-таки, это, чёрт возьми, за «Белая дорога» такая? — рассердился Кракс.

— Я тут вспомнил… В общем, слепит она. Так, что всё белым кажется… Ребята рассказывали. Временно это всё, конечно, но и так ориентироваться трудно.

— Значит, прямо туда не пойдём! — чётко сказал Кракс. — А вообще, где наша цель?

Тювик достал КПК и, пролистав несколько вкладок, открыл карту. На карте были отмечены четыре точки, но не они интересовали каждого из их владельцев, а пометка недалеко от них.

— На северо-западе!

Дальнейшее похождение за хабаром прошло уже в тишине, общаться как-то никто не хотел. Пройдя очередной лесок, четверо товарищей вышли к большому трансформатору — цели, указанной в КПК. Но Тювику кое-что показалось странным и он, передав КПК Щеглу, осторожно пошёл в сторону трансформатора, постоянно оглядываясь по сторонам. Остальные медленно пошли за ним. Тут послышалось всего одно слово, но громко звучащее со всех сторон:

«Стоять!»

На группу со всех сторон выскочили люди в синих комбинезонах, наёмники, угрожая стволами. Тювик поднял руки, остальные последовали его примеру.

Щегла связали первым, завязав руки и ноги и заодно отобрав оружие. Один из мерков толкнул его в спину и пинком откинул в сторону. Далее пошёл Тювик. К нему подошёл наёмник и отобрал КПК.

— Эй, Удав! А это неплохая идея-то была с тайником! Каких мы уже ловим?

— Заткнись, Камыш! Эти всего третьи… А идея была бы хорошей, ежели всё их добро нам уходило. Но ты же помнишь… Так, чё стоишь? КПК давай сюда, живо, он ещё пригодится!

Камыш подкинул КПК Удаву, но тот, не долетев, грохнулся в лужу, облив заодно самого Удава.

— Ка-мыш! Ты же знаешь, что я щас сделаю?!

— Ну, э… Кажется, да…

Далее пошли только громкие и яростные крики Удава, состоящие, по большей своей части, из слов, для обычного художественного произведения, такого, например, как это, непригодных. Тювик хотел было только ударить себя по лицу от этой картины, но он вспомнил, что его руки уже были связаны.

Щеглу эта же самая картина уже была не видна, отчего ему было очень даже завидно. Но вдруг его внимание привлёк шёпот из ближайших к нему кустов.

— Эй, пс-с!

— Кто это? — тихо спросил Щегол.

— Да я это, я! — незаметно высунулся из кустов его старый знакомый Лобзик. Из-за того, что все отвлеклись на Удава и Камыша, сюда даже никто не смотрел.

— Ты-то что тут делаешь?

— За вами пошёл, мало ли, может, даже моя помощь пригодится… Ну вот и заметил…

— Да, ты это умеешь. — подметил Щегол.

— Я могу чем помочь или сами справитесь? — пошутил Лобзик.

— А ты как думаешь? Я вот думаю, что можешь! Нам нужно устранить этих мерков, как можно быстрее.

Лобзик только замахал руками.

— Я туда не полезу! Один на всех? Это… Это ж…

— Да не щас! Ты же снайпер?

— Ну.

— Нас будут вести во-о-он по той дороге, там есть хорошее место на холме, я щас только подметил.

— То есть ты…

— Ну, ты же смышлёный. Думаю, догадался. Ладно, всё, ныкайся!

Лобзик быстрым движением нырнул обратно в кусты. Ему предстояло обдумать чёткий план. То ли дело — крысу на трёхстах метрах подстрелить, а то — товарищей не задеть.

Повели группу действительно по вышеупомянутой дороге. Наёмники шли весёлым бодрым шагом, за исключением Камыша, сталкеры же были в невесёлом настроении. Больше всего нервничал Щегол, изредка поглядывающий на позицию на холме, на которую указал сам. Они уже давно прошли благоприятную позицию для обстрела, а Лобзик всё не стрелял.

Но вот!.. Вот прозвучал долгожданный выстрел, снёсший одного из наёмников. Вот и второй лёг. Щегол еле сдерживал радость, пытаясь не выдать, что всё это было обговорено, а не просто случайность. Наёмники уже выследили, откуда шли выстрелы (надо было Лобзику хотя бы Винторез брать, подумал Щегол). Но даже это их не спасло. Лобзик находился довольно высоко и был не так заметен, хотя направление было угадано верно.

Пристрелив последнего мерка, державшего группу, Лобзик на время прекратил стрельбу. Через несколько минут он спустился по холму, почти скатившись.

— …Их поведение меня, конечно, удивило, ибо для опытных оно не свойственно… — подметил Лобзик. — Может, они и не наёмники вовсе?

— Может… — ответил Кракс. — Надо было бы разузнать, мне они самому показались подозрительными.

— Будете проверять? — спросил Бекас.

— Ни в коем случае! — одновременно закричали Кракс с Лобзиком, от чего оба и посмеялись.

Поход не удался. Даже это и то сильно сказано. Но останавливаться на этом Щегол, Бекас, Кракс, Тювик, а теперь ещё и Лобзик не хотели. Это было только мотивацией… Стимулом к новым действиям, рисковым или не очень.

— Всё? — спросил Щегла Куртяра.

— Ну… Я могу ещё кое-чего рассказать, но… А ты хорош! Немногие выдерживали. Хех! Лады, Як сказал, что ушёл на стоянку в овраге, что к западу отсюда, ибо вызывали его. Хочешь, можешь попробовать его догнать. Но он сказал, что постарается вернуться к ночи… Или чуть позже.

— Ладно, спасибо. И за инфу, и за рассказ. Я… Мы уж подождём.

— Ну, удачи вам там. Не хворай!

Куртяра, если быть честным, даже и сам не знал, как он всё это выдержал. Он не любил долгие нудные разговоры о том, о сём… Это просто было не к нему.

— Чёт тебя долго не было — подметил Палаш. — Ты где пропадал?

— Мучительным для себя способом выуживал информацию у «противника», и, как ты мог заметить, вышел победителем из этой…

— Як-то где?

— А? А… Як. Ну, он к вечеру-ночи придёт. Так что, будем ж…

Куртяра не договорил. Его перебил резкий шум. И Куртяра и Палаш обернулись. Их взгляды поймали до боли знакомое лицо — Ласточку, бегущую на четвереньках с куском колбасы во рту. Рядом с ней бежал мышонок, её давний спутник, тоже что-то прихвативший. За ними гнались несколько сталкеров, угрожая автоматами.

— Ну говорили же ей, не лезь сюда! — возмутился Палаш. — Ух, неугомонная…

— Так, погоди! — сказал Куртяра и рванул за бегущими.

Палаш хотел было ему что-то сказать, но не успел, а только нервно фыркнул вслед, недоверчиво скрестив руки.

Ласточка бежала через весь лагерь то по прямой, то зигзагами, изредка оборачиваясь. Она завернула за очередное здание, и не заметив тупика, врезалась в плотный высокий деревянный забор, служащий оградой всему лагерю. Её преследователи остановились, довольные от наконец-то выдавшейся возможности её поймать.

— Ну, что, голубка, недалеко убежала? Я таких как ты ещё не видел… Так наглых, в смысле.

Ласточка в ответ только озлобленно прошипела.

— Эй, Стылый, мож, не будем «загонять волка в угол»… Мало ли?

— Да отстань ты! Что она может? — Стылый наставил на девочку автомат.

Сзади послышался голос Куртяры:

— А вот это вы, ребят, зря… Он много чего может…

Группа сталкеров обернулась на наглеца, решившего им воспрекнуть.

— А ты кто такой вообще? Тебе чего надобно? — вышел к Куртяре Стылый.

— Просто пытаюсь вас, ребят, вразумить и…

— А-а… Проблем, то есть захотел?

— Ну, может б…

Куртяру снова перебил шум. На сей раз грохот со стороны забора. Группа сталкеров оглянулась — ни девчонки, ни мыши уже не было, на заборе были еле заметны следы когтей, а на самой верхней его части висели небольшие обрывки ткани…

— Слушай, ты! — Стылого едва не раздирало от злости. — Если ты хоть ещё раз… Ах, да пошёл ты…

С этими словами Стылый со своей группой ушёл куда-то в лагерь… Куртяра тихо облегчённо выдохнул. Таких тактических манёвров он ещё не делал.

— Ну, что ж, смело! — послышался голос Палаша.

Куртяра посмотрел на него усталым, но довольным взглядом. Даже слегка улыбнулся.

— Ладно уж, принц с ржавым автоматом, спас принцессу от стаи драконов, пошли, отдохнёшь хоть…

— Где?

— В баре тутошнем. Сейчас всё равно вечер, там нету никого…

Глава 6. «Бар ~«Радушный» приём~»

В баре лагеря действительно было пусто. Посетители разбрелись по койкам, поэтому бармен сделал то же самое. Так что Палаш и Куртяра были там только вдвоём, без кого-либо ещё. Палаш выискивал что-нибудь полезное, что могло остаться, Куртяра же просто стоял, опираясь на своеобразный самодельный барный стол, просто размышляя. Или делая вид…

— Слушай, — спросил он Палаша, — а кто вообще это были?.. Ну, те, что за Ласточкой гонялись.

— Кто? — переспросил Палаш, доставая из разбитого ящика бутылку водки. — А, эти… Группа Стылого. — Палаш быстрым движением открыл бутылку и поставил её на стол перед Куртярой. — Жуткие типы, их лучше не

трогать… Я с ними дел не имел, и слава Богу! Под чьим крылом они тут сидят — поди пойми, но, видимо, есть такая птичка…

— А ты откуда про них знаешь? — спросил Куртяра, отпивая из бутылки.

— Был тут раз один… Ребята тутошние рассказывали, а рассказы-то почти все одинаковые были. Вон как! Ну, плюс сам раз-два видел, чем они занимаются…

Куртяра усмехнулся. Он бы, как он, по крайней мере, сам думал, сразу бы сдал всех. Только кому? Его смутило то, что все, по сути, уже знают всё о группе Стылого, но что-то действий не было предпринято.

— Ну, по крайней мере, можно хоть сейчас от всего этого отдохнуть…

— Ну да. Тебе-то лишь бы отдыхать.

— А тебе что-то не нравится в этом?

— А не считаешь ли ты, что ты как-то слишком легко ко всему относишься, вне зависимости от степени сложности?..

— Да, а ты как-то слишком уж серьёзно… И нудно — тон Куртяры всё повышался.

— Естественно, я в такие передряги попадал и стольких людей к себе приближенных терял…

— А как будто я нет? — крикнул Куртяра.

Палаш замолк. Куртяра успокоился и печально выдохнул.

Граница территории Зоны, 2010 г.

Куртяра выглянул из-за кустов. Никого не было видно. Ни солдата, ни зверя, ни просто какого-нибудь хорошего человека, который вот так возьмёт и скажет: «Ребят, а давайте я вас через границу переведу. А за охрану не беспокойтесь, я с ней договорился, за мутантов тоже, я их перестрелял, да и аномалии я все наизусть знаю!». Но такого человека не было, и Куртяре приходилось перебираться через границу Зоны самому с его другом, опытным сталкером, Каркасом.

— Ты не высовывайся особо. — сказал ему Каркас. — Прихлопнут сразу.

— Лады. Какой план?

— Резкий ты, однако. Так, проход здесь. Но нужно разобраться с охраняющими. Слушай внимательно, идём тихо. Я присев — буду высматривать, а ты ползком — тебя им пока лучше не видеть.

— Замётано! — прошептал Куртяра и лёг на землю.

До самого забора, служащего оградой всей ЧАЗ, Куртяра с Каркасом пробрались благополучно. Вдруг Каркас остановил рукой товарища и жестами попросил вести себя тихо, а сам спрятался за дерево. Куртяра «заныкался» в густой траве. Каркас высунулся и осмотрелся. Возле дыры в заборе стоял военный и всматривался в лесок, расположившийся чуть пониже границы. Возле неё было расположено также и небольшое болото, от чего вояка часто морщил нос, стараясь не принюхиваться. Вдруг его взгляд остановился. Он поднял автомат и прицелился. Каркас уже всё понял. Он выскочил из-за дерева и сделал несколько выстрелов. Ответных выстрелов не последовало, но был слышен глухой звук падения.

— Ну и зачем? — тихо донёсся снизу голос Куртяры. — Сейчас же на шум прибегут…

— Законы Зоны равны законам выживания. Или он нас, или мы его. А пока будут бежать другие, мы уже убежать успеем.

— И всё же…

— Эх, найди себе дикаря какого-нибудь, чтобы он объяснил тебе всю суть законов выживания. Если сможет…

Каркас посмеялся над собственной шуткой, Куртяра раздражённо отвёл взгляд. Убедившись, что больше никто границу не охраняет, Каркас с Куртярой перебрались через дыру в заборе. Она была не слишком большой, но достаточной, чтобы здесь могли пролезть два человека. Перебравшись Каркас, а за ним и Куртяра, скатились по холму к болотцу.

— Так, теперь основная задача — добраться до первого лагеря и та… Ё-моё!

— Чего? — удивился Куртяра.

Каркас не ответил, а только показал пальцем в небо. Куртяра повернулся. К границе Зоны летел военный вертолёт.

— Вот так экскурсия…

Вертолёт тем временем подлетел ещё ближе и уже висел над ними. Стали слышны переговоры военных:

— База, на связи Ноль-тринадцатый, нахожусь у границы Зоны в квадрате В4. Вижу двоих нелегалов.

— Ноль-тринадцатый, это База. Помнишь тех двоих, что двенадцатый блокпост перехреначили?

— А как же, База…

— Помсти там маленько, Ноль-тринадцатый. Пусть знают, как лезть на нас.

Куртяра удивился:

— Так это ж не мы лезли…

— Тут не разбирают! Беги!

Каркас толкнул Куртяру, чтобы тот бежал отсюда. А заодно и рванул сам. Вовремя, вертолёт как раз включил пулемёты, обстреливая ими землю. Двум товарищам пришлось бежать сквозь заросли камышей, постоянно оглядываясь на преследующий их вертолёт. А он подлетал всё ближе.

Вдруг Каркас толкнул Куртяру так, что тот грохнулся в болото (которое полноправно могло именоваться озером), едва не захлебнувшись. Он, еле сдерживая в себе те остатки воздуха, что не успел выдохнуть ещё на поверхности, посмотрел наверх. Оттуда доносился всё более громкий гул вертолёта, а затем послышался грохот прилетевшей вертолётной ракеты. Водная поверхность озера окрасилась в красный цвет. Куртяра уже понял, что это значит. Сдерживая в себе последние остатки кислорода, он отплыл в ближайшие заросли травы и камыша и вынырнул. Звуки вертолёта всё отдалялись. А на берегу его уже никто не встречал…

— Хм, сурово… — подметил Палаш.

— Вот именно! Просто я стараюсь не вспоминать плохие моменты, перебивая чем-то лёгким весёлым… Обычно помогает.

— Ладно, ты… Ты извини тогда.

Куртяра улыбнулся доброй фразе человека, с кем у него давно уж разногласия. Но тут обоих отвлёк грохот посуды и других принадлежностей из барной кухни. Это показалось им странным, поскольку они точно знали, что в баре никого не было.

— Хм, звук сверху… С верхних полок. — подметил Куртяра. — Мож, там тварюга какая, что летать умеет... Да, знаю брехни всё это… Но Зона же, сам знаешь…

Палаш только покачал головой.

— Эх, и почему мне кажется, что я знаю, кто там бунтует?..

Он распахнул дверь кухни, почти одновременно с этим доставая Винторез. На полу никого не было, только упавшая посуда, но Палаш там никого и не ожидал увидеть. Он поднял взгляд вверх. И вот тут-то он и увидел то, что хотел увидеть — Ласточку, висящую на потолке, держась и рукам и ногами, параллельно с этим держа в зубах добытую коробку с кабаньим мясом.

Вслед за Палашом зашёл и Куртяра. Ласточка, увидев знакомые лица, выбросила коробку и спрыгнула с потолка, перевернувшись в воздухе.

Как только она коснулась земли, Куртяра тут же подбежал к ней и радостно обнял, прижав к себе, после её рискового побега от группы Стылого

Куртяра нехило так за неё переживал. Девочка не поняла этого резкого жеста со стороны старого знакомого, но не увидела в нём явной опасности для себя. Палаш заметил, что в последнее время Куртяра ведёт себя с Ласточкой, как отец с дочкой. Но только к чему бы это?

Наконец Куртяра отпустил девочку.

— Мне кажется, теперь мы с ней встречаться будем чаще…

— Скажем проще — она нас преследует. — пробурчал Палаш в ответ.

Через несколько минут все трое сидели в баре. Палаш с Куртярой стояли всё за тем же столом, но теперь с ними была их знакомая дикарка. Наивная девочка, едва ли понимающая, что сейчас вообще происходит, живущая не то что «сегодняшним днём» — этой минутой, при этом её основные цели — как у любого зоновского, мощного или не очень, мутанта — наестся и поспать. Она ведь и сама была отчасти мутантом. Нет, лучше сказать, зверем. По крайней мере, сейчас Ласточка неплохо так подпрыгивала, пока Куртяра её подразнивал кусочком колбасы, параллельно успевая допивать содержимое так и не опустошённой им бутылки водки. Куртяра от этого веселился, Палашу было не до веселья.

— Эх, нам ведь ещё объясняться теперь перед Яком за то, что мы устроили тут.

— Ты о чём? — спросил Куртяра, выжав из бутылки последние соки.

— О тебе и твоих бегах за девчонкой и группой её преследователей. Вы этим весь лагерь на уши подняли…

— А, ну это была экстренная ситуация, — сказал Куртяра, вертя в руках теперь уже пустую бутылку, — надо было что-то срочно решать…

— Там ты так говорить не будешь.

— Посмотрим… — шуточно съязвил Куртяра. — Ещё посмотрим, кто там будет боссом!

Палаш тихо и не слишком заметно улыбнулся, усмехнувшись фразе того, с кем у него только-только стали налаживаться отношения.

— Опана! Какая встреча! — послышался сзади довольно знакомы голос. Вся троица обернулась.

Из темноты вышла фигура Стылого с хитрой ухмылкой. За ним шла его группа.

— А я уж думал, что мы не встретимся больше… Эх… И почему я не мог догадаться сразу, что вы заодно?.. Один отвлекает, другой крадёт, третий вообще типа не при делах… — сказал он, переводя взгляд с одного на другого. — А вы хорошая группа, признаю. Но только я вам советовал последить за наглостью одного из её членов. Одной…

— Что тебе ещё надо? — Куртяра не ждал ответа, он просто старался затянуть разговор, параллельно готовя за спиной пистолет.

— Ничего такого… Не подумайте. — Стылый тут же показательно помахал руками. — Просто я хочу…

Стылый медленно подошёл к ним. Затем он резко схватил Ласточку за волосы и дёрнул к себе, на что та отозвалась озлобленным шипением, почти рыком. Она захотела даже укусить Стылого, но тот вовремя ударил её автоматом, немного отбросив.

— …Я хочу кое-кого научить уважению. А заодно и 8-й заповеди. Так что, девчонка пойдёт с нами…

Куртяра всё же выставил пистолет, направляя его на Стылого. Палаш посмотрел на него с удивлением и даже некоторым уважением.

— Она. С тобой. Никуда. Не. Пойдёт…

Стылый остановился и медленно обернулся.

— Так, ребят, посторожите-ка эту сучку. — он толкнул Ласточку к остальной группе. — Ты! Слушай, ты мне и так уже помешал за сегодня… Так что, может, не будешь лезть не в своё дело?

— А мне ли стоит не влезать? — съязвил Куртяра.

На сей раз пистолет из кобуры вынул уже Стылый.

— Тебя же просили: «Не лезь»...

Куртяра уже хотел было ударить нахала, но Стылый уловчился и локтём сбил его так, что тот с грохотом упал на спину на пол бара, уронив ствол, и пинком оттолкнул его в сторону.

—...А ты не послушался. — ехидно закончил Стылый собственную фразу, а позже развернулся к Палашу. Тот уже наставил на него свой «Винторез», готовый в любой момент выстрелить.

— Учти, никто всё равно не услышит…

— Думаешь? — Стылый поднял в воздух пистолет. Ехидно улыбнувшись, он сделал громкий выстрел, отдавшийся эхом у всех присутствующих. Но не один выстрел пронзил тишину.

До них обоих донёсся громкий крик со стороны группы Стылого. У одного из группы была прокушена рука, у другого практически полностью разорвана нога. Помимо этого, все хватались за головы, как при пси-ударе. Девчонки среди них уже не было — вырвалась.

Стылый был одновременно и в ярости, и в недоумении, но лишь нервно прорычал. Он обернулся, Куртяра ещё лежал, но не решался встать. Стылый, поймав момент, сделал выстрел. Пуля попала куда-то в грудь. Куртяра тихо простонал, на землю упал небольшой красный ручеёк. Стылый злобно

усмехнулся, но тут же сам был продырявлен насквозь раз пять — Палаш не жалел даже винтовочных патронов. Но даже падая, Стылый успел сделать ещё один выстрел в Куртяру, на сей раз попав в живот.

Перед Палашом лежали два тела, два трупа, пусть и ещё тёплых. Он огорчённо выдохнул и посмотрел на группу Стылого. Те всё ещё подавали признаки жизни, мучаясь и корчась от боли из-за рваных ран. Один из них уже был мёртв. Рядом с ним сидела Ласточка, отгрызая от мертвеца куски тела, невзирая на кровь и разорванные мышцы. Девчонка не знала о чужой смерти, она не боялась её и её проявлений.

В лагере поднялся шум, начиная ещё с первого выстрела Стылого. Теперь же, когда тут была целая бойня, нужно было быть настороже. Палаш быстро осмотрел окрестности и, убедившись, что посторонних глаз нет, прошёлся оставшимися пулями по ещё живым нападавшим — свидетелей лучше было устранить. Схватив Ласточку за руку, он рванул за здание барной кухни.

— Если бы не ты, ничего плохого бы и не было! Мы бы, скорее всего, успели ещё вчера… — с каждым примером у Палаша всё более рассержено повышался голос. — У нас бы не было проблем с объяснениями, никто бы не ввязывался за тобой в погоню, тебя бы не пришлось спасать, нам не пришлось бы выпендриваться (а потом и драться) перед этим Стылым с его группой… Эх, да и ты бы спокойно себе еду тырила! — последняя фраза Палаш прозвучала особенно громко, так, что девочка в испуге сжалась, поэтому далее Палаш говорил уже спокойнее. — Нет, надо же было именно к нам прибежать… Надо…

Палаш взглянул на свою слушательницу. Сейчас она не выглядела тем «свирепым и кровожадным существом, желающим сожрать всех, кого видит». Это просто обычная милая, спокойная, немного боязливая девочка, пусть и дикая. Но Палаша уже было не переубедить, он дёрнул девчонку за руку и забросил её в большой контейнер рядом с баром, в котором хранилось продовольствие, резко захлопнув дверцу.

— Хорошей участи не жди! Ты сама себе судьбу выбрала… — грозно буркнул Палаш напоследок.

Теперь ему пришлось отсиживаться одному среди разбуженного и ищущего виновников их пробуждения лагеря. Когда наконец активность в лагере спала, он улёгся на холодную землю и, прижав к себе своего теперь уже единственного оставшегося железного товарища.

Наступило новое утро. После беспокойной ночи оно казалось даже слишком умиротворённым. Палаш проснулся рано — надо было что-то решать,

пока не поздно. Сегодня точно будут искать зачинщиков ночных беспорядков, а учитывая вчерашние «Побегушки» Куртяры за Ласточкой и группой Стылого, они будут первыми же подозреваемыми.

Тут Палаш вспомнил, что бегать теперь ему придётся одному, что его напарника в живых уже нет, отчего его настроение стало только хуже.

Он подошёл к контейнеру, в который вчера затолкал Ласточку. Придя, он остановился, его лицо даже не изменилось — он увидел то, о чём знал, что увидит. Дверца контейнера была распахнута, девочки не было.

Палаш печально вздохнул, в его голове промчалась только одна мысль: «Пора устранять причину проблем!». Помочь в этом деле могли только одни люди…

Глава 7. «Долг ~Среди порядка и законов~»

Как можно быстрее решив проблемы в лагере, Палаш, в конечном счёте, получил посылку, за которой приходил. Добравшись до своего лагеря, отдав посылку и выслушав нравоучения командира, который, мол, «предупреждал его», Палаш, наконец, был волен действовать по-своему. А у него уже давно был готов план, только и ждущий претворения в жизнь.

До Бара Палаш добрался за пару дней, ему всё приходилось скрываться от лишних глаз, которые могли бы только помешать.

Сам Бар немного изменился с его последнего прихода сюда. А был он тут где-то год-два назад, не меньше. Хотя, ангары стояли на месте, такие же ржавые и пустые, всё та же знаменитая башня, которую после одного случая сталкеры стали в шутку обзывать «Колокольней». Но что-то было и новое, пусть и не сразу заметное.

Палаш пошёл по мостику в виде кусков железа, перекинутых через ров, вырытый ещё в 12-м году… Вдруг мостик накренился, чуть не уронив проходившего по нему. Палаш удержался, но подметил, что переправу через ров давно не меняли.

Долговцы на посту встретили не хлебом-солью, а, скорее, автоматом-пистолетом, наставив на него последние. Палаш показательно поднял руки. К нему подошёл главный, проверил тело и оружие, что-то пробубнил в рацию и, толкнув Палаша, пропустил его. Палаш пошёл дальше, а долговцы только посмеялись. Вдруг их смех перебил шелест из ближайших кустов. Двое ближайших к ним внимательно всмотрелись в них, а после пустили обойму, на всякий… Ничего не последовало, никто не закричал, не выпал… В общем, никого. «Долг» успокоился, Палаш даже не стал оглядываться.

Он уже прошёл пост, но всё же остановился, обернулся и задал вопрос, который для постовых долговцев прозвучал немного странно.

— Ребят, а где у вас тут тренируют новых бойцов?

Долговцы удивлённо переглянулись.

— А тебе зачем? — спросил главный.

— Да вот, думаю к вам вступить… Хотца, понимаете ли, служить бравому делу группировки «Долг», активно стремящейся сделать ситуацию в Зоне как можно более…

— Так, всё, заткнись! Ишь ты, дошлый какой! Прямо и направо, там стена, за ней лагерь. Руководит всем там капитан Лисин, у него всё спрашивай.

Палаш кивнул и пошёл в указанном направлении. По пути он сплюнул, он ещё никогда так не льстил никакой группировке. Да он, собственно, вообще льстить не умел особо. Максимум лёгкие комплименты, не более. Жизнь как-то не приучила.

Из здания слева доносились какие-то выстрелы, причём постоянные. Палаш помнил, что ему говорили про тир в Баре. Может, это он и есть… Но он не стал отвлекаться и повернул, куда ему было положено. Вот перед ним встала и та самая стена. Палаш осмотрел её — обычная стена Бара — белая, грязная, битая… Он тихо выдохнул и зашёл за стену. За ней было что-то типа учебного лагеря, где проходили обучение новопринятые долговцы. Сейчас здесь вёл свою лекцию капитан Лисин, выглядящий среди «зелёных» очень важным человеком. Палаш опёрся о стену и начал просто слушать.

— …Философия охоты состоит в том, — Лисин ходил из угла в угол, важно тыча в небо пальцем, — чтобы получить как можно больше, потратив как можно меньше. В этом суть любой охоты. Абсолютно! Но мы сейчас говорим про охоту именно на монстров. Каждый уважающий себя долговец должен уметь охотиться. Хоть на мелких и слабых, хоть на больших и сильных… Вот вы знаете, какой мутант самый сильный?

Из толпы начали доноситься названия различных тварей Зоны. Кто-то называл контролёра, кто-то химеру, кто-то бюрера… Были и ещё более уникальные личности, вообще кричащие не в тему. Лисин только хлопнул себя по лицу.

— Эх, ребята... Самый сильный мутант не тот, который может победить вас какой-либо своей способностью, а тот, который имеет при себе все возможные способности... Или, хотя бы, большую часть из них. Однако только наличие оных ещё не делает его «самым сильным». Он ещё должен уметь грамотно использовать их... Вы видели такого? Думаю, что нет, и, скорее всего, не ошибусь... Просто потому, что это практически невозможно...

— А что, если это только Вы его не видели? — донёсся голос Палаша.

Все долговцы обернулись.

— И кто это у нас такой умный? — спросил Лисин.

— Палаш я. Не местный.

Капитан Лисин вышел из толпы и подошёл к нему.

— То есть, ты хочешь сказать мне, что видел самого сильного мутанта?

— Возможно… Возможно…

— И где же, позволь спросить, ты его видел?

— Да тут, неподалёку. Я как раз его выслеживаю. И если Вы согласитесь дать мне пару-тройку бойцов, могу даже показать…

Лисин некоторое время помолчал, подумал, но всё же сказал:

— Ой, чую я, что брешешь ты… Но ладно! Бери двух из этих… — он указал на толпу. — Зелёных. С них всё равно ничего не возьмёшь сейчас, а так хоть боевой опыт будет… Но учти, ежели всё же брешешь, тебе же жизни потом не будет. «Долг» не любит, когда его обманывают.

— Да-да-да… Старые добрые порядки возрождаются… Лады. — Палаш повернулся к толпе. — Ты и ты, пойдём!

Палаш решил не медлить и пойти сразу. При этом он успел познакомиться со своими новыми спутниками. Первый — рядовой Крутилов, второй — рядовой Пригоркин. Оба пришли в Зону, так как слышали о том, как здесь всё плохо, потому сразу и в «Долг» попёрлись…

Палаш хихикал едва ли не над каждой фразой. Эти двое были те ещё шутники. Жаль, конечно, что «зелёные» — помрут и жизни не увидят. Но, с другой стороны, их и не особо вспоминать потом будут в группировке…

Начало вечереть. Палаш предложил переночевать в небольшой рощице. Разведя костёр, все трое уселись вокруг него. Палаш просто сидел и смотрел на огонь, продумывая дальнейшие действия, Пригоркин чистил ствол, а Крутилов тихо что-то напевал:

— Рассвет. Солнце осветило земляной курган.
Ржавая пыль Зоны подлетает к моим ногам…
Я подбредаю к кургану, покоящемуся в пыли.
А на севере ЧАЭС в туманной виднеется дали…
Курган этот — место смерти души моей,
Место смерти меня и моих друзей…

— Эй, рядовой! — прервал его Палаш. — Что за песня?

— Да так, ребята из наших напевали иной раз, мне и приелось как-то… О долговце каком-то…

— А кто сочинил-то?

— Да Кулибиным его, вроде, звать… — вмешался в разговор Пригоркин. — Не из наших, правда, сталкер, но парень толковый. Саморучно стволы собирает из чего-нибудь.

Палаш только усмехнулся такому повороту, он слышал про сталкеров-златоручников, но только краем уха. А уж про златоручников-песнеплётов так и вообще не слышал. Да и чтобы долговцы за просто так приняли к себе «на огонёк» какого-то сталкера… Нет, слишком много всяческого бреда за весь этот промежуток времени! Палаш хотел было что-то ещё поспрашивать, но, заметив, что время уже позднее, предложил скорее уж лечь спать.

Глава 8. «Месть ~Покончим с этим~»

Спал Палаш не так уж и долго. Его внезапно разбудил крик, настолько громкий, что поднял бы даже мёртвого. Палаш быстро встал, и подготовил ствол, старый добрый безотказный Винторез. Быстро достав КПК, он взглянул на время. 4 часа утра.

Долговцев, которые пришли с ним, рядом уже не было. Но от места привала отходили весьма свежие следы, скорее всего, их. Чтож, делать нечего, придётся идти по ним. Это, конечно, рискованно, но… Но Палаша было уже не переубедить.

Следы привели его небольшой опушке. На ней сидел Крутилов в явно испуганной позе тоже с уже готовым стволом.

— Так, рядовой, докладывай, что за шум!

— Рядовой Пригоркин ночью услышал шум, решил проверить что да как… Глупый же. Ну, и увидел кого-то. Далее, по обычному обычаю группировки «Долг» начал палить во все четыре. Да только тварюга его утащила… Не знаю, жив ли он?

— Вот и посмотрим!

Палаш не сказать, чтобы нервничал, нет, он знал, что его там ждёт — жизнь научила. Он переживал, скорее, за Пригоркина. Он с ним только успел познакомиться и прощаться на следующее же утро было бы как-то не комильфо, что ли…

Утренняя Зона казалось даже в чём-то родной и приятной. А если не брать в пример это недавнее «событие», то можно было бы подобрать и слово «спокойной». Все мы помним, чем знаменуется утро в Зоне. Но это в лагере… А на природе? Среди тронутой только радиацией да аномалиями флоры? По-другому… Совсем.

Палаш вышел туда, куда ему недавно указывал Крутилов — какая-то дряхлая, Богом забытая поляна, почти полностью заросшая какой-то

аномальной растительностью. Но внимание Палаша привлекла не она. На другом конце поляны лежало тело долговца, его знакомого, Пригоркина. Над ним навис и тот самый «охотник», которого упоминал Крутилов — девочка по кличке Ласточка, поедающая плоть ещё тёплого сталкера.

— Эй! — окликнул её Палаш издалека. — Ну вот мы и снова встретились, да?

Ласточка подняла голову, не отпуская изо рта кусок человеческого мяса, от чего Палаш только нервно поморщился. Жутковатая, порой, картина.

— Я… Я так думаю, мы оба ждали этой встречи… Ты и я… Ведь есть же причины?

Девочка выпустила изо рта мясной кусок и, перешагнув через окровавленный труп, на четвереньках медленно пошла в сторону Палаша. Палаш сделал то же самое.

— Мы же ведь оба… — Палаш продолжал монолог. — Оба знаем, что будет… Этого не миновать, так ведь?

Ответа так и не последовало. Его и не должно было быть…

На лице Палаша чувствовалась печаль. Он-то знал… Знал, что сейчас будет. Он знал это ещё несколько дней назад. Ласточка?.. Она, возможно, знала частично, не совсем полностью. Её не полностью очеловеченный разум вряд ли мог давать такие сложные мысли. Слишком это… Экзотично как-то. Хотя на её щеку тоже капнула слеза. Палаш даже посмотрел на это с неким воодушевлением. Нечто человечное есть и в дикарке из лесу.

Вдруг Ласточка ускорила шаг, затем ещё… Вот она уже бежит на всех четырёх, прыгает и резко со слезами сжимает Палаша, едва не сбив его с ног. Она не знала толком, что значит сей жест, даже не могла повторить его полностью. Но когда его делал Куртяра, она не чувствовала никакой опасности с его стороны.

Палаш, пусть и был немного шокирован, не сопротивлялся. Для него это было как-то привычно. Но он решил не затягивать с этой драмой.

— Эх, пора бы уже кончать с этим, что ли… С этим всем… С проблемами, с их последствиями…

Палаш вынул пистолет и приставил его к телу Ласточки.

— Прости… Как это обычно говорится? Ничего личного?.. Да. Но ты и правда приносишь больше вреда, чем пользы.

Прозвучал выстрел, отдавшийся громким эхом. Вороны послетали с веток и с громким карканьем начали наматывать круги над лесом.

***

…
Тип… Человек
Пол… Женский
Имя… Неизвестно. Окликается на кличку Ласточка
Возраст… 13 лет
Волосы… Длинные, в три оттенка
Глаза… Голубые
Дата рождения… Неизвестно
Дата смерти… Не уточнено
Причина смерти… Пулевое ранение в брюшную полость
…

***

Палаш тяжело вздохнул. Его всё так же обнимало давно знакомое ему тело… Но уже безжизненное. Долго держаться оно не могло и медленно сползло с Палаша, упав на землю. Из-под обрывков одежды, запачканных кровью, выполз мышонок, оглядев уже мёртвое тело своей хозяйки. Палаш с удивлением посмотрел на не мутировавшего представителя местной фауны. Опустившись и присев, он протянул руку, пытаясь поймать мышонка. К его удивлению, тот даже не стал сопротивляться, даже наоборот, сам забежал на руку.

Палаш встал и посмотрел на пусть и старого, но в этот момент абсолютно нового, знакомого. Тот тоже взглянул на Палаша, стараясь поменьше шевелиться. Вздохнув, Палаш посадил мышонка в карман. Он был сейчас его единственным утешением.

«Эпилог. ~Новое время — новые проблемы~»

Палаш зашёл в старый пыльный кабинет, который теперь был, так или иначе, отдан ему, держа в руках недавно распечатанную и ещё тёплую фотографию. Сев за стол, он вытащил из кармана мышонка и посадил его рядом. Тот быстро начал изучать новое место.

Для Палаша же это место было уже не таким новым. Кабинет ему отдали на то время, пока он не состоит в отряде. Мол, пусть пока найденные диггерами бумаги поразбирает. Бумаг, правда, было много. Старых, рваных, не очень хорошо пахнущих. Но какими бы, спрашивается, они ещё пришли?

Палаш сидел за столом, перебирая их — старые бумаги, документации, книги... В общем, всё, что нарыли местные диггеры. Не было заметно, что для него это было занятием по нраву, но Палаш, как известно, не любил особо перечить кому-то главнее него.

«Так, это 4-я часть справки по радиоактивному распаду, это конструкторская документация к какому-то КБУЗ'у... Вроде, по предыдущим документам, это «Контроллер чего-то там...», Палаш уже запутался во всей этой кутерьме из букв и цифр. Далее, план-схема какого-то завода... Палаш нервно фыркнул. Он решал, что надо бы ознакомиться с этим поподробнее... Но позднее. Пока что он отдёрнул дверцу столового шкафчика, небрежно закинул туда все листы бумаги и демонстративно захлопнул дверцу так, что та едва не вылетела с противоположной стороны.

«Смотри не убейся!» — шутливо сказал Палаш дверце. Но его радость быстро пропала. На слове «убейся» ему неожиданно, как-то невзначай, вспомнился Куртяра.

«Эх… Не знаю даже, — подумал Палаш, — Что нашло на этого дурачка, что он вдруг стал внезапно доверять каждой первой попавшейся девчонке из леса? Хорош, конечно… Ну, что поделать, сам виноват. Хотя… Жалко, как-то. И его, и её… Оба плохо кончили. Что вообще их так свело вместе? Ирония судьбы? Изначально предписанный факт? Кто ж знает…»

Он опустил руку на стол, и на неё быстро взобрался мышонок. Палаш посмотрел на него без всякой злости или радости. Просто посмотрел… Как на старого друга. Единственного, кого он пока не потерял. А терял он многих.

«Да и вопрос о правильности моих действий тоже важен. Ну, я на него ответить не смогу, я делал так, как хотел. Пусть меня другие судят. А помочь мне сейчас сможет только время… Если оно как-нибудь вернётся назад. Ну, а пока… — Палаш взял со стола принесённую им фотографию и посмотрел на неё. Затем он одним движением разорвал её надвое. — …Пока будем жить сегодняшним днём!»

Он взял одну из частей разорванной им фотографии и подошёл к стенду с другими фотографиями, разбросанными в хаотичном порядке. Палаш прикрепил её в самый центр, достал ручку и начёркал на самой фотографии одну фразу. Закончив писать, он с печальным видом отошёл от стенда, открыл небольшое окно рядом с ним и продолжил дальше заниматься своими бумажными делами.

В окно ворвался небольшой ветерок, сразу побежав к фотографиям и начав с ними играть. Это были фотографии различных мутантов, известных и не очень. Все они колыхались на ветру. Но среди них была одна особая, надорванная, центральная. Фотография Ласточки… На которой гордо красовалась надпись «Самый сильный мутант Зоны» и подпись «Уничтожен».

Палаш всё перебирал старые, отчасти жёлтые, бумаги, иногда прерываясь на игру со своим новым другом. Внезапно его окликнул со двора

командир лагеря. Облегчённо бросив стопку на стол, подняв при этом нехилое количество пыли, Палаш вышел на улицу.

Во дворе стоял командир лагеря, что-то обсуждавший с другим человеком, которого Палаш ни разу не видел. Заметив вышедшего Палаша, командир прервал разговор и, демонстративно прокашлявшись сказал:

— В общем, Палаш, я знаю, что ты в неравном бою потерял своего напарника. — сам Палаш на этих словах тихонько усмехнулся. — И поэтому я хочу представить тебе нового человека, который будет работать с тобой. Это Корень.

Корень, только что представленный, протянул руку.

— Рад встрече! Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

Палаш хихикнул, затем ещё раз. Затем его смех стал более отчётливым. Командир с Корнем, переглянувшись, удивлённо посмотрели на него. То же сделали и остальные сталкеры. Действительно, Палаша смеющимся уже давно не видели.

«Ох, Зона, не шути так со мною больше» — сказал он, кончив смеяться.

Палаш не знал, во что обернётся его новое знакомство, но уже предполагал, что для него сейчас это будет лучшим вариантом.

Музыка Мёртвого города *(Пашинский Андрей)*

Эта музыка будет вечной...
— Наутилус Помпилиус

Вам когда-нибудь приходилось задумываться: что такое музыка? Просто набор звуков или же нечто большее? И может ли музыка спасти жизнь? Не знаете? Профессор Виноградов тоже не знал. Он стоял, растерянно смотря на сталкера Крауфа, который сидел на ящике и курил, а рядом с профессором стоял невысокий человечек в очках и тормошил его за рукав халата.

— Объясните нам этот феномен! — требовал человечек, периодически поправляя очки.

В одной руке у него были блокнот и карандаш. Профессор ещё раз обвёл взглядом присутствующих и вздохнул:

— Я... Я и сам не могу... не понимаю этого... явления.

Крауф хмыкнул. Весь этот балаган разыгрался из-за него, точнее, из-за события, которое произошло с ним и его напарниками. Затянувшись, он

выпустил облако дыма. Второй учёный на секунду отвлёкся от профессора и схватил сталкера за плечи.

— Может, вы знаете объяснение этому явлению? — дрожащим голосом спросил он.

Крауф пожал плечами и ответил:

— Я лишь могу пересказать вам это, если вы настаиваете.

— Да, да! Расскажите! — дрожащими руками учёный открыл блокнот.

Крауф снова затянулся и выпустил облако дыма. Профессор поморщился, но все же подошёл чуть ближе и стал внимательно слушать сталкера. А тот вновь стал пересказывать свою историю, которая в лагере уже обросла домыслами и предположениями...

Группа Крауфа шла с окраин Радара. Ходка оказалась удачной — все три контейнера были под завязку забиты артефактами, причём достаточно редкими и дорогими. Сталкерам и не верилось, что им удалось так удачно сходить. Оставалось лишь преодолеть территорию бывших военных складов, посёлка Росток с заводом, на котором, по слухам, обитал жуткий трёхметровый кровосос, и сбыть артефакты в местном баре «Сталкер». Однако все оказалось не совсем гладко.

— Долговцы собираются провести зачистку местности, — произнёс Сокол, когда группа подошла к деревеньке. — Я думаю, лучше обойти склады через Мертвый Город и Янтарь. Опасно, не спорю, и время потеряем, но все же лучше, чем попасть под горячую руку «Долга» или в когти мутантов.

Крауф кивнул. Идея была хороша тем, что других, в принципе, и не было. Кроме того, склады были плохи тем, что на территории бывшей военной базы хозяйничала группировка «Грех», а ожидать от них можно было чего угодно. Крауф слышал, что на военной базе сгинуло много сталкеров, а их останки до сих пор усеивают там землю. Крауф поежился, представляя... Нет, он не мог представить того, что могли с ним и его группой сотворить «грешники».

Тем временем сталкеры обогнули деревню и вышли к заброшенному блокпосту. За ним уже начиналась территория Мертвого Города.

— Отряд, — произнёс Крауф. — Перегруппируемся. Я первый, за мной Сокол, Бизон. Замыкает Лука.

Они перестроились и пошли дальше. Крауф внимательно изучал окрестности, рядом шёл Сокол, держа в руках детектор аномалий. За ними шёл Бизон и нёс один контейнер. В руках сталкера был ПП-19 «Бизон», который очень сочетался с прозвищем ходока. Замыкал Лука, вооруженный ПП-2000, небольшим тактическим пистолет-пулеметом, и нёсший остальные два контейнера. Был полдень, когда группа вышла к Мертвому Городу. Тусклый солнечный свет падал на землю сквозь тонкие облака, лёгкий ветер шумел в кронах высоких тополей. Иногда где-то вдали раздавались различные звуки — протяжные скрипы со свалки, шум воды с Янтаря — озеро не пересохло полностью. Периодически слышались крики и стрельба. Зона жила своей жизнью. Отряд вышел на центральную площадь города. В центре её стоял

памятник вождю мирового пролетариата, указывая рукой путь в светлое будущее. Но это будущее ушло в века вместе с огромной, могущественной страной. А памятник все стоял, выставив руку в небо. Лука ругнулся.

— Не люблю коммунизм. И Ленина, — буркнул он, погрозив вождю кулаком.

Памятник внезапно повернул голову в его сторону и посмотрел на сталкера, нахмурившись. Лука вскрикнул, отскочил в сторону и упал. Сталкеры удивлённо посмотрели на него.

— Ты чего? — спросил Бизон, помогая товарищу встать.

Лука отряхнулся и дрожащим пальцем указал на памятник.

— Он жив... Живой!

Бизон оглянулся — памятник все так же стоял, глядя в небо устремлённым взглядом. Потрогав лоб товарища, он незлобно оттолкнул его и сказал:

— Ты, видимо, на солнце перегрелся или перепил вчера. Успокойся и не неси чепуху.

— Сам ты перепил! — рявкнул Лука. — Я отчётливо видел, как памятник посмотрел на меня!

Сокол тем временем открыл КПК, и полистав его, произнёс:

— Говорят, тут некая пси-аномалия. Не очень сильная, но всё же воздействие её ощутимое.

Крауф махнул рукой.

— Плевать. Идёмте, хорош тянуть время.

Отряд пошёл дальше, а Лука напоследок оглянулся на памятник. Тот подмигнул сталкеру. Лука, охнув, отвернулся и побежал за товарищами.

— До Янтаря доберёмся за час-полтора. А к вечеру как раз выйдем к посёлку. Как вариант, арты можно бы сдать ученым, но торговцу это не понравится, у него заказ, — сказал Крауф, глядя на бойцов. Внезапно лицо смотревшего на экран сканера Сокола побледнело.

— Выброс, — пробормотал он, глядя на прибор в одной руке и на КПК в другой. — Через пять минут...

Крауф помрачнел. Слова Сокола обозначали только одно — их отряд ждёт неминуемая гибель — надёжных укрытий от выброса поблизости нигде не было.

— Идём, — сказал командир, поправляя ремень автомата. — Может, повезёт, и найдём какое-нибудь укрытие.

Сталкеры в быстром темпе двинулись по улице, мимо памятника, в сторону школы. Внезапно землю сотряс первый удар. Ноги Луки подкосились, сталкер упал. Бизон попытался помочь ему встать, но второй удар повалил и его. Сталкеры понимали, что ещё минута — и все они погибнут.

Возможно, так оно и было бы, но вдруг в конце аллеи появился он. Человек в плаще шёл навстречу сталкерам, и казалось, что все волны и удары никак не воздействовали на него. Подойдя к отряду Крауфа, человек оглядел

сталкеров. Крауф как ни всматривался в лицо человека, не мог разглядеть его. А человек тем временем неожиданно для всех достал из-под плаща скрипку и начал играть.

Прекрасная музыка разносилась по Мертовому городу. Даже оглушительный рёв выброса не мог заглушить её. Волны аномальной энергии обходили сталкеров и музыканта стороной. Лука в ужасе смотрел то на музыканта, то на багровое небо, то на бледные лица товарищей, и не мог понять, почему он ещё не умер. А музыка все играла и играла, и казалось, будто играл её не человек, а сама Зона. Крауф посмотрел на Сокола — тот сидел на растрескавшемся асфальте, закрыв глаза, и наслаждался этой мелодией. Движения рук музыканта были легкими и плавными, отчего и музыка приобретала подобные оттенки. Крауф не разбирался в музыке, но эта мелодия глубоко запала ему в душу, для него она была чем-то большим, нежели просто музыка. Сталкер глубоко вдохнул и закрыл глаза. А когда открыл, то увидел, что выброс уже закончился. Музыканта не было, он исчез. Но его музыка, хоть и очень тихо, но все ещё звучала в дрожащем воздухе Зоны...

К вечеру ещё не отошедшие от потрясения сталкеры добрались до научного лагеря на сверенном берегу Янтарного озера. Там Крауф и рассказал эту историю профессору Виноградову. А на следующий день в лагерь приехал неизвестный Крауфу учёный, который стал выпытывать из профессора объяснения этому феномену Зоны. Рассказав историю ещё раз, Крауф откинулся к стене и, затянувшись, выпустил облако дыма. Профессор Виноградов, отмахнувшись, схватил коллегу за рукав и потащил в соседнюю комнату. А Крауф закрыл глаза и мысленно поблагодарил Зону. Музыка Мертвого Города все ещё играла в его голове, и сталкеру казалось, что эта музыка Зоны будет вечной. И для самого Крауфа, и для Зоны, и для всех остальных.

Эпилог

Через несколько дней в баре «Сталкер» только и говорили, что об этом странном феномене. Один учёный, который зашёл в бар мимоходом, пояснил нескольким напившимся сталкерам, что феномен этот, скорее всего, как раз результат той самой пси-аномалией, из-за которой «ожил» памятник. Он объяснил, что психика сталкеров из группы Крауфа сама создала некий образ музыканта со скрипкой, тем самым сделав защитный барьер от губительной силы выброса. Однако нормально объяснить, почему сталкерам все же удалось выжить, он не смог и в итоге был бит и выгнан из бара. Крауф, сидевший в самом дальнем и тёмном углу бара, слышал и видел все это, но словам учёного не верил. Невозможно объяснить то, чего человеческий ум понять не может. А значит, и не стоит лезть в такие вопросы и пытаться понять их.

Вздохнув, сталкер потушил сигарету и снова вспомнил образ того музыканта. Да, действительно прав был тот, кто некогда сказал такие слова:
«Эта музыка будет вечной...»

0 Чудо (Савенок Тимофей)

Стучите, и откроют вам, ищите,
и обрящете, просите, и дано будет.
— Мф. 7:7

Искатель спустился по ступенькам и вошёл в бар. Кивнул паре знакомых лиц, пожал руку завсегдатаю Мише Параграфу — угрюмому сталкеру, почти год назад потерявшему товарища, но до сих пор не верящему в это и ежедневно выходящему в бар ждать его, — и направился к стойке.

— Мне жратвы какой и комнату на ночь.

Бармен неприязненно зыркнул на сталкера, но вытащил из-под стойки консервную банку, рядом с ней положил ключ и встал в ожидании оплаты.

— Всё ищешь? — спросил он.

Искатель хмурым кивком ответил, кинул на стол смятую купюру и вышел.

На улице, как и две минуты назад, моросил дождь. Стало немного темнее. Где-то вдалеке погромыхивало, однако приближаться явно не собиралось. Сталкер поднял голову к небу, пару секунд ловил капли лицом, а потом раздражённо сплюнул на землю и пошёл к корпусу, приспособленному под жильё, даже тут, на территории Бара, держа руки вблизи оружия на поясе. От привычки засовывать их в карманы он избавился ещё в течение первого месяца в Зоне…

Сверившись с картонкой-номером, висящей на ключе (или, скорее, наоборот), Искатель вставил ключ в замок и провернул его. Внутри что-то заскрежетало, туго поддаваясь, но в конце концов щёлкнуло. Сталкер толкнул дверь, остановившись на пороге и обводя своё временное пристанище глазами.

У левой стены стоял офисный стол, даже с настольной лампой, правда, лежавшей на боку и вряд ли рабочей. Под столом валялся табурет. В противоположной части комнаты стояла стандартная сетчатая койка, накрытая грязным матрасом. На полу лежал отчётливо видимый слой пыли, в котором отпечатались следы относительно недавнего постояльца. Он явно не был фанатом аккуратности — из-под кровати выглядывал кончик крышки открытой консервной банки, а на стене под окном ещё выделялось влажное пятно. Комната не была заполнена вонью мочи только из-за отсутствия в окне стёкол. Хорошо хоть не догадался человек наложить кучу посреди комнаты…

Искатель сейчас мог бы вернуться в бар и предъявить Бармену претензии за загаженный номер. Однако его не смущала подобная обстановка. Скорее

наоборот — он старался стеснять себя во всем, не позволять себе лишней роскоши (насколько применимо понятие «роскошь» к Зоне). Он Искал.

Сталкер скинул рюкзак у стола, достал табуретку из-под стола и уселся на неё. Минуту посидел, смотря в одну точку, потом расстегнул комбинезон на груди и достал из внутреннего кармана у сердца иконку в стеклянной рамочке. Иконку Милосердного Иисуса.

Искатель пришёл в Зону за свидетельством существования Бога. Его с детства учили тому, что Бог есть. И он всегда этому верил. Однако ему не хватало подтверждения. Маленький Егорка привык к тому, что всё, что существует в мире, может объясниться наглядным образом. А с Богом такого не произошло. Поэтому, устав ждать такого подтверждения в обычном мире, Искатель отправился в Зону. Он рассудил, что здесь, в опаснейшем мире, мире постоянной непрекращающейся войны, найдётся место для очевидного подтверждения существования Бога. Искатель искал Чуда.

Сталкер поставил образ на стол и, перекрестившись, принялся молиться.

***

Проснулся Искатель, как всегда, перед рассветом. Оторвал голову от стола, сполоснул лицо водой из фляги, помолился и, засунув в рюкзак то, что доставал, направился в бар.

В баре стоял только Миша Параграф. Бром спал, завалившись в угол, остальные тоже ещё не подтянулись. Искатель, кивнув Мише, подошёл к стойке и громко постучал в стойку. Потом ещё раз. А потом, выхватив пистолет, выстрелил в пол.

— Да твою ж налево, кого там принесло с грёбаного утра пораньше?! — послышался отчаянный крик из подсобки.

Через минуту к стойке вышел помятый Бармен.

— Искатель, ты охренел?! Если сам непонятно чего ищешь, так хоть окружающих не втягивай! Палит он тут с утра… щас долговцы прибегут и навешают тебе по щам за пальбу в шесть утра.

— Работа есть? — без обиняков спросил сталкер.

Бармен недовольно поморщился, налил себе водки и залпом выпил.

— Есть. Надо сгонять к старому кладбищу техники на Свалке и забрать у ихнего командира рюкзачок.

— Что, опять подай-принеси? — проворчал Искатель.

— Не, ну если желаешь, могу послать на трёх кровососов, что устроились на Дикой территории. Или на банду, перекрывшую проход в Тёмную долину. Или…

— Ладно-ладно, я понял. Снова подай-принеси. Пожрать хоть поставишь авансом?

Бармен с мрачным видом достал из-под стойки консервы.

— Вскроешь сам, не маленький.

Искатель кивнул; не отходя от стойки, вскрыл банку и, достав из кармана рюкзака вилку, принялся уплетать тушёнку.

***

Свалка, как всегда, разнообразием пейзажей не блистала. Впрочем, как и открытыми видами вообще. Практически в любом месте обзор ограничивали гигантские, метров в пять, горы мусора, в которых местные диггеры до сих пор умудрялись выкапывать что-то ценное. И как всегда, на Свалке постреливали. Вялая перестрелка доносилась откуда-то с северо-востока.

Искатель не любил Свалку. Это, пожалуй, единственная местность, лишённая толики красоты, хоть обыденной, хоть извращённой. Только горы мусора… Сталкер сплюнул на землю и пошагал по асфальту на юг, решив рискнуть и пройти мимо депо, не обходя его по дуге. Всё-таки сейчас там какое-никакое, а затишье.

Пройдя мимо автобуса, стоявшего поперёк дороги, Искатель напрягся, положив руки на автомат. Куча хаотично разбросанных бетонных блоков по левую сторону была излюбленным местом бандитской братии — и дорогу хорошо видать, и сами в стороне, и есть где от пуль в случае чего укрыться. В общем, удобное со всех сторон место.

Однако в этот раз оно было свободно. Искатель прошёл мимо, настороженно оглядываясь, но затем вновь немного расслабился.

Из-за мусорной горы вынырнуло кладбище техники. В сравнении с теми, что можно было найти на севере, это было совсем небольшим. И все равно внушало. Вертолёты, легковушки, грузовики. Пожарные, автобусы и молоковозы. ВАЗы, ЗАЗы, ЗИЛы, Ми-шки…

Командир, сталкер по кличке Баклажан, сидел у костра. Никто толком не знает, за что Баклажана так прозвали. Одни говорят, это сделал Пример. Другие — что кто-то из новичков. Третьи — что это его фамилия. А истины не знает никто…

Баклажан поднялся навстречу Искателю.

— О, Искатель! Привет! Ты как здесь?

— Да вот… Бармен отправил рюкзак какой-то у тебя взять.

Баклажан убрал с лица улыбку.

— Так я ж этот рюкзак с парнем одним в Бар уже отправил, буквально минут пять-десять назад! Я тут с группой третий день сижу и жду гонца от

Бармена! В итоге заколебался. Мне ж дальше идти надо — заказ я взял крупный, на севере. А в Бар мне нельзя, ты ж знаешь…

Искатель кивнул. Баклажан был у долговцев в эдаком «чёрном списке» сталкеров, сочувствующих «Свободе». Обычно на допуски сталкеров в Бар это не влияло, но одно время по Зоне ходили слухи, что Баклажан в составе свободовского отряда прорывался через Лиманск. А в Лиманске они очень серьёзно погрызлись с отрядом «Долга». А потом ещё и «Монолит» добавился… но суть не в этом. Выжившие долговцы говорили, что видели там Баклажана. А «Долг» лучше поверит слухам, чем допустит на территорию Бара потенциального террориста.

На обратном пути Искателя неожиданно догнал сигнал «SOS», шедший из-за холма на северо-востоке. Существовала, конечно, вероятность того, что этот сигнал никак не связан с курьером… но она была очень мала. Да и, к тому же, на просьбу о помощи не отвечают только крысы.

Искатель резко ускорил шаг, на ходу снимая с плеча автомат. Сойдя с дороги, он двинулся дальше максимально близко к фонящему холму. Сигнал «SOS» был уже совсем близко. Сталкер замедлился и пригнулся к земле.

Все было кончено. Распростёртое тело курьера лежало недалеко от нескольких ящиков. Автомат валялся в нескольких метрах правее. Левая рука, сведённая судорогой, сжимала рюкзак с кейсом.

Вокруг мёртвого сталкера стояло несколько бандитов. Один из них наклонился с ножом в руках и разрезал лямки рюкзака, затем открыл сумку и достал кейс.

— Пацаны, нам сёння масть прёт! — радостно крикнул он.

— Ага… тока за эту масть трое реальных пацанов костьми легли. А ведь была же реальная тема с Тёмной долиной! — произнёс другой хмурым голосом.

— Погоди, не кипешуй, брателло! Этот ящичек стоит всех полёгших пацанов! А их мы ещё помянем!

Бандит потянулся к защёлкам кейса. Сейчас! Искатель резко вскочил, дал очередь в противника с автоматом, затем выстрелил в державшего кейс и нырнул за обломок бетонного блока. Остальные бандиты запаниковали, выхватывая оружие. В блок ударило несколько пуль, заставив Искателя сжаться. Он выждал секунду, а затем вновь вынырнул, готовый открыть огонь…

Пуля ударила в левую сторону груди. Искателя развернуло, он упал спиной в грязь. Ошеломлённо пощупал дыру в комбинезоне. Грязные пальцы нащупали осколки стекла. Лицо сталкера вытянулось, он, невзирая на острые края, нащупал пальцами икону, рванул застёжки комбинезона и вытащил её из разбившейся рамки. Абсолютно целую.

В голову сталкера уткнулся ствол.

— Ну и на хрена ты, фраер х*ровый, положил двух пацанов? Нах*ра полез в это? Это наши тёрки! Ну всё, сучонок, готовься сдохнуть…

Искатель поднял голову, посмотрел на бандита. Время словно замедлилось. Сталкер упал на бок, выхватывая пистолет из кобуры, выстрелил раз, другой. Два тела упали на землю. Вслед за ними упал пистолет. А Искатель с истовой молитвой упал на колени…

И исчез. А вместо него появился Схимник.

Прочее

Кое-что тематически не подходило ни к одному разделу — это мы и приберегли напоследок. В частности, сюда вошла интимная лирика и... ну, в общем, прочее.

Шёпот дождя *(Эйльхарт Филипп)*

Дождь не спеша барабанит по крыше,
Как те слова, что никто не услышит,
Как эти мысли, что ты убиваешь
В себе.

Тени, как призраки, пляшут в подвале,
Ты у окна, как ни в чём не бывало,
Плачешь в душе над своим пораженьем
В борьбе.

В мрачные дни тебе так одиноко,
Хочешь парить в вышине, словно сокол.
Только лишь в этом полёте находишь
Свой рай.

Я подойду и с тобой встану рядом,
Мы помолчим, ведь слова бьются градом,
И в тишине незаметно мне скажешь:
«Прощай».

Рвутся тончайшие гитарные струны,
Ночь одинока, тиха и безлунна,
Призрачный шёпот дождя...
Нет больше рядом тебя.

Когда ты поэт *(Бахриддинов Назар)*

В тиши, с чашкой чая,
И глядя в окно,
Как грусть убивая,
Держу я блокнот.

Клубятся туманы,
Сереет вокруг.
И рушатся планы,
Дела всех тех рук.

И вечность туманов:
Природа людей.
Когда болят раны
Разбитых затей.
Туманы исчезнут,
А ты лишь поймёшь,
Что план твой помпезный
Не план уж, а ложь.
Боятся ведь люди
Всех тех неудач,
Которых не судят,
Не лечит что врач.

Туман неудачи,
И смерть, и вся боль.
И скорбь, когда плачут,
Сыграет си роль.
Без чашки, без чая,
Не глядя в окно,
Уж грусть унимая
Держу я блокнот.
Опять неудача,
Всё рифма не та.
Такая задача,
Не так уж легка.

Скажи, за что... *(Дымченко Денис)*

Скажи за что, и я скажу тогда:
«Прости за все, в груди что так лелеял,
Живи легко, и сердце изо льда
О тех не взмолит вечерах в аллее».

Забудь о том, как провожал домой,
По тёмным улицам, под фонарями;
В глаза смотрел, и как никто другой
Хотел понять ту душу за дверями.

Тогда, в ночи, глядели в небеса,
Робея мы сидели и молчали.
И я, глупец, молясь на чудеса,
Глаза не видел, полные печали.

Давно забыла ты, но все ж прости
Того, кто не давал всего, что надо.
Сижу один, готов уже пойти
Туда, где жизнь готовит нам награду.

Кот и Пасха (Евстигнеев Борис)

Была Великая суббота. Крупный персидский кот Мяу́нжик лежал калачиком на кресле, и хотя со стороны могло показаться, что дремал, на самом деле он уже с десять минут наблюдал за своим хозяином по прозвищу (а может, по фамилии) Акула, собиравшим праздничную корзинку.

— Что, хоз-зяин, з-завтр-ра Пасха? — выдал своё неспаньё Мяунжик.

Да, этот кот умел разговаривать — пусть вас не удивляет. Основные хозяйские затеи он тоже знал, так что спросил больше для самопроверки, чтобы убедиться в правильности наблюдений.

— Да, Мяунжик, ты верно подметил.

Положив последнее расписное яйцо в корзинку, Акула накрыл её вышитой салфеткой, а затем принялся гладить кота.

— Мур...

Прогибаясь под гладящей рукой, Мяунжик немного задумался. Он всегда пользовался принципом: «Что праздник или горе для хозяина, то праздник или горе для меня», но в то же время не всегда понимал до конца, что же отмечает человек. Если день рождения, или Новый год, или День знаний, или пусть даже день Ангела были более-менее ясны, то сполна уразуметь Пасху кот пока не сумел. А ведь именно этот день, согласно наблюдениям, был особым, и хозяин всегда в это время бывал бесконечно радостен, словно сиял.

— Ак-кул-ла, а мож-жешь объй-яснить мне с-суть пр-раздника?

Человек немного опешил от неожиданности и, как только что чесал за ухом кота, почесал свою макушку.

— Хм... А, кажется, ты в прошлом году спрашивал подобное. Забыл, или не смог понять?

— Н-не смог... — признался кот.

— Эх... боюсь, мне снова не удастся донести всю суть. Пасха... Пасху сложно понять, но можно прочувствовать.

— Как огонь?

— Интересное сравнение. М-м, скорее даже не как огонь, а как... как свет!

— Л-луч с-солнца?

— Возможно.

— И где м-мож-жно пр-рочув-вствовать этот пр-раздник? — и, не дав Акуле ответить, кот тут же добавил: — Каж-жется, догадывай-юсь. Н-на Пасху ты вс-сегда куда-то х-ходишь, пор-рой на всю н-ночь. Можешь вз-зять мяуня с с-собой?

— Даже не знаю... Да, я пойду в храм, но зверям внутрь входить не положено.

— Так й-я в стор-ронке пр-ребуду, мяу.

— Ну-у... Думаю, если ты разместишься, например, на церковном заборе, то никому не помешаешь и всё увидишь и услышишь.

— Ур-ра! Тогда ид-ду с тобой!

После одиннадцати вечера человек и кот двинулись ко храму. Хозяин надел лучшие праздничные одежды, Мяунжик тоже привёл себя в порядок, как следует вылизавшись. Конечно, смотреть на него не должны, однако без внешнего порядка трудно устроить и внутренний, который так потребуется для внимания и понимания, да и выглядеть кое-как в праздник — неуважение и к празднику, и к празднующим.

Как и в течение дня, небо оставалось чистым, и луна со звёздами украшали его, подчёркивая важность грядущего и наблюдая, дабы никто не нарушил предпасхальную тишину.

О приближении к храму Мяунжик понял даже до того, как хозяин это объявил, и не потому, что увидел серебрящийся в лунном свете крест, или что услышал перезвон колоколов — просто ощутил что-то неописуемое, какую-то лёгкость и тайну. Чтобы не компрометировать хозяина, кот немного отстал, а когда человек вошёл в церковный двор, аккуратно влез на ближайшее дерево, а оттуда перескочил на широкую каменную ограду. Найдя удобное место под веткой того же дерева, где уж точно никому нельзя помешать, Мяунжик умостился там и поглядел вниз.

Весь двор был заполнен народом, и можно было помыслить, что это толпа, но нет: несмотря на относительно малую площадь, здесь отсутствовала толкотня, а люди выглядели радостно и приветливо, что совершенно неприсуще обыкновенным толпам. Ожидалось что-то чудесное.

Кот проникся всеобщим чувством, пока ещё не зная, отчего оно, но сполна его приняв. На несколько мгновений предпраздничная тишина, казалось, стала абсолютной, как вдруг из дверей храма показались хоругви, и скоро на двор вышло духовенство. Начинался крестный ход.

«Какие красивые знамёна!» — подумал кот, приклеив взгляд к одному из них. — «Я привык видеть флаги как просто несколько сплошных цветов, видел гербы как просто схематический значок, но это — что-то явно большее. Ни цвет, ни узор, хотя присутствуют, не так важны, как изображение посредине. Но Кто же здесь изображён? Очевидно, нужно понять это, дабы уяснить праздник».

Поставив такой вопрос, который должен был стать одним из ключей к изначальному вопросу, Мяунжик даже не успел переключить внимание, как до его ушей донеслась песнь: «*Воскресение твое, Христе Спасе...*» Враз по двору побежали огоньки — это люди зажигали свечи, наличие которых в руках кот сперва и не заметил. Под тихо и таинственно повторяющееся песнопение началось столь же тихое и мерное движение: вслед за священнослужителями и хоругвями народ шёл вокруг храма, бережно храня огоньки и поддерживая песнь. Мяунжику сразу запали слова.

«Воскресение... Новое понятие, мне пока не знакомое. Кабы ничего не упустить: может, догадаюсь о значении из контекста. Воскресение... Раз с него всё начинается, значит, это действительно ключевое слово, ещё один ключ к пониманию».

Раздумывая над песнью и одновременно вслушиваясь в красивейший звон колоколов, будто бы желая узнать у них причину всеобщей радости, Мяунжик стал вглядываться в текущую реку людей, думая найти среди них хозяина. Вон, кажется, и он. Невольное желание мяукнуть удалось упредить, и хорошо: у человека такой счастливый и в то же время сосредоточенный вид, что не хочется отвлекать его, а заодно и немало других окружающих — лучше молча или в общем пении разделить радость со всеми.

Задняя часть крестного хода только скрылась за зданием храма, когда передняя уже показалась с другой его стороны. Кот снова стал любоваться хоругвью.

«Если я правильно услышал слова песни, повторённой всеми уже столько раз и оттого будто льющейся в вечность, то понял, Кто здесь изображён — Христос Спас. Спас... Вероятно, Спаситель? Итак, имя познано, но, всё-таки, Кто же Он?»

Между тем внимание Мяунжика спустилось по древкам хоругвей на тех, кто ступал рядом с ними.

«Какие необычные, красивые, величественные одежды! Царские... Нет, где там! Цари зачастую одеваются без вкуса, лишь чтобы показать власть и богатство, а здесь ничего ни убавишь, ни прибавишь. Уверен, каждая часть одеяния имеет глубокое значение, иначе и быть не может. Кто же эти люди? Определённо, не самые главные здесь, поскольку идут за хоругвью с изображением Спаса. Значит... они — его служители!»

Сделав вывод, кот даже не успел начать искать глазами что-то ещё, требующее изучения, — оно само попало под взгляд. Один из священнослужителей держал в руке некий золотой шар на трёх цепях, из которого светил небольшой огонь и шёл дым. Как только Мяунжик заинтересовался назначением предмета, вдруг дунул ветерок, подняв на забор запах того самого дыма.

«Благовония!» — потянул носом кот и стал ещё радостнее. — «Хозяин возжигал подобное на некоторые праздники перед тем, как делал то, что называется словом "молиться". В такое время лицо его иногда будто бы просветляется, что я заметил и здесь. Ага, так он и сейчас, наверное, молится!

Как и сотни других здесь присутствующих. Сдаётся, кое-что мало-помалу начинает проясняться...»

Крестный ход обогнул храм ещё дважды, и всё это время кот снова и снова вслушивался в слова поющейся молитвы, с каждым разом понимая её всё более. Одновременно Мяунжик поглядывал на каждого отдельного человека, проходившего рядом с забором, и почти всегда замечал именно ту светлость лиц, искреннюю радость, и это точно подтверждало совершение молитвы, а не простое пение.

«*Ангелы поют на небесе...* Слышал от хозяина про Ангела-хранителя. Припомнить бы немного... Кажется, Ангелы невидимы и вместе с тем очень великие. А раз они поют на небе о воскресении Христа, то и людям на земле подобает его славить, но обязательно с чистым сердцем, как и сказано в словах. Жалко, что мне не прочувствовать до конца на себе, каково это — чистое сердце; кажется, сие в полной мере присуще только людям. Зато в человеке я не раз замечал это качество, вот, в хозяине, к примеру. Как чудесный дар!»

Когда закончился третий круг крестного хода, река огоньков свечей сильно замедлила движение; вскоре духовенство остановилось у церковных дверей. Прозвучал священнический возглас, который уши кота, готовые было ещё раз принять ставшую знакомой песнь, не до конца услышали, словив только: «*Слава... всегда... и во веки веков*».

Тут же отозвался уже не весь народ, но, видимо, хор, и зазвучало новое песнопение, вскоре опять подхваченное каждым. Мяунжик всячески настроился, чтобы не пропустить ни слога, и был весьма обрадован тому, что молитву повторили трижды.

«*Христос воскресе из мертвых...* Из мертвых... Ну, точно! Воскресение — противоположность смерти! Причём, похоже, это не просто синоним к "жизни", а... возвращение к жизни! Да, видимо, так! Что поётся дальше? *Смертию смерть поправ*. Поправ? Какой корень у этого слова? "Пр"? "Упредить", "определить", "переть"... нет, не то. Что же к нему однокоренное? "Пр"... "Запрет"? "Против"? Вроде подходит! Получается "смертью запретив или совершив противодействие смерти» — очень интересно. Хорошо, что дальше? "*И сущим во гробех живот даровав*". Получается, кому-то в гробах, то есть мёртвым, что-то подарив. А что можно подарить мёртвым? Только жизнь! Вот оно что такое, воскресение, оказывается! Уже более-менее понятна суть Пасхи, но стоит ещё кое-что узнать. Кстати, а ведь последний день недели тоже называют воскресеньем. Получается, люди еженедельно вспоминают Пасху? Какое чудо!»

С каждой пройдённой ступенькой к разумению праздника радость Мяунжика, не покидавшая его всё время с момента прихода сюда, становилась всё более осознанной. Вот большинство людей вошло под крышу храма, и коту пришлось немного сменить дислокацию, усевшись напротив окна, дабы видеть происходящее внутри. Зато со слышанием молитв проблем не возникало:

внутри был подключён микрофон, так что слова доносились до каждого — стоило только не отвлекаться, а слушать.

«Интересно, что это за язык? Вроде и похож на человечески-русский, но не совсем. Я его точно не знаю, но больше половины, а то и двух третей, могу понять. А такой красивый, благозвучный и возвышенный! Надо будет на досуге заняться его изучением».

Так решив, кот снова навострил уши, как тут от следующих слов вдруг замер: словно молния, явился последний ключ к тому, чего так искренне желал кот. «*Господи, помилуй*», — пропел хор, и священник продолжил возносить молитву, а Мяунжик стоял как вкопанный.

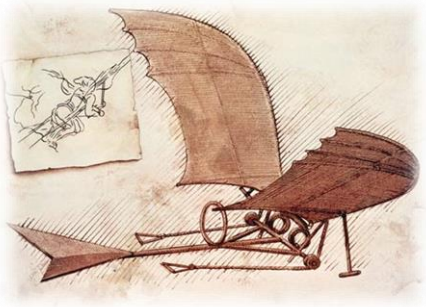
«Господи... Господь... Господин... Хозяин!!! Теперь всё ясно!» — аж подпрыгнул от радости кот. — «Изображённый на хоругви и Воспеваемый здесь — для людей, как для меня — хозяин, даже более того. Тогда понятен праздник! Стал ли бы я делать что-то, что неприятно хозяину? Не стал ли бы славить его только за то, что он обо мне заботится? А когда хозяин бы пропал, умер, и воскрес, не был ли бы это праздник? Тогда Пасха — это просто праздник над праздниками: Господь не лишь воскрес, но и подарил людям новую жизнь! Как счастливы люди, у которых есть такой Хозяин! И такой истинный праздник! Вот откуда настоящая радость, вот что такое Пасха! Как жаль, что я кот, а не человек, и не могу полностью ощутить всё то, что, должно быть, ощущают люди в связи с этим праздником. Но теперь я понял, и смогу разделить со всеми эту радость в максимально доступной мере!»

Мяунжик в умилении прикрыл глаза, и лунный луч упал на него, серебря шерсть. Конечно, луна не могла греть, как солнце, но какое-то необыкновенное тепло разлилось внутри кота. До глубокой ночи, пока в храме шла служба, Мяунжик жадно ловил слова молитв и следил за тем, что происходит в церкви, всё глубже и глубже погружаясь в ни с чем не сравнимую атмосферу Пасхи, всё яснее и яснее понимая смысл. Кот радовался и за хозяина, который наверняка чувствовал свет праздника ещё больше него, и за священников, которые удостоились чести прямо служить Господу, и за всех стоящих в храме людей, разделяющих общую радость и вместе славящих Спасителя. Много ночей Мяунжик не спал, но ни одна не запомнилась ему так, как эта. Теперь он сможет отмечать праздник не просто потому, что так надо, а потому, что знает ежегодно происходящее в этот светлый день.

Мечта о полёте (Евстигнеев Борис)

Вольный перевод песни «Sogno di Volare» из главного меню игры Civilization VI

Оригинал (на итальянском)	***Поэтический перевод***
Una volta che avrai Spiccato il volo, deciderai Sguardo verso il ciel saprai: Lì a casa il cuore sentirai. Una volta che avrai Spiccato il volo, deciderai Sguardo verso il ciel saprai: Lì a casa il cuore sentirai.	Испытав хоть раз полёт, Взглянешь ты на небосвод — Сердце будет призывать, Как домой, туда опять. Пережив хоть раз полёт, Ты поймёшь: душа зовёт, Стоит к небу взгляд поднять, Как домой, туда опять.
Prenderà il primo volo Verso il sole il grande uccello Sorvolando il grande Monte Ceceri Riempendo l'universo di stupore e gloria.	Птица первая большая Полетит, рассвет встречая, Над горами и дубравой, Мир скрашая чудом, славой.
Una volta che avrai spiccato il volo, Allora deciderai Sguardo verso il ciel saprai: Lì a casa il cuore sentirai.	Испытав хоть раз полёт, Взглянешь ты на небосвод, Сердце будет призывать, Как домой, туда опять.
L'uomo verrà portato dalla sua creazione Come gli uccelli, verso il cielo... Riempendo l'universo di stupore e gloria.	Человек взметнётся вдруг, На своих твореньи рук... Птице он подобен самой, Мир скрашая чудом, славой.
Una volta che avrai Spiccato il volo, deciderai Sguardo verso il ciel saprai: Lì a casa il cuore sentirai.	Пережив хоть раз полёт, Ты поймёшь: душа зовёт, Стоит к небу взгляд поднять, Как домой, туда опять.



Авторы

Борис «FRAER» Евстигнеев

Всем привет, меня зовут Борис, я из Украины, Львов. Медалист школы, нынче учусь на IV курсе универа по специальности «Прикладная математика». Являюсь одним из основателей Викописалии. Увлекаюсь писательством с самого детства, возможно, оттого, что родился в один день с Пушкиным. В прозе начинал с историй про кота Мяунжика, а потом нашёл себя в «повседневке»: люблю писать условно реалистичные рассказы, нередко включая в персонажи себя и своих друзей. В поэзии же моими пробами пера были в основном весёлые стишки и пародии на стихотворения школьной программы, со временем стал повышать планку качества, писать глубже и серьёзнее.

Отдаю предпочтение классическому направлению в литературе, без всяких космолётов и дракончиков; убеждён, что любое произведение должно нести некую мораль. Помимо писательства увлекаюсь любительским театром, а кроме творчества люблю плавание, велоезду и разные штучки, связанные со специальностью.

Тимофей «Кулибин» Савенок

День добрый читающим! Я — Тимофей, белорус. В некоторой степени патриот народа. По учебному направлению на момент составления сборника — физик-математик (школьник ещё, стало быть). Интересуюсь я много чем, от литературы и игр до режиссуры (очень понемножку), бардовской песни и котиков. Ну и без всякой технарщины не обходится. В культуре часто предпочитаю избегать того, что «в тренде», и смотреть/читать/слушать/играть то, что встречу где-либо сам. В музыке предпочитаю рок и кантри, реже бардовскую и классику. В книгах — фантастику и фэнтези; недолюбливаю «реализм».

Пишу я о том, о чем придёт в голову. Идеи у меня порой появляются разноплановые, но большинство пока откладывается в долгий ящик. Пишу потому, что нравится — но не оставляю надежды однажды получить и финансовое вознаграждение :)

Назар «Извергатель мглы» Бахриддинов

Я Бахриддинов Назар, мне 17 лет. Уроженец Узбекистана, некоторое время жил в Чечне. Заядлый игрок в «Террарию», чтец «Котов-Воителей», любитель книг Терри Пратчетта, фанат тяжёлой музыки, любитель стихов Алишера Навои. Кроме поэзии, люблю театрально-эстрадное дело, некоторые сценарные познания и прочее-прочее. Увлекаюсь скандинавской мифологией, люблю фэнтези, философско-боевое, можно сказать. Руководствуюсь принципом «Ни дня без строчки».

Филипп «Rain Dreamer» Эйльхарт

18-летний парень из Запорожья. Очень дождливый мечтатель, рэпер, гитарист, программист и просто хороший (или не очень) человек.

Денис «Orujeynik» Дымченко

Меня зовут Денис, мне 16 лет. На досуге либо пишу рассказы, либо хожу по лесу.

Андрей «Lt. Priboi» Пашинский

Всем привет! Зовут меня Андрей, 21 год. Живу в Петербурге. В свободное время читаю книги, играю на гитаре. Как и многие, увлекаюсь компьютерными играми.

Иван Коряпин

Гимназист из города Курган, увлекается театром и кино. Относительно недавно научился слагать стихи.

Ефим Алексеев

Поэт из Новосибирска, 22 года. На Википисалии публикуется как анонимный участник, однако подписывается.

Степан «Duoddarhalti» Оглоткин

Зовут Степан, 26 лет, являюсь великим лентяем и гиком. Увлекаюсь также собиранием всевозможных коллекционных фигурок и написанием рассказов.

Владислав «Ivanov VN» Иванов

Зовут меня Влад, 18 лет. Родился в России, в Еврейской АО. Один из основателей Википисалии. Программист и дизайнер.

Содержание

Гимн Викописалии ***(Бахриддинов Назар)*** 1

Философские суждения 2

Человеку ***(Эйльхарт Филипп)*** 2

Поиски ***(Дымченко Денис)*** 2

Всегда радуйтесь ***(Евстигнеев Борис)*** 3

Дзверы без уваходнай ручкі ***(Савенок Тимофей)*** 4

Respice post te! Hominem te memento! (*Эйльхарт Филипп*) 6

Тщетно ***(Коряпин Иван)*** 7

Избранные рубаи ***(Бахриддинов Назар)*** 7

Нулевой фон ***(Савенок Тимофей)*** 9

Ба-бах, ты убит! ***(Эйльхарт Филипп)*** 18

Да будет свет ***(Евстигнеев Борис)*** 19

Паладин, пока носят ноги ***(Бахриддинов Назар)*** 20

Скальд ***(Бахриддинов Назар)*** 22

De Interrete ***(Евстигнеев Борис)*** 23

Мир рождался новый ***(Эйльхарт Филипп)*** 24

История одного «диагноза» ***(Пашинский Андрей)*** 24

Пейзажные зарисовки 29

Сибирь ***(Алексеев Ефим)*** 29

Пепелище ***(Дымченко Денис)*** 29

Горный поход ***(Евстигнеев Борис)*** 28

Лето без Интернета ***(коллективное)*** 29

Один день из жизни фотографа ***(Савенок Тимофей)*** 33

Весёлые риски зимней поры ***(коллективное)*** 38

Бродячий гитарист ***(Савенок Тимофей)*** 38

Гражданские заботы 42

Видение о бессмертии ***(Бахриддинов Назар)*** 42

Спартанцы ***(Бахриддинов Назар)*** 42

Блокадникам ***(Дымченко Денис)*** **43**
Слава варваров ***(Бахриддинов Назар)*** **43**
Отличникам ***(Евстигнеев Борис)*** **44**
Демоны прогресса ***(Бахриддинов Назар)*** **45**
Патріот ***(Евстигнеев Борис)*** **46**
Любовь такой быть не должна ***(Бахриддинов Назар)*** **48**
Многобуквие ***49***
Пушистый товарищ ***(Савенок Тимофей)*** **49**
Аттестатчики ***(Евстигнеев Борис)*** **68**
Велик без управления ***(Евстигнеев Борис)*** **89**
Весёлая писанина ***128***
Рыцарь ***(Бахриддинов Назар)*** **128**
Псевдохокку о математике, геймерах и жизни (*Евстигнеев Борис*) **128**
Матазарт прелестней карт ***(Евстигнеев Борис)*** **130**
Антиверлибр ***(Евстигнеев Борис)*** **131**
Полёт ежа ***(Евстигнеев Борис)*** **132**
S.T.A.L.K.E.R. ***144***
Щенки ***(Оглоткин Степан)*** **144**
Осознание ***(Савенок Тимофей)*** **149**
Дитя Зоны ***(Иванов Владислав)*** **153**
Музыка Мёртвого города ***(Пашинский Андрей)*** **191**
О Чудо ***(Савенок Тимофей)*** **195**
Прочее ***198***
Шёпот дождя ***(Эйльхарт Филипп)*** **198**
Когда ты поэт ***(Бахриддинов Назар)*** **198**
Скажи, за что... ***(Дымченко Денис)*** **199**
Кот и Пасха ***(Евстигнеев Борис)*** **202**
Мечта о полёте ***(Евстигнеев Борис)*** **207**
Авторы ***208***